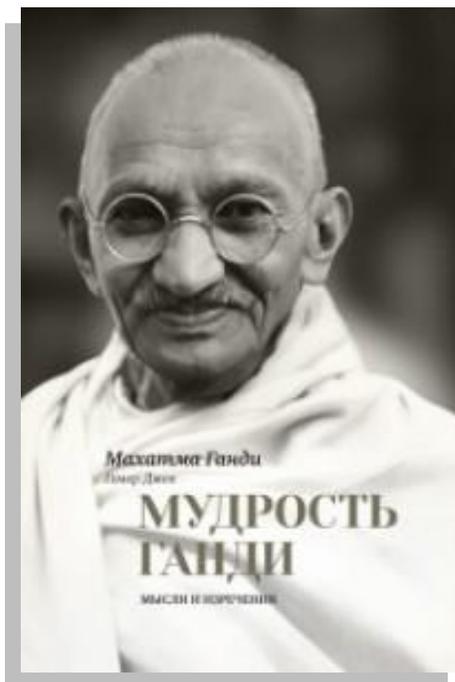

МУДРОСТЬ ГАНДИ

МЫСЛИ И ИЗРЕЧЕНИЯ

Annotation

Эта книга – кладезь мудрости Махатмы Ганди, одного из самых авторитетных идеологов современности, духовного лидера индийской нации, к которому с огромным почтением относятся не только на родине, но и во всем мире. Им восхищались ученые, политики, деятели культуры, а британцы называли его «человеком тысячелетия».

Книга не оставит равнодушным того, кто интересуется идеями и мыслями выдающихся исторических личностей.

Махатма Ганди, Джек Гомер

Мудрость Ганди. Мысли и изречения

Mohandas Gandhi The Wit and Wisdom of Gandhi Edited by Homer A. Jack DOVER PUBLICATIONS, INC.

Издано с разрешения Dover Publications, Inc. и литературного агентства Andrew Nurnberg

Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая фирма «Вегас-Лекс».

© Homer A. Jack, 1951, 1979 © Перевод на русский язык, издание на русском языке, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2015

Посвящается моей матери

Предисловие

Ганди был плодовитым автором, поднимавшим самые разнообразные темы. Думаю, что в этом отношении с ним не смог бы соперничать даже непревзойденный Вольтер. За свою долгую жизнь Ганди написал бесчисленное множество писем, передовиц и тематических статей в своих знаменитых газетах *Young India*^[1], «Навадживан» и «Хариджан». Он также опубликовал множество книг, среди которых стоит отдельно назвать вышедшую в 1927 году автобиографию «История моих экспериментов с истиной»^[2] (*The Story of My Experiments with Truth*). Кроме того, у него было бесконечно большое число интервью, публичных обращений, молитв и обычных бесед, которые дословно записывались и ежедневно публиковались в индийских и иностранных газетах. Ничего подобного в мире не случилось ни до, ни после Ганди. Пьярелал Найяр, официальный биограф Махатмы, был, вероятно, ошеломлен обилием материалов. Литературное наследие Ганди представляется еще более удивительным в свете того, что сам Ганди никогда не был писателем. В отличие от своего великого современника Рабиндраната Тагора, а также от верной последовательницы Виджайи Лакшми Неру Пандит, Махатма обладал далеко не совершенным литературным стилем. В своих текстах он чрезвычайно редко поднимался до высот красноречия и изящества. Пассажи, заслуживающие внимания благодаря своим литературным достоинствам, практически не встречаются в его сочинениях. Ганди никогда не был эстетом – он был прагматиком. Он не располагал достаточным временем, а также не обладал ни желанием, ни амбициями, чтобы стать художником слова. Он думал лишь о своем народе и о борьбе за его свободу. Писал Ганди намеренно просто, заботясь лишь о том, чтобы все его понимали. В результате он сумел добиться главного – ясности изложения. Я сомневаюсь, что во всем литературном наследии Ганди нам удастся отыскать хотя бы одно двусмысленное или непонятное предложение. Махатма неустанно оттачивал свое мастерство в течение всей жизни. Он выковал стиль, идеально служивший его цели. Он заставил своих читателей думать о содержании, а не о форме – разве это не торжество соответствия средства цели? В это безбрежное море отважно бросился Хомер Джек. Подобно искателю жемчуга, он поднял на поверхность лучшие из бесчисленного множества раковин, не дав им потеряться на морском дне. Подобно химику, Джек провел тщательный анализ добытого материала и выделил из него самые ценные его элементы. Отбросив все сложные фигуры речи, Джек представил на суд читателя суть и смысл сказанного Ганди. Коротко говоря, Джек сделал за нас то, что сами мы не сделали бы никогда. Теперь мы можем, читая эту книгу, безмятежно наслаждаться письменным и устным наследием Махатмы. В данной антологии сочинений Ганди меня больше всего

поражает мастерство отбора материала. Я не мог даже предположить, что найду в книге столько жемчужин глубокой мысли и здравого смысла. Джек и сам проявил немалую мудрость, прибегнув к коротким, а не к длинным цитатам. Должно быть, он испытывал немалое искушение последовать за плавным течением мыслей Ганди, но это привело бы к растворению сути в необозримой массе текста. Проявив незаурядное благоразумие, Джек выбрал краткие цитаты, чем только усилил эффект, производимый поразительным мышлением Ганди. Нигде в книге я не встретил примеров вольного обращения с исходным материалом, нигде Хомер Джек не злоупотребил контекстом. Это редакторская работа очень высокого класса. То же самое можно сказать и о систематизации материала. Она была выполнена мастерски и с безупречным вкусом. Религия, теология, личная этика, социальная этика (любовь), государственная служба, международные отношения, политика, семья, образование, культура и профессиональное обучение, проблемы Индии и личность самого Ганди – вот выбранные Джеком рубрики, и все они убедительно проиллюстрированы точными словами Ганди. Кто усомнится в величии духа Ганди, в мощи его ума, увидев на страницах этой книги сияние его гения? Я с удовольствием рекомендую ее многочисленным – как я надеюсь – читателям. Прочитав ее, немало людей, прежде ничего не знавших о Ганди, откроют для себя этого великого человека и тем самым обогатят свою жизнь. Те же, кто хорошо знает и почитает Махатму, снова преклонят колени перед сим скромным святилищем. И в том, и в другом случае это будет достойная награда Джеку за его труды.

Джон Холмс

Введение

Оригинальность – удел богов. Она недоступна даже святым. Идеи Мохандаса Карамчанда Ганди не были исключительно его авторскими находками. Разрабатывая свою самую оригинальную концепцию ненасильственных прямых действий, Ганди неоднократно ссылался на предшественников – графа Льва Толстого, Генри Торо, а также на Нагорную проповедь и священные тексты индуизма. Во многих отношениях взгляды Ганди представляли собой необычную смесь восточного и западного мировоззрения. Рожденный в Индии, он был плохо знаком с родной культурой, о чем впоследствии немало сожалел, ибо получил образование в британских школах. В возрасте девятнадцати лет он оказался в Англии, где изучил право и познакомился с западным образом жизни, поняв его настолько, насколько это возможно для представителя восточной культуры. По возвращении из Англии Ганди недолго оставался в Индии. Двадцать лет он прожил в Южной Африке, борясь за гражданские права большой индийской общины. Находясь там, он продолжил изучение западной культуры и особенностей западного мышления. Помимо этого, он наконец смог тщательно присмотреться к собственному народу и его культуре. Несмотря на то что Ганди осуждал английскую систему образования, господствовавшую в Индии до 1947 года, и беспощадно критиковал всю западную цивилизацию как таковую, он признавал, и нередко, что очень многим ей обязан. Величие Ганди было в большой степени обусловлено эклектичностью его взглядов. Он тщательно отбирал то, что представлялось ему истинным, из восточных и западных культур и религий. Из-за осуждения Запада Ганди часто обвиняли в ретроградстве и реакционности. Тем не менее сам он всегда отрицал, что интересуется стариной именно из-за ее древности. Например, Ганди ратовал за повсеместное применение ручной прялки в отсталых сельских районах Индии, так как это орудие идеально подходило для бедняков. Ганди не слишком хорошо относился к машинам, так как видел, что в руках капиталистов – иностранных и местных – они превращаются в орудие эксплуатации людей, к которым хозяева тоже относятся как к машинам. Ганди однажды написал, что многие будут удивлены тем фактом, что за свою жизнь он прочитал очень мало книг. У него просто не оставалось на это времени, так как его отнимала политическая деятельность, и Ганди порой с нетерпением ждал, когда его в очередной раз лишат свободы, чтобы он смог наконец взяться за чтение. Вот что он пишет о своем нахождении в южноафриканской тюрьме в 1913 году: «У меня много лет не было возможности учиться, особенно после 1893 года, и перспектива засесть на год за книги переполняла меня радостью»¹³¹. В Лондоне Ганди изучал западное право и время от времени читал христианскую литературу. В Южной

Африке он наконец взялся за систематическое изучение христианства. За первый год своего пребывания в Африке он прочитал почти восемьдесят книг. Особенно сильное впечатление произвели на него две книги – «Царство Божие внутри вас» Льва Толстого и «Последнему, что и первому» Джона Рёскина. Позже Ганди писал, что по прочтении книги Рёскина он «проснулся на рассвете, готовый воплотить на практике его принципы», – и, что характерно для Ганди, он действительно это сделал! Перевод книги Рёскина на гуджарати, озаглавленный «Сарводайя» («Богатство для всех»), был опубликован в 1919 году, став ненасильственным выражением протеста против запрещения некоторых книг бомбейскими властями. Будучи в Южной Африке, Ганди смог впервые в жизни заняться изучением родной индийской культуры, пользуясь отчасти сочинениями теософов, отчасти другими английскими переводами и толкованиями. В своей «Автобиографии» Ганди рассказывает, что прочитал тогда книгу Макса Мюллера «Индия: чему она может нас научить?» и перевод «Упанишад», выполненный теософским обществом. В этот же период Ганди прочитал «Жизнь пророка Мухаммеда»^[41] Вашингтона Ирвинга и эссе Карлейля об основателе ислама. Всю свою жизнь Ганди выборочно читал публиковавшиеся на Западе книги. Когда он в последний раз в начале 1942 года отбывал тюремное заключение во дворце Ага-хана, он прочел несколько фрагментов «Капитала» Карла Маркса. Сам Ганди был весьма плодовитым сочинителем, несмотря на то что никогда не получал гонораров за свои произведения². Первой известной его публикацией стал памфлет, озаглавленный «Обращение к британцу Южной Африки». В этом тексте содержались «основанные на фактах утверждения об условиях жизни индийцев провинции Натал». Памфлет был опубликован в Южной Африке в 1894 году. По пути в Южную Африку из Лондона в 1909 году Ганди написал «Хинд Сварадж, или Индийский Гомруль». Это короткое эссе стало началом и основой тридцатилетней борьбы Ганди за независимость Индии. «Хинд Сварадж» был напечатан большим тиражом в 1938 году. К этому изданию Ганди написал новое введение, в котором указал: «Я не вижу никаких причин отказываться от изложенных здесь взглядов». Ганди очень рано осознал важность печатных органов в политической борьбе и в 1904 году основал газету Indian Opinion, издававшуюся на английском и на гуджарати. Вот что он сам говорил об этом периодическом издании: «Оно было зеркалом части моей жизни... неделю за неделей изливал я на его страницы душу. Не могу припомнить в своих статьях ни одного слова, не продиктованного глубокими раздумьями, ни одного преувеличения, ни одной фразы, написанной для развлечения публики». «Хинд Сварадж» печатался в Indian Opinion с продолжениями, как и многие статьи по диететике, которые впоследствии были объединены в опубликованную на английском языке книгу «Путь к здоровью». Ганди прекратил издание Indian Opinion в 1914 году, когда покинул Южную Африку. По воле судьбы сын Ганди

Манилал до сих пор издает в Натале Indian Opinion^[5], на страницах которой критикует процветающий в Южно-Африканском Союзе расизм. В 1919 году Ганди принял участие в учреждении двух журналов – одного на английском языке – Young India, а второго на гуджарати – «Навадживан». В 1933 году Young India стал называться «Хариджан» – этим словом Ганди обозначал неприкасаемых. О том, что скромные на вид еженедельники пользовались в Индии огромным влиянием, говорит тот факт, что в начале 1940-х годов они выдержали двенадцать изданий на девяти языках, самые же важные статьи Ганди на следующий день перепечатывались всеми газетами Индии – а таковых выходило 37 на английском и 115 на различных языках Индии. В начале 1920-х годов Ганди закончил книгу «Сатьяграха в Южной Африке». Она была написана в то время, когда Ганди сидел в тюрьме в Еравде, и с продолжениями опубликована в «Навадживане». Именно в этот период Ганди убедили написать необычайно искреннюю автобиографию, которую он назвал «Историей моих экспериментов с истиной». Эту книгу, написанную на гуджарати, Ганди тоже создал в тюрьме. Печатали ее в «Навадживане» – главу за главой. Личный секретарь Ганди, Махадев Десаи, переводил главы автобиографии на английский с помощью Мирабен (Мадлен Слейд). Этот перевод печатали в США, в журнале Джона Холмса Unity («Единство»). В Соединенных Штатах автобиография Ганди полностью была опубликована только в 1948 году, хотя отрывки из нее печатались Эндрюсом в 1930 году. Большинство поздних работ Ганди представляли собой статьи и интервью, печатавшиеся в Young India, «Навадживане» и «Хариджане». Кроме того, вышло в свет несколько сборников этих материалов. Например, в начале 1920-х годов публикации в Young India были изданы отдельным трехтомником. Печатались также выдержки из работ о миссии, неприкасаемых, отечественной промышленности и т. д. – под редакцией иногда самого Ганди, иногда его ближайших сотрудников. «Официальное» собрание статей Ганди опубликовало издательство «Навадживан» в Ахмедабаде. С 1918-го по 1942 год, до самой своей смерти, Махадев Десаи был правой рукой Ганди. В шутку его называли Босуэллом^[6] Ганди. Махадев Десаи опубликовал несколько книг, включая «Гандиджи в индийских деревнях» и «Гандиджи на Цейлоне». Пьярелал, бывший секретарем Ганди до смерти последнего в 1948 году, также написал несколько книг о Махатме, а теперь работает над его многотомной монументальной биографией^[7]. Ганди не был литературно одаренным человеком – по крайней мере, его писательский талант не виден в переводах. Ганди свободно владел английским, но в своей борьбе за использование местных языков предпочитал гуджарати. Джон Холмс замечает по этому поводу: «Ганди не был великим литератором. Он не достиг вершин в красноречии и красоте стиля. В первую очередь его занимал не стиль, а смысл. Писание виделось ему не родом искусства, а практическим способом выражения мыслей. Ему было, что сказать,

и он говорил это быстро, просто и ясно»³. Несмотря на ожесточенную борьбу, которую ему всю жизнь приходилось вести, Ганди умел сочетать разум и остроумие с мудростью. Если юмор и сатира и не были главным оружием его ненасильственного арсенала, то все же он часто проявлял их в своих личных отношениях с друзьями. Он подмечал забавные ситуации в собственной жизни и, не колеблясь, рассказывал о них другим. В своей «Автобиографии» он вспоминает, как однажды, после того как он в детстве отведал козлятины, ему приснилось, что у него в желудке блеет стадо коз! Он писал, что «муки махатм известны только махатмам»⁴. Луису Фишеру он признался в мотивах, побудивших его к мистическому еженедельному дню молчания: «Я очень много работал и потому решил давать себе отдохнуть раз в неделю. Так я установил день молчания. Позже, конечно, я облек это молчание в одежду всяческих добродетелей и прикрыл его завесой духовности. Но на самом деле исходным мотивом было просто желание отдохнуть»⁵. Ганди, в отличие от Сталина, не обучался в семинарии. Ганди, подобно Христу, не получил богословского образования – но несмотря на это, вся его жизнь и ее смысл зиждились на страстной личной вере. Его миссия была религиозной в своей основе. Ганди не пытался обратиться в христианство, но он включил некоторые христианские воззрения в свою личную религию – эклектический индуизм. Махатма весьма критично относился к уродливому наросту индуизма – к концепции и практике неприкасаемости. Величайшим общественным нововведением Ганди стала *сатьяграха* – прямое групповое ненасильственное действие или духовное движение. Это оружие он выковал в противостоянии расистскому угнетению индийцев в Южной Африке и отточил в борьбе с британским империализмом в Индии. Он не мог отделить *сатьяграху* от своей религиозной ориентации – и в самом деле, первая выростала из второй. Как мудро заметил Орас Александер, вся жизнь Ганди была примером «своего рода диалектики»: сначала он подготовил свой народ к свободе, а потом помог ее добиться⁶. Подготовка, названная конструктивной программой, в разные периоды была посвящена единству мусульман и индуистов Индии, отечественной промышленности, защите женщин, реформе образования, воздержанию и отмене неприкасаемости. Когда конструктивная программа стала воплощаться в жизнь, Ганди начал кампанию прямых ненасильственных действий, направленных на достижение освобождения, к которому он к тому времени сумел подготовить своих соотечественников. Такое чередование видов деятельности способствовало универсальности интересов Ганди и разносторонности его сочинений. Миссия Ганди выходила за пределы религии, богословия, *сатьяграхи*, независимости Индии и ее внутренней политики. Помимо этого, Ганди разработал богатый кодекс личной и общественной этики, включая продуманные, хотя и противоречивые концепции диететики, воздержания и отказа от собственности. Внимание, которое он уделял бедности, было

производным от его концепции лидерства как служения на благо общества. Ганди мало говорил о международных делах, хотя в последние годы и стал символом движения, боровшегося с войной как с орудием национальной политики. Эта позиция хорошо согласовалась с отвращением Ганди к насилию и ненависти – инструментам политики внутренней. Анализу идей Ганди посвящена весьма обширная литература, начиная с его первой биографии, составленной преподобным Джозефом Доуком (эту книгу Ганди скромно послал Толстому), ранних проповедей Джона Хейнса Холмса и хорошо известного жизнеописания, написанного Роменом Ролланом. С тех пор литература о Ганди стремительно разрасталась. Только среди книг, вышедших на английском языке, можно насчитать свыше 1400 названий. Одну из лучших интерпретаций идей Ганди дал многолетний его соратник, разносторонне образованный странствующий английский миссионер К. Эндрюс. Некоторые книги были посвящены разбору отдельных идей Ганди. Самыми ценными из них можно считать «Политическую философию Махатмы Ганди» Гопи Дхавана, «Мощь непротивления» Ричарда Грегга и книгу Р. Дивакара «Сатьяграха: сила правды». Ганди был отцом детей матери Индии и как типичный восточный отец давал своему потомству самые разнообразные советы. В одной и той же статье Ганди мог рассуждать о малопонятных тонкостях индуизма и давать весьма практичные рекомендации в отношении брака, диеты или прядения. Некоторые западные критики склонны видеть в Ганди странного чудака – из-за осуждения им вивисекции и курения, из-за поддержки вегетарианства и оздоровления почвы. Однако самое удивительное, что Ганди и сам называл себя шарлатаном! Он был неутомимым экспериментатором во всех областях человеческой деятельности, он настаивал, что проповедует цельную всеохватывающую философию. Наше преимущество заключается в том, что сегодня мы имеем возможность проявлять сдержанность в оценке компетентности Ганди в определенных областях. Как говорила Виджая Пандит Неру, философия Ганди в конце концов всегда оказывалась правильной, даже если поначалу и представлялась ошибочной, так что, возможно, мнения Махатмы, которые мы на Западе сейчас склонны отметить, окажутся верными впоследствии. По другому поводу Ачарья Крипалани сказал однажды Стенли Джонсу: «Махатма более прав, когда ошибается, чем мы, когда наши суждения верны»⁷. Если мы отвлечемся от личных пристрастий Ганди, таких как диета или некоторые сугубо индийские проблемы, например *сварадж*, то перед нами по-прежнему будет стоять вопрос: действительно ли миссия Ганди универсальная и не зависящая от времени? Ответить на него сможет только история, хотя многие предсказывают, что человек, подобный Ганди, появится на Земле не раньше, чем через тысячу лет. В связи с семидесятипятилетием Ганди Альберт Эйнштейн написал: «Грядущие поколения с трудом поверят, что по Земле в плоти и крови ходил такой человек»⁸. В своих речах и сочинениях

Ганди отнюдь не всегда был последователен, и очень многое стало следствием именно этой очевидной непоследовательности. Однако то, что на первый взгляд представляется нам непоследовательностью, может оказаться рассмотрением предмета с разных точек зрения или следствием духовного роста человека со временем. Луис Фишер, проведя в 1942 году неделю с Ганди, отметил легкость, с какой смысл слов Махатмы можно было извратить, если вырвать их из контекста. Фишер вспоминает о многогранности мышления Ганди: «Отчасти удовольствие от тесного интеллектуального общения с Ганди заключается в том, что он действительно открыт и позволяет интервьюеру видеть, как работает его ум. Люди в большинстве своем стараются высказывать свои мысли в отточенной, законченной форме, чтобы сделать их менее уязвимыми. Ганди не таков. Он раскрывает собеседнику смысл каждого шага в своих рассуждениях. Он думает вслух, и собеседник имеет возможность записать ход его мыслей. Многих это сбивает с толку, отчего некоторые утверждают, будто Ганди противоречит самому себе. Видимо, он слишком стар и беспристрастен, для того чтобы думать, какое впечатление он производит на других»⁹. Однако Ганди был все же живым человеком и иногда отвечал своим критикам. Однажды он признался: «Я никогда не делал фетиш из последовательности»¹⁰. В другом месте он утверждал: «Моя цель заключается не в том, чтобы быть последовательным в рассуждениях по тому или иному вопросу; моя цель – последовательность в истине в том ее виде, в каком она предстает передо мной в данный момент. В результате я расту от истины к истине. Тем самым я избавляю мою память от излишнего бремени, и, что еще важнее, когда мне приходится сравнивать мои сочинения, написанные пятьдесят лет назад, с созданным в самое последнее время, я не нахожу между ними никаких противоречий. Впрочем, друзья, склонные видеть непоследовательность, поступят здраво, воспользовавшись идеями, которые содержатся в моих недавних высказываниях, если, конечно, эти люди не предпочитают мои старые мысли. Однако прежде, чем сделать выбор, им стоит внимательно присмотреться к моим высказываниям и увидеть, нет ли согласованности там, где они видят кажущиеся противоречия»¹¹. Упорное стремление Ганди к истине пронизывало все его бытие. Не случайно он озаглавил свою автобиографию «История моих экспериментов с истиной». В начале 1920-х годов он утверждал: «Мой опыт неизменно говорил мне, что не существует иного Бога, кроме Истины»¹². В 1931 году он заявил: «Истина – это Бог»¹³. Истина и ненасилие составляли сущность его веры – были двумя солнцами, вокруг которых вращались меньшие планеты его жизни и мышления¹⁴. Выдержки, из которых составлена книга, как надеется автор, дают достаточно полное представление о мышлении Ганди, хотя это представление не исчерпывает всего богатства духовного и интеллектуального наследия Махатмы. Цитаты отбирались мною субъективно и в какой-то степени произвольно. Однако ничто не было

пропущено из-за предубеждений составителя или из-за веяний нашего времени. Многих высказываний здесь не хватает из-за недоступности некоторых сочинений Ганди. Тематическое разделение материала, по моему мнению, достаточно очевидно, но я рекомендую читателю сначала ознакомиться с содержанием, чтобы получить представление об общей структуре книги. Иногда мне стоило большого труда логически разделить смежные темы. Особенно непросто было обособить индийские проблемы от универсальных, и совсем тяжело – увидеть разницу между воспоминаниями Ганди и его мнениями по поводу тех или иных тем. В предпоследней главе, однако, основное внимание уделено индийским проблемам, а последняя посвящена автобиографическому остроумию и мудрости Ганди. Выдержки расположены в порядке их публикации. Источники для каждой цитаты указаны в примечаниях. Разум, остроумие и мудрость Ганди продолжают жить, а не становятся лишь омертвевшими цитатами. В 1940 году Махатма сказал: «Если гандизм – это лишь еще один синоним сектантства, то он заслуживает уничтожения. Я был бы глубоко уязвлен, если б мог знать, что после моей смерти то, за что я стоял, выродится в сектантство. Пусть никто и никогда не скажет о себе: “Я последователь Ганди”. Всех, кто разделяет мои взгляды, я считаю своими учениками, спутниками в странствии, вместе со мной ищущими истину»¹⁵. Ганди высказывал пожелание, чтобы его сочинения были кремированы вместе с его телом. «Останется жить то, что я сделал, а не то, что сказал и написал»¹⁶. Разум, остроумие и мудрость могут проявлять не только святые, но и грешники, вполне заурядные люди – ведь и сам Ганди всегда настаивал на своей заурядности: «У меня нет и тени сомнения в том, что любой мужчина, любая женщина способны достичь того, чего достиг я, если он или она приложат столько же усилий для культивирования в себе той же надежды и веры»¹⁷. Тех, кто был подавлен его божественными требованиями, Ганди предупреждал: «Отбрасывать мои свидетельства как бесполезные только из-за того, что меня считают махатмой, недопустимо в серьезных вопросах»¹⁸. Тем не менее Ганди предостерегал и от другой крайности: «Никогда не принимай за истину в последней инстанции даже то, что исходит из уст *махатмы*»¹⁹.

Гомер Джек

Словарь индийских терминов

Ахимса – Ненасилие («а-» – отрицательная частица, «химса» – насилие). Это древняя индийская концепция, которую проповедовали Будда, последователи Вишну и основатель джайнизма Махавира Ашрам – Религиозная община, учреждение или школа; место послушничества и служения Ба – Семейное уменьшительное обращение к матери в языке гуджарати. Используется как уважительное наименование госпожи Ганди Бай, бен – Уважительное обращение к женщине Бапу – Семейное обращение к отцу в языке гуджарати. Во всей Индии употребляется при упоминании Ганди в знак особого к нему уважения Брамин – Высшая каста в индуизме; при произношении «брахман» обозначает сущность головы бога Индры Брахмачарья – Последовательное половое воздержание. Буквально: проводник, ведущий к Богу Бхагавадгита – «Песнь божественного отца». Эта поэма, содержащая 700 стихов, является частью Махабхараты Бхай – Уважительное обращение к мужчине Варнашрама Дхарма – Кастовая религия («варна» – цвет; «ашрама» – место послушничества) Веданта – Важная индуистская философская система Веды – Самые ранние индийские религиозные гимны Гандиджи – Уважительный титул Ганди; «джи» соответствует слову «сэр» или «господин». Иногда Ганди называют также «махатмаджи» Гита – Песнь (см. *Бхагавадгита*) Гуджарати – Язык, на котором говорят в штате Гуджарат, где родился Ганди Гуру – Духовный наставник Гурудева – Почитаемый учитель. Этим титулом величали Рабиндраната Тагора, хотя Ганди иногда называл его просто «Поэтом» Даршан – Вид духовного счастья, обусловленного присутствием дорогого человека, или нахождением в приятном месте, или обладанием дорогой вещью Дхарма – Религия или религиозный долг (см. *Санатана дхарма* и *Варнашрама дхарма*) Конгресс – Индийский национальный конгресс Махабхарата – Национальная индийская эпическая поэма, главный божественный герой которой Кришна. Бхагавадгита – часть этого эпоса Махатма – Великая душа («маха» – великая, «атма» – душа) Муслим – Индийское произношение слова «мусульманин» Пандит – Ученый человек или наставник, особенно брамин, в индуистской религии, в законоведении и науке Пураны – Священные индийские легенды Рамаяна – Священный эпос северной Индии, божественный герой которого Рама. Поэма переведена на хинди Рупия – Денежная единица Индии. Четыре пайса составляют анну. Шестнадцать анн составляют одну рупию. Лакх равен ста рупиям, а сто лакхов – одному крори или 10 тысячам рупий. В 1951 году рупия соответствовала 0,21 доллара США Санатана Дхарма – Ортодоксальная индуистская религия Санатани – Ортодоксальный индуист Сатьяграха – Сила правды, или душевная сила («сат» – правда, истина, «аграха» – твердость). Ненасильственное прямое

действие или пассивное сопротивление Сатьяграхи – Последователь сатьяграхи
Свадеши – Товары, произведенные в собственной стране («сва» – сам; «деши» –
страна) Сварадж – Самоуправление; независимость («сва» – сам, «радж» –
управление, правительство) Упанишады – Индуистские религиозно-
философские трактаты Урду – Язык, в основе которого лежит хинди. От
последнего отличается множеством персидских и арабских заимствований
Хаддар (хади) – Домотканая одежда Хариджаны – Термин, которым Ганди
обозначал неприкасаемых («хари» – бог, «джан» – люди) Хартал – Прекращение
работы (хиндустанское слово мусульманского происхождения) Химса –
Насилие, ненависть (см. *Ахимса*) Хинди – Язык Северной Индии,
происходящий из санскрита Хинд-Сварадж – Самоуправление Индии (см.
Сварадж) Хиндустани – Язык, представляющий собой смесь хинди и урду
Чаркха – Рука, вращающая колесо.

Глава 1

Религия

Религии – это разные пути, ведущие к одной цели. Не все ли равно, какой путь мы избираем, если все они ведут в одно место? На самом деле религий столько же, сколько и людей¹.

Обман характерен для любой религии. Где есть свет, там неизбежно есть и тень².

Превыше всех религий я ставлю не индуизм, а ту *религию*, которая возвышается над индуизмом, религию, изменяющую сущность человека, религию, очищающую и неразрывно связанную с истиной внутри нас³.

Религия, не считающаяся с практическими делами и не помогающая решать их, не может называться религией⁴.

Я пришел к заключению, что правы все религии, но каждая из них несовершенна, так как мы толкуем их нашим скудным разумом, а иногда и нашими мелкими душами, но чаще всего просто не понимаем. К моей печали, я нашел, что во всех религиях присутствуют различные, а подчас и противоречивые толкования текстов⁵.

Человек, стремящийся к истине, не может устраниваться от жизни в любых ее проявлениях. Именно поэтому моя приверженность к религии привела меня в политику; без малейших колебаний и с полным смирением я могу сказать, что те, кто утверждают, будто религия не имеет ничего общего с политикой, просто не знают, что такое религия⁶.

Пробный камень, позволяющий определить у человека присутствие религиозного чувства, – это способность выбрать самую правильную вещь из всех более или менее правильных вещей⁷.

Изучение других религий, помимо собственной, позволяет понять, что все они зиждутся на одном прочном основании, и увидеть универсальную и абсолютную истину, возвышающуюся над «пылью убеждений и верований». Пусть никто не опасается, что тщательное и почтительное изучение чужих религий ослабит или пошатнет его веру в родных богов⁸.

После долгого изучения и тщательного размышления я пришел к выводу, что, во-первых, все религии, по сути, одинаковы; во-вторых, все религии содержат ошибки; и в-третьих, все религии дороги мне почти так же, как мой родной индуизм, подобно тому как все люди должны быть дороги человеку почти так же, как его близкие родственники⁹.

Наша собственная религия в конечном счете есть лишь материя, связующая нас с нашим Творцом¹⁰.

Если мы сами несовершенны, то и религия в том виде, как мы ее толкуем, тоже должна быть несовершенной. Мы не понимаем религию во всем ее совершенстве точно так же, как мы не понимаем Бога. Постижимая для нас религия, являющаяся, таким образом, несовершенной, всегда пребудет предметом эволюции и повторных интерпретаций. Движение к истине и Богу возможно только благодаря такой эволюции¹¹.

Для меня религия, по сути, едина, но она имеет множество ветвей, и если я, представитель индуистской ее ветви, утрачу верность материнскому стволу, то я стану недостойным последователем этой неделимой религии¹².

Религию надо судить не по ее худшим образцам, но по лучшим. Именно к лучшему и только к нему одному или к еще более высокому должны мы устремиться в своем религиозном восхождении¹³.

Религия занимается наукой души¹⁴.

Духовное действие самое практичное в истинном смысле этого слова¹⁵.

Я не мыслю себе политики, отделенной от религии. В самом деле, религия должна пронизывать каждое наше действие, каждый наш поступок. Религия отнюдь не синоним сектантства. Религия есть вера в упорядоченное нравственное управление Вселенной. Эта религия возвышается над индуизмом, исламом, христианством и т. д. Она не подавляет их. Она приводит их в гармонию друг с другом и приближает к действительности¹⁶.

Религии созданы не для того, чтобы разделять людей, они призваны объединять их. Величайшее несчастье современности состоит в том, что религии искажены настолько, что становятся причиной раздоров и массовых убийств¹⁷.

Собственная религия представляется каждому человеку самой верной, даже если она занимает низшие ступени при ее философском сравнении с другими религиями¹⁸.

Атеизм

Атеизм – это бог атеиста¹⁹.

Есть люди, которые, будучи ослеплены эгоизмом собственного рассудка, заявляют, что им нет никакого дела до религии. Однако это то же самое, как если бы кто-то одновременно говорит, что он дышит, но у него нет носа. Посредством ли рассудка, инстинкта или суеверия каждый человек признает свое отношение к божественному. Самый закоренелый агностик или атеист признает необходимость моральных принципов и считает добром их соблюдение, а злом – их нарушение. Даже человек, не принадлежащий к какой-либо церкви, не может жить и не живет без религии²⁰.

В наши дни стало модным отбрасывать Бога, не оставляя ему места, и настаивать на том, что высшей жизни можно достичь без живой веры в живого Бога²¹.

Терпимость

Я терпимо отношусь к неразумному религиозному чувству, если оно не безнравственно²².

Нетерпимость есть разновидность насилия и поэтому противоречит нашим убеждениям²³.

Нетерпимость выдает недостаток веры у человека²⁴.

Золотое правило поведения – это взаимная терпимость, умение понять, что мы никогда не начнем думать одинаково, что мы способны видеть лишь фрагменты истины с разных точек зрения. Совесть не может быть одинаковой для всех. Поэтому, хотя совесть отличный поводирь для индивида, ее нельзя навязывать всем остальным, ибо это будет недопустимым нарушением свободы их совести²⁵.

Если вы не можете допустить, что иная вера такая же истинная, как и ваша, то допустите, по крайней мере, что исповедующие иную веру люди ничуть не хуже вас²⁶.

До тех пор пока существуют разные религии, каждая из них будет иметь свои внешние символы. Но если символ превращается в фетиш и орудие доказательства превосходства данной религии над остальными, то такие символы должны быть отброшены²⁷.

Сохранение собственной культуры отнюдь не означает презрения к носителям иной культуры; напротив, оно требует усвоения лучшего из чужих культур. То же самое справедливо и в отношении религии²⁸.

Точно так же, как у дерева есть один ствол, но множество ветвей и листьев, есть одна истинная и совершенная религия, но верований становится много, когда истинная религия преломляется в человеческом сознании. Истинная религия

неизреченна, она превыше языка. Несовершенные люди облачают религию в слова, которыми они владеют, и эти слова толкуются такими же несовершенными людьми. Какое толкование правильное, какого из них должны мы придерживаться? Каждый толкователь прав со своей точки зрения, но невозможно, чтобы все ошибались. Отсюда следует необходимость терпимости, которая предполагает не равнодушие к собственной вере, но лишь более осмысленную и более чистую любовь к ней. Истинное понимание религии ломает барьеры между разными верованиями²⁹.

Мне не нравится слово «терпимость». Терпимость может означать неуместную приниженность чужой веры в сравнении со своей, в то время как *ахимса* учит нас уважать чужую веру так же, как свою собственную, признав тем самым и ее несовершенство³⁰.

Поскольку все верования, которых придерживаются люди, несовершенны, постольку не возникает вопрос об их сравнительных достоинствах. Все веры – это откровения Истины, но все они несовершенны и подвержены ошибкам. Уважение к чужой вере не должно делать нас слепыми к ее недостаткам. Нам следует также сознавать и видеть изъяны нашей веры, но не оставлять ее по этой причине, а стараться исправить ее пороки. Если мы будем одинаково смотреть на все религии, то мы не только не станем колебаться, но сочтем своим долгом внести в нашу веру приемлемые догматы чужой³¹.

Обращение

(См. также раздел «Миссионерство» в главе 12.) Многие обращения можно считать лишь «так называемыми». В некоторых случаях отречение от одной веры и переход в другую происходят не по зову сердца, а по велению желудка. В любом случае, однако, обращение оставляет после себя незаживающую рану³².

Новообращенные – это «заново родившиеся» или, по крайней мере, должны быть таковыми. Наивысшего постижения новой веры можно ожидать от тех, кто перешел в нее по зову сердца, а не из соображений удобства³³.

Я не доверяю людям, которые много говорят о своей вере. Особенно в случае своего обращения. Вера не терпит разглагольствований. Верой надо жить, и тогда она становится примером для других³⁴.

Новообращенный испытывает большее воодушевление от новой веры, чем человек, рожденный в ней³⁵.

Я не стану даже думать об обращении в другую веру, прежде чем полностью не пойму свою собственную³⁶.

Я почитаю чужие религии ровно настолько, насколько я почитаю свою, и поэтому для меня невозможна сама мысль об отступничестве³⁷.

Нет нужды обращать других людей в свою веру словом устным или письменным, достаточно просто жить своей верой. Пусть ваша жизнь станет открытой книгой для всех³⁸.

Если человек из страха, по принуждению, от голода или из материальных соображений меняет веру, то это неправильно именовать обращением. Истинное обращение происходит от сердца, по наущению Бога, а не чужого человека. Голос Бога всегда можно отличить от человеческого голоса³⁹.

Писания

Писания не могут превзойти разум и истину. Писания созданы для того, чтобы очистить разум и осветить истину⁴⁰.

Духовность – это не знание писания и не участие в философских дискуссиях⁴¹.

Божественное знание не постигается посредством книг. Его надо понять и осознать в себе самом. В лучшем случае книги – это вспомогательное средство, но чаще они только мешают⁴².

Ошибку нельзя считать истиной, даже если ее можно подкрепить писаниями мировых религий⁴³.

Знание религиозных книг – это не то же самое, что религиозность⁴⁴.

Нельзя воспринимать как слово Божие ничего, что невозможно испытать разумом или прочувствовать в религиозном опыте... Учение существует в опыте его святых и ясновидцев, в их жизни и слове. Когда-нибудь окажутся забыты все ученые комментаторы писаний, но накопленный опыт мудрецов и святых сохранится в веках как источник религиозного вдохновения⁴⁵.

Истина не является достоянием какого-то одного писания⁴⁶.

Индуизм

(См. также главу 12 и раздел «Религиозная вера» в главе 13.) Индуизм – самая терпимая религия, ибо ей неведом прозелитизм, и она распространяется сегодня так же успешно, как и в прошлом. Индуизму удалось не вытеснить, а вобрать в себя буддизм. Подчиняясь духу *свадешхи*, индуист отказывается переменить веру не только потому, что считает ее самой лучшей, но и потому, что знает, как дополнить ее путем реформ⁴⁷.

К несчастью, сегодняшний индуизм состоит, как мне кажется, только из предписаний относительно еды. Индуизм подвергается опасности вырождения в свод подробных правил того, с кем можно, а с кем нельзя есть⁴⁸.

Индуизм – не исключительная религия. В ней найдется место для почитания всех пророков мира. Индуизм не миссионерская религия в обычном смысле этого слова... Индуизм предписывает каждому почитать Бога в согласии с собственной верой, или *дхармой*, и потому мирно уживается со всеми религиями⁴⁹.

Можно совсем не верить в Бога, но при этом называть себя индуистом. Индуизм – беспощадное требование истины, и если сегодня он болен, то лишь оттого, что мы утомлены, но когда мы преодолеем свою усталость, индуизм предстанет перед миром во всем своем невиданном прежде сиянии⁵⁰.

Индуизм можно уподобить Гангу. Он чист и не замутнен в своих истоках, но по течению вбирает в себя нечистоту. Так же, как Ганг, индуизм в целом благотворен. Он принимает иную форму в каждой провинции, но его внутренняя сущность остается неизменной⁵¹.

На мой взгляд, *Гита* – самая простая и легкая для понимания книга... Основной ее посыл угадывается сразу и безошибочно. Эту книгу признают своим священным текстом все индуисты. Коротко говоря, *Гита* задает нам полный и совершенно осмысленный нравственный кодекс. Она насыщает одновременно и разум, и душу. Поэтому *Гиту* можно считать и философским, и религиозным руководством. Ее призыв универсален, а язык необычайно доходчив и прост⁵².

Брахманизм, терпящий неприкасаемость, вдовство девственниц и их растление, очень дурно, на мой взгляд, пахнет. Это пародия на брахманизм. В нем нет ни грана понимания и осознания *брахмана*. Не существует истинного толкования его писаний. Оно пронизано неразбавленной животной похотью. Настоящий брахманизм сделан из более сурового материала⁵³.

Гита – это вселенская мать. Она ни от кого не отворачивается. Ее двери широко открыты для тех, кто в них стучится. Истинный почитатель *Гиты* не ведает разочарования. Такого почитателя все время распирает радость и безмятежность, за которыми прячется понимание⁵⁴.

*Индуизм – это не религия... Это образ жизни. Многие из тех, кто не практикует обряды индуизма, ближе к нему, чем некоторые из тех, кто ревностно их придерживается*⁵⁵.

Христианство

(См. также раздел «Миссионерство» в главе 12.) Бог нес крест не только 1900 лет назад, Он продолжает нести его и сегодня. Он умирает и воскресает каждый день до сих пор. Жалок был бы мир, опирающийся на исторического Бога, умершего две тысячи лет назад. Не следовало бы проповедовать исторического Бога, надо, наоборот, показывать, как Он и сегодня живет среди вас⁵⁶.

Я не сумел найти разницу между Нагорной проповедью и *Бхагавадгитой*. То, что Проповедь описывает образами, *Бхагавадгита* сводит к формуле. Возможно, она не научная книга в общепринятом смысле слова, но она выведена из закона любви – закона отречения, как я бы его назвал, – и выведена чисто научным способом. Нагорная проповедь дает нам тот же закон, но делает это изумительно красочным языком. Новый Завет преисполнил меня покоем и радостью, в отличие от Завета Ветхого, отдельные части которого вызвали у меня резкое неприятие. Если я вдруг лишился бы *Гиты* и забыл все ее содержание, но имел бы под рукой Проповедь, то я получал бы от нее ту же радость, какую я получаю от *Гиты*⁵⁷.

Мои трудности [с христианством] лежат глубже. Это свыше моих сил – поверить в то, что Иисус был единственным воплощенным сыном Божьим и что только тот, кто верит в него, обретет вечную жизнь. Если Бог может иметь сыновей, то все мы Его сыновья. Если Иисус был подобен Богу или сам был Богом, то и все люди подобны Богу и сами могут быть Им. Оказалось, что разумом я не в силах поверить в то, что своей смертью и кровью Иисус искупил мирские грехи человечества. Конечно, метафорически в этом может заключаться истина, но лишь метафорически. Помимо того, согласно христианскому учению, душой обладают только люди, но не другие живые существа, для которых смерть означает полное исчезновение. На этот счет я придерживаюсь совершенно иной веры. Я могу принять Иисуса как мученика, как воплощение жертвенности и божественного учителя, но не как самого совершенного из всех рожденных на Земле людей. Его смерть на кресте стала великим образцом для мира, но сердцем я не могу принять, что в этой смерти нам было явлено нечто мистическое или чудесное. Примеры жизни благочестивых христиан не дали мне ничего, что не могли бы дать люди, исповедующие иные религии. В жизни многих я видел преображения, которые, как я слышал, происходили с христианами. С философской точки зрения в христианстве нет ничего исключительного. В том, что касается жертвенности,

индуизм неизмеримо превосходит христианство. Для меня невозможно признать христианство самой совершенной или величайшей религией мира⁵⁸.

Много лет я считал Иисуса из Назарета одним из величайших учителей, каких знал мир, и я заявляю это со всем смирением. Я употребляю слово «смирение», ибо именно его я на самом деле испытываю. Конечно, христиане отводят Иисусу из Назарета более высокое положение, чем я, ибо, будучи нехристианином и индуистом, я не могу чувствовать и переживать так же, как христиане. Я намеренно употребляю здесь слово «чувствовать», а не «отводить», ибо ни я, ни кто-либо другой не имеет права возноситься так высоко, чтобы «отводить» какое бы то ни было место великому человеку... Иисус занимает в моем сердце место одного из величайших учителей, оказавших сильное влияние на мою жизнь⁵⁹.

Не смешивайте учение Иисуса с тем, что мы считаем современной цивилизацией⁶⁰.

Если бы Иисус вернулся на Землю, то он отрекся бы от многих вещей, которые люди творят во имя христианства⁶¹.

Он [Иисус] сильно повлиял на мою жизнь, ибо я считаю его одним из многих рожденных Богом Сыновей. Я употребляю здесь слово «рожденных» в более глубоком смысле, нежели это делают в обычной речи. Я подразумеваю здесь «духовное рождение». Во время своей земной жизни Иисус был ближе других к Богу⁶².

Христианство оказалось искажено, когда оно пришло на Запад, ибо стало религией королей⁶³.

Глава 2

Теология

Бог

Для человека возможна лишь одна универсальная вера, тождественная верности Богу. Эта верность при отсутствии противоречий способна включать в себя верность монарху, стране и человечеству. Но также часто верность Богу исключает все остальные ее разновидности¹.

Бог – величайший революционер из всех, каких видел или увидит мир. Бог насылает на землю потоп. Он направляет бурю туда, где всего минуту назад был штиль. Он сравнивает с землей горы, построенные им же с великим тщанием и терпением².

Бог – это неопределимое нечто, то, что мы чувствуем, но не постигаем умом. Для меня Бог есть Истина и Любовь. Бог есть этика и нравственность. Бог есть бесстрашие, Бог – источник света и жизни, но тем не менее Он выше и вне всего этого. Бог есть совесть... Он возносится над речью и разумом. Он – личный Бог для тех, кому необходимо его прикосновение. Он – чистейшая сущность. Он просто есть в тех, кто имеет веру. Он вечный страдалец, Он терпелив, но Он и страшен. Он величайший демократ из всех, кого когда-либо знал мир, но Он и величайший из всех тиранов. Нас *нет*. *Есть* только один Он³.

Содержание богатейшего на свете слова – «Бог» – не одно и то же для каждого из нас. Это содержание меняется в зависимости от опыта человека⁴.

Известно, что человечество слишком тупо для того, чтобы читать знамения, которые время от времени посылает нам Бог. Нужен стучащий нам в уши барабан, чтобы заставить нас пробудиться от летаргии, услышать божественное предостережение и понять, что потерять себя есть единственный способ найти себя⁵.

Я вижу одного и того же Бога и в *Бхагавадгите*, и в Библии, и в Коране⁶.

Бог – очень строгий надсмотрщик. Он никогда не удовлетворится показными фейерверками. Его мельница, хотя она и мелет тонко и безостановочно, работает мучительно медленно, и Он никогда не удовлетворится поспешно сорванными плодами. Он требует чистой жертвы, следовательно, и вы, и я обречены на тяжкий долгий путь, вынуждены будем прожить ту жизнь, которую Он соизволит нам отмерить⁷.

Кто хочет стать другом Бога, должен пребывать в одиночестве или подружиться со всем миром⁸.

Голос народа – голос Божий^{9[8]}.

Я не видел и не знал Его. Я сделал мирскую веру в Бога своей, и, так как моя вера неизгладима, я считаю, что она – результат опыта. Можно, однако, утверждать, что описывать веру как опыт – значит лгать, и, пожалуй, лучше будет сказать, что у меня нет слов для описания моей веры в Бога¹⁰.

Не позволяй никому говорить, что Бог не может быть пристрастным, что Он не располагает временем на то, чтобы вникать в суетные человеческие дела. У меня нет иного языка для описания фактического положения вещей, для выражения моего цельного опыта. Человеческий язык лишь приблизительно и несовершенно может описать пути Божии. Меня печалит тот факт, что эти пути не поддаются описанию и наблюдению. Однако если смертный отважится все же охарактеризовать их, у него не будет в распоряжении иного средства, нежели наша не слишком внятная речь¹¹.

Все в нашем мире пронизано неопределяемой таинственной силой. Я чувствую ее, хотя мне и не дано ее увидеть. Эта невидимая сила заставляет нас ощущать ее, но она не поддается проверке и доказательствам, ибо не похожа ни на одну вещь, которую я могу воспринимать органами чувств. Эта сила возвышается над разумом, превосходит его. Но в какой-то ограниченной степени мы все же можем разумно судить о бытии Бога¹².

Я смутно чувствую, что хотя все вокруг постоянно меняется и отмирает, за всеми преобразованиями стоит какая-то живая сила, сила неизменная, которая поддерживает целостность Вселенной, творит, уничтожает и воссоздает. Эта формирующая сила или дух и есть Бог. Поскольку ничто из того, что я воспринимаю моими органами чувств, не может быть вечным и неизменным, я прихожу к выводу, что вечен только Он один. Что несет нам эта сила – благо или зло? Я вижу, что она несет благо, ибо даже в смерти есть жизнь, в царстве лжи всегда есть истина, а во мраке мерцает свет. Отсюда я заключаю, что Бог – это жизнь, истина и свет. Он есть любовь. Он высшее Божество¹³.

Бог настолько же жесток, насколько он милостив¹⁴.

Каждый из нас волен по-своему толковать слово «Бог». Мы делаем это вынужденно, по необходимости, ибо Бог объемлет не только наш крошечный земной шар, но и миллионы других таких шаров и миров. Как можем мы, жалкие букашки, судить о Его величии, безмерной любви и бесконечном сострадании? Его бесконечная любовь и жалость так велики, что Он позволяет людям надменно отрицать Его существование, спорить о Нем и даже резать глотки ближним!¹⁵ Вслед за теми, кто утверждает, что Бог есть любовь, и я говорю, что Бог есть любовь. В глубине души я всегда считал, что Бог есть истина... Мало того, я пошел дальше и сказал себе, что истина есть Бог... Если вы хотите найти истину как Бога, то единственным средством для этого неизбежно будет любовь, то есть ненасилие, и, так как я верю, что в конечном счете всегда можно поменять местами цели и средства, то я, не колеблясь, говорю: да, Бог есть любовь¹⁶.

Бог ведет точный учет всех добрых дел и злых поступков. Нет на свете лучшего бухгалтера, чем Он¹⁷.

Совершенство присуще только Всемогущему, но, несмотря на это, какой же Он демократ! Сколько наших заблуждений и откровенной лжи Он терпит! Он терпит, что его мелкие и ничтожные творения осмеливаются подвергать сомнению Его существование, хотя Он – в каждом атоме вокруг и внутри нас. Но все же Бог сам выбирает тех, кому Он являет свои откровения. У этого высшего существа нет рук, ног и иных органов, но тот, кому Он решает открыться, может Его видеть¹⁸.

Бог – это не сила, обитающая в облаках. Бог – невидимая сила, сущая в нас самих. Она находится от нас на расстоянии в тончайший волосок¹⁹.

Можно называть Бога каким угодно именем. Важно лишь, чтобы имя это означало живой закон природы²⁰.

Вселенная наша упорядочена: существует неизменный закон, управляющий всеми неодушевленными и одушевленными предметами, сущими или живущими. Это не слепой закон, ибо никакой слепой закон не способен управлять поведением живых существ... Закон, управляющий жизнью, есть Бог. Закон и законодатель едины в Его лице. Я не могу отрицать существование ни законодателя, ни закона, потому что слишком мало о них знаю²¹.

Я верю в вездесущее, недоступное нашему наблюдению Провидение, правящее человеческими судьбами, – назовите это Богом или иным другим именем по вашему усмотрению²².

Человек и природа человека

Я отказываюсь с подозрением относиться к природе человека. Он всегда ответит добром на любой благородный или дружелюбный поступок²³.

Не важно, насколько робок и боязлив человек. В час испытания он может оказаться способным на высочайший героизм²⁴.

Нет человека настолько дурного, чтобы он не заслуживал искупления; нет человека настолько совершенного, чтобы он имел право убивать тех, кого он считает злыми²⁵.

На созданной Богом Земле нет высокопоставленных и низкорожденных людей. Мы все – его творения. И так же, как в глазах родителей равны все их дети, так и в глазах Бога все его твари должны быть равны²⁶.

Человек всегда останется несовершенным, и его участь – непрерывно стремиться к совершенству. Совершенство в любви и нестяжании останется недостижимым идеалом, куда мы живы. Но стремиться к идеалу мы должны всегда и без усталости²⁷.

Я решительно отказываюсь судить о человеке по тем скудным данным, какие предоставляет нам история²⁸.

Во мне живет неистребимая вера в отзывчивость человеческой природы²⁹.

Я открыл, что человек всегда выше систем, каковые он сам создает³⁰.

Духовное возвышение человека сопряжено с немалыми трудностями, и это можно только приветствовать³¹.

Я более чем когда-либо убежден в том, что человеческая натура неизменна, она одинакова в любом климате, и если вы обратитесь к людям с доверием и любовью, то получите в ответ десятикратное доверие и тысячекратную любовь³².

Человечество давно бы погибло, если бы в нас постоянно не проявлялись божественные черты³³.

Нельзя терять веру в человечество. Человечество – это океан. То, что несколько капель в нем грязны, не значит, что грязен он весь³⁴.

Молитва

Добродетель заключается в способности погрузиться в молитву, когда вокруг царят шум и суета³⁵.

Молитва... – это томление сердца по единению с Творцом, мольба о его благословении. Это... овеществленное отношение, а не что-то, сказанное вслух или втайне... Произнесение слова «Рама» способно воспламенить сердца миллионов индусов, а слово «бог» может оставить их равнодушными, хотя они и понимают его значение. Слова в конце концов обретают силу вследствие долгого употребления и в связи со священным смыслом, который в них вкладывают³⁶.

Нет никаких правил, определяющих сроки и длительность молитвы. Тут все зависит от характера человека. Это самые драгоценные моменты, украшающие нашу повседневную жизнь... Это моменты, когда человек окидывает взглядом свое недавнее прошлое, признается в своей слабости, просит о прощении и о придании сил, чтобы стать и поступать лучше. Некоторым людям хватает для молитвы одной минуты, а другим мало и двадцати четырех часов³⁷.

Люди, в которых присутствует Бог, молятся ему своими трудами. Вся их жизнь – это одна нескончаемая молитва или акт поклонения³⁸.

Молитва не нуждается в изреченном слове. Она не зависит от какого-либо чувственно воспринимаемого действия. Я нисколько не сомневаюсь в том, что молитва – это самое верное средство очистить душу и сердце от страстей. Но молитву надо соединять с глубочайшим смирением³⁹.

Бог никогда не откликнется на молитву надменного и на молитвы тех, кто пытается торговаться с Ним⁴⁰.

Молитва – это не упражнение речи и слуха; она – не простое повторение пустых формул. Бесконечное произнесение слова «Раманама» тщетно, если оно не будоражит душу... Так же, как голодный человек наслаждается обильной едой,

так и голодная душа наслаждается идущей от сердца молитвой... Тот, кто чувствует ее волшебство, способен сутками обходиться без пищи, но не может и мгновения прожить без молитвы⁴¹.

Мы должны возносить молитвы каждую минуту нашей жизни. В этом нет никакого сомнения. Но мы, мятущиеся смертные, которые с трудом находят время для единения с самими собой, думаем, что это невозможно – все время находиться в единении с божеством. Потому мы выделяем специальное время, чтобы предпринять серьезную попытку хотя бы на короткие мгновения отбросить нашу связь с миром; в эти моменты мы стараемся, так сказать, освободиться от своей плоти⁴².

Не заботьтесь о форме молитвы. Пусть она принимает любую форму. Достаточно того, чтобы она объединила вас с божеством. Есть лишь одно непреложное требование: какой бы ни была молитва по форме, молясь, нельзя допускать блуждания духа в то время, когда слова слетают с ваших губ⁴³.

Зачем вообще молиться? Бог не нуждается в напоминаниях. Он внутри каждого из нас. Ничто не происходит без Его соизволения. Наша молитва – это поиск сердца. Она показывает нам, что мы беспомощны без Его поддержки. Любое наше действие будет незавершенным без молитвы – без окончательного признания того, что всякое человеческое начинание не возымеет эффекта без Божьего благословения. Молитва – это призыв к смирению. Это призыв к самоочищению, к внутреннему исканию⁴⁴.

Моя вера возрастает от молчаливой молитвы. Это настоящее искусство, вероятно, высочайшее искусство, требующее непревзойденного усердия⁴⁵.

Я чувствую, что лучше всего настраиваюсь на слияние с бесконечным, когда молчу, хотя я соглашусь с тем, что мы всегда должны быть настроены на слияние с бесконечностью, не важно, безмолвствуем мы или говорим, находимся в одиночестве или в шумной толпе⁴⁶.

Молитва открывает наш день утром и запирает его вечером⁴⁷.

Лучше молиться душой без слов, чем словами без души⁴⁸.

Поклонение

Во мне нет недоверия к идолопоклонничеству. Никакие идолы не вызывают у меня душевного волнения и почтения. Но думаю, что поклонение вполне соответствует человеческой природе... Образы помогают почитать божество. Ни один индуист не воспринимает изображение как Бога, и я не считаю идолопоклонничество грехом⁴⁹.

Коллективная молитва – это мощное оружие. То, что мы нечасто делаем в одиночку, мы делаем вместе... Все собирающиеся в церквях, храмах или мечетях – не притворщики и не мошенники. Это честные мужчины и женщины. Для них совместная молитва – все равно что ежедневное омовение, необходимое для полноценного бытия. Определенные места поклонения – это не просто дань суеверию, которое следует устранить при подходящей возможности. Храмы пережили все нападки, они существуют до сих пор и, вероятно, будут существовать до скончания веков⁵⁰.

Поклонение Богу – это воспевание Ему хвалы. Молитва – это признание собственной ничтожности и слабости. У Бога тысяча имен, или, скорее, он – безымянная сущность. Мы можем поклоняться и молиться ему, называя его как угодно. Некоторые зовут его Рамой, некоторые – Кришной, некоторые – просто Богом. Однако все поклоняются некоему Духу. Так же, как не всем нравится одна и та же еда, не все принимают разные имена Бога. Каждый выбирает имя в соответствии со своими ассоциациями; поэтому Бог становится Вездесущим, Всемогушим, Всезнающим. Ему ведомы наши самые сокровенные чувства, и Он воздает нам по заслугам. Вот почему молиться надо не устами, а сердцем. Хвалу Богу может вознести немой и заика, невежественный и тупица. Бог никогда не услышит тех, у кого на языке мед, а в сердце яд. Поэтому тот, кто возносит молитву, должен вначале очистить сердце⁵¹.

От нашего душевного состояния зависит, принесет или не принесет нам пользу посещение храмов. В храм надо входить в смиренном настроении, с желанием покаяния. У Бога много домов. Конечно, Бог живет в каждом человеческом существе, в каждой частичке своих творений, во всем, что есть на Земле. Но так как мы лишь слабые, подверженные заблуждениям смертные, не способные понять, что Бог вездесущ, мы придаем особую святость храмам и думаем, что Бог обитает именно в них⁵².

Плохо не идолопоклонство, плох культ идолов. Сторонник такого культа делает из идола фетиш. Идолопоклонник же видит Бога даже в камне и, значит, пользуется помощью идола для того, чтобы соединиться с Богом... Книга, здание, картина, резьба – все это, конечно, изображения, в которых присутствует Бог, но сами они Богом не являются. Тот, кто думает обратное, заблуждается⁵³.

Церкви, мечети и храмы, скрывающие столь много лицемерия и лжи, изгоняющие самых бедных из нас, кажутся мне насмешкой над Богом, когда я смотрю на место поклонения Богу под шатром синих небес. Этот храм приглашает нас к истинному поклонению, а не к ссорам из-за религиозной принадлежности⁵⁴.

Спасение

Только человек способен сознательно и с пониманием поклоняться Богу. Там, где поклонение Богу лишено понимания, не может быть истинного спасения, а без спасения не может быть истинного счастья⁵⁵.

Бог в итоге спасет того, у кого чистые помыслы и побуждения⁵⁶.

Человек мало знает о том, что помогает ему переносить испытания. Если человек – неверующий, то он отнесет свое избавление на счет случайности. Если человек – верующий, он скажет, что его спас Бог. Такой человек придет к заключению, что религиозное учение, которому он следует, или духовная дисциплина помогли ему спастись, поддержали его в трудной ситуации. Кто из гордившихся своей духовной силой не видел, как вся она в один миг превращалась в прах? Знание религии, в отличие от религиозного опыта, представляется всего лишь вздором в минуту тяжких испытаний⁵⁷.

Я не ищу избавления от последствий моих грехов. Я хочу искупления от самого греха или, скорее, даже от мыслей о нем. Я должен без усталости стремиться именно к этой цели⁵⁸.

Я знаю, что мне еще предстоит пройти долгий и трудный путь. Я должен уменьшить себя до нуля. Пока человек не сумеет волевым усилием поставить себя позади своих ближних, ему не будет спасения⁵⁹.

Алчущий спасения должен набраться терпения, ибо он похож на человека, который сидит на берегу моря и соломинкой, по капле, хочет его осушить⁶⁰.

Исповедь

Признание ошибки подобно метле, сметающей грязь и оставляющей поверхность более чистой. В миллион раз лучше *казаться* неверным миру, чем *быть* неверным самому себе⁶¹.

Не может быть очищения без искренней исповеди⁶².

Искренняя исповедь в соединении с обещанием никогда больше не грешить, произнесенная человеку, имеющему право ее принять, есть чистейшая форма покаяния⁶³.

Нет большего бесчестья, чем отказ от признания своих ошибок⁶⁴.

*В признании собственного заблуждения нет поражения. Само признание – это уже победа*⁶⁵.

Смерть

Храбрый человек встречает смерть с улыбкой на устах, но и ему следует проявить осторожность. Перед лицом смерти нет места бесшабашности⁶⁶.

Смерть так же необходима для роста и развития человека, как и сама жизнь⁶⁷.

Мы живем рядом со смертью. Какой прок от построения планов, если они могут рассыпаться в прах в мгновение ока или неожиданно стать бесполезными и ненужными? Однако мы будем чувствовать себя крепкими, как скала, если честно скажем себе, что трудимся для Бога и по Его планам. Тогда ничто не погибнет. Любая гибель окажется мнимой. Смерть и разрушение в таком и только в таком случае будут ненастоящими, ибо окажутся всего лишь переменами⁶⁸.

Смерть – не враг, она самый верный друг. Смерть избавляет нас от мук. Она помогает нам в борьбе с собой. Она дает нам надежду, предоставляет новые возможности. Подобно сну, она позволяет нам отдохнуть и восстановить силы⁶⁹.

Мы на самом деле живы лишь в своих трудах. Мы умираем в наших бранных телах только тогда, когда, вместо того чтобы использовать их как временные орудия, отождествляем себя с ними... Скорбь из-за разлуки и смерти – вероятно, величайшее из заблуждений. Осознание этого заблуждения есть истинное освобождение. В сущности нет ни смерти, ни разлуки. Трагедия же заключается вот в чем: несмотря на то, что мы любим друзей за распознанную нами в них сущность, мы оплакиваем разрушение несущественного, которое на время жизни лишь прикрывает ее⁷⁰.

Те, кого любит Бог, умирают молодыми⁷¹.

Много лет я старался умом убедить себя в том, что смерть – это лишь большое изменение в жизни и ничто сверх того, так что мы должны радостно приветствовать ее приход. Я изо всех сил пытался изгнать из сердца любой

страх, включая страх смерти. Но я помню случаи из моей жизни, когда я не радовался мысли о приближающейся смерти, как радуются предвкушению встречи с давно утраченным другом. Значит, человек часто остается слабым, невзирая на все попытки стать сильным⁷².

Для нас же лучше покинуть тело, которое мы переросли. Желание как можно дольше видеть дорогих нам людей во плоти – это эгоистическое желание, и проистекает оно из слабости или недостатка веры в жизнь души после разрушения тела. Форма постоянно изменяется, постоянно погибает, но дух неизменен и бессмертен. Истинная любовь требует, чтобы ее направили не на тело, а на то, что живет внутри него, тогда мы поймем, что единая и неразделимая жизнь присутствует в бесчисленном множестве разных тел⁷³.

Рождение и смерть – это два великих таинства. Если смерть – не прелюдия к иной жизни, то промежуточный период – всего лишь жестокий обман. Мы должны научиться искусству не оплакивать смерть, независимо от того, когда и к кому она пришла. Полагаю, что обучиться этому искусству мы сможем лишь после того, как научимся быть равнодушными к самим себе, а такое безразличие придет, когда мы начнем в каждый момент жизни осознавать, что выполняем долг, ради которого пришли на Землю⁷⁴.

Смерть – это настолько сладкий сон, что телу нет больше нужды просыпаться и оно может смело отбросить весь груз ненужных воспоминаний. Насколько я понимаю, по ту сторону жизни не существует таких встреч, к которым мы привыкаем при жизни. Отдельные капли вливаются в океан, которому испокон веков принадлежали. Они умирают врозь только ради того, чтобы снова встретиться в океане⁷⁵.

Бессмертие

Почему должны мы расстраиваться и горевать, когда умирают дети, молодые люди или старики? В мире не проходит ни одного мгновения, в течение которого кто-то бы не родился или не умирал. Те, кто верит в душу – а есть ли индуисты, мусульмане или парсы, которые в нее не верят? – знают, что она никогда не умирает. Души живых едины с душами умерших. Процесс сотворения и разрушения идет вечно и непрерывно. Он не дает поводов ни для радостей, ни для печалей. Даже если мы откажемся от идеи бессмертия ради проверки ее на своих соотечественниках и учтем все рождения только в нашей стране, сколько таковых нам придется праздновать? Если мы будем оплакивать каждую смерть, то наши слезы никогда не высохнут. Тренировка мышления должна избавить нас от страха смерти⁷⁶.

Для меня переселение душ и повторное рождение – не теория, а факт, столь же очевидный, как ежедневный восход солнца⁷⁷.

Люди, предрержащие власть, страстно жаждут посмертной славы⁷⁸.

По милости природы мы не помним своих прежних рождений. Какая польза от детального знания пережитых нами бесчисленных рождений? Жизнь стала бы невыносимым бременем под непомерной тяжестью памяти. Мудрый человек намеренно забывает множество вещей⁷⁹.

Наше пребывание в телесной оболочке кратковременно и преходяще: что такое век в сравнении с вечностью? Но если мы разобьем цепи эгоизма и растворимся в океане человечества, то разделим с ним его достоинство. Для того чтобы почувствовать, что мы что-то собой представляем, надо воздвигнуть барьер между нами и Богом; для того же, чтобы перестать это чувствовать, надо слиться с Богом. Капля в океане разделяет величие со своими прародителями, хотя может и не осознавать того. Но капля немедленно высыхает, если начинает жить независимо от океана. Мы не преувеличиваем, говоря, что жизнь есть всего лишь пузырек⁸⁰.

Ничто не может примирить нас с тайной смерти лучше, чем вера в то, что смерть за благое дело переводит нас в лучшее состояние, а смерть за дурное дело есть благодетельное бегство от зла⁸¹.

Я не испытываю страха смерти. Я готов встретить ее с облегчением и удовлетворением. Но я не могу думать, будто смерть – это конец. У меня нет никаких тому подтверждений. Люди пытались показать, что душа умершего человека находит новое пристанище. Я, правда, не думаю, что данный факт можно как-то зафиксировать, но я в это верю⁸².

Вера

Вера человека в свои планы и деяния лучше всего проверяется, когда его горизонт застилают черные тучи⁸³.

Плоха та вера, которая требует для своего утверждения хорошей погоды. Истинна только та, что способна устоять и в плохую погоду⁸⁴.

Учение может провести нас по многим ступеням жизни, но оно оказывается абсолютно бесполезным в часы опасностей и искушений. В этих случаях спасает только вера⁸⁵.

Сначала надо научиться верить непоколебимо⁸⁶.

Вера начинается там, где бессильно останавливается разум⁸⁷.

Нельзя занять у других ни веры, ни мужества⁸⁸.

Человек, имеющий веру и проистекающую из нее силу, не смущается тем, что другие, возможно, смотрят на него свысока. Такой человек опирается только на эту самую внутреннюю силу⁸⁹.

Вера свидетельствует о вещах невидимых и недоступных зрению⁹⁰.

Через бурное море нас проводит вера – та, которая сдвигает горы и покоряет океаны. Эта вера – то же самое, что жизнь, осознанное бытие с Богом в сердце. Тому, кто достиг такой веры, нечего больше желать⁹¹.

Те, кто верит, избавляются от бремени всех своих забот. Нельзя верить и одновременно чувствовать напряжение⁹².

Бог – самый суровый из всех надсмотрщиков, и Он все время снова и снова испытывает нас. Когда же мы обнаруживаем, что наша вера иссыкает, а силы нас оставляют, когда мы чувствуем, что тонем, Он приходит к нам на помощь, показывая нам, что нельзя терять веру, что Он всегда с нами и готов явиться по нашему зову – но на своих условиях, а не на наших⁹³.

Полная жизнь невозможна без непоколебимой веры в Живой Закон, подчиняясь которому движется вся Вселенная. Человек без веры подобен капле, выброшенной из океана и обреченной на гибель. Каждая капля океана делит с ним его величие и имеет честь давать нам освежающий озон жизни⁹⁴.

Вера может вырасти только изнутри; ее нельзя приобрести у других. Ничто великое в этом мире не было достигнуто без живой веры⁹⁵.

В митингах и организациях нет ничего страшного. Они помогают в делах, но очень немного... Единственное, что по-настоящему имеет значение, – это непобедимая и негасимая вера⁹⁶.

Вера рождается в сердце. Разум может ее лишь подкрепить. Сердце и разум не антагонисты, как думают многие. Чем ярче и живее вера, тем сильнее она стимулирует разум. Вера умирает, когда становится слепой⁹⁷.

Разум

Каждая формула любой религии должна в наш век подвергнуться испытанию разумом и получить его одобрение⁹⁸.

В конечном счете делами человека управляет его сердце, а не разум. Оно приходит к выводам, которые затем обосновывает разум. Аргумент следует за убежденностью. Человек умеет находить причины того, что он делает или хочет сделать⁹⁹.

Жизненный опыт смирил меня достаточно, для того чтобы понять специфические ограничения разума. Вещь, за которой не ухаживают, загрязняется, а разум, используемый не по назначению, превращается в безумие... Рационалисты – восхитительные существа. Рационализм – это отвратительное чудовище, провозглашающее себя всемогущим. Приписывание всемогущества разуму являет собой образец фетишизма, когда палке или камню приписывают божественную сущность¹⁰⁰.

Я не призываю к подавлению разума, я призываю лишь к распознаванию той силы, которая абсолютизирует его¹⁰¹.

Знание, застрявшее в голове, но не проникшее в сердце, приносит мало пользы в критические моменты жизни¹⁰².

Если мы хотим сделать что-то действительно важное, надо воспользоваться не только разумом, но и сердцем¹⁰³.

Отвергать власть разума над слепыми инстинктами – это значит отвергать условие человека. У человека разум возбуждает и направляет чувства; у животного душа погружена в спячку. Пробудить сердце – значит пробудить спящую душу, пробудить разум и внушить умение отличать добро от зла¹⁰⁴.

Есть предметы, недоступные разуму, и мы должны принимать их на веру. Следовательно, вера не противоречит разуму, но превосходит его. Вера – это своего рода шестое чувство, которое работает в случаях, когда отказывает разум¹⁰⁵.

Я не могу постичь положение вещей интеллектом; оно должно тронуть мое сердце. Савл стал Павлом не вследствие интеллектуального усилия, а в результате сердечного движения¹⁰⁶.

Свобода воли

Бог – величайший из всех известных тиранов, ибо Он часто отнимает от наших губ чашу и под видом свободы воли оставляет нам лишь тесное пространство, чтобы возрадоваться за наш счет¹⁰⁷.

Наша жизнь – не единственная прямая линия; она представляет собой пучок обязанностей, часто противоречащих друг другу. Человеку приходится постоянно делать выбор между ними¹⁰⁸.

Человек стоит выше животных благодаря своим нравственным инстинктам и моральным институциям. Животными и человеком управляют разные законы природы. Человек обладает разумом, умением различать добро и зло и свободой воли. Животные лишены всего этого. Они действуют несвободно, не зная разницы между добродетелью и пороком, добром и злом. Человек, будучи существом свободным, осознает разницу и, следуя своей высшей природе, далеко превосходит животных, однако же, следуя своей подлой природе, человек часто оказывается ниже животного¹⁰⁹.

Фатализм имеет свои границы. Мы полагаемся на судьбу только после того, как исчерпываем все иные средства¹¹⁰.

Так же, как мы знаем, что человек часто подчиняется искушению, несмотря на сопротивление, мы знаем и то, что Провидение нередко вмешивается и спасает человека вопреки ему самому. Как это происходит – то есть насколько человек свободен и насколько он есть жертва обстоятельств, насколько важна свобода воли и когда именно в игру вступает судьба, – является тайной и останется таковой всегда¹¹¹.

Я приучил себя к неопределенной жизни. Думаю, что неверно ожидать определенности от мира, где шатко все, за исключением Бога и Истины. Все, что происходит и случается вокруг нас, неопределенно и преходяще. За всеми этими случайностями стоит, однако, высшее существо, и благословен человек, который смог хотя бы мельком увидеть высшую определенность и направить по ее следу свою колесницу. Поиск этой Истины является *summum bonum* (высшим

благом) жизни¹¹².

Человек может изменить свой характер, может смирять его и управлять им, но не в силах его уничтожить. Бог не дал человеку такой свободы. Леопард способен изменить лишь форму пятен на своей шкуре; так и человек может только видоизменить особенности своей духовной конституции¹¹³.

Главное свойство человека – умение подчинять себе обстоятельства¹¹⁴.

Несчастные случаи будут происходить даже в самом лучшем из всех возможных миров. В словаре Бога нет такого слова, как «случай», но тем не менее мир представляет собой место, где постоянно происходит что-то непредвиденное. Это события, которые не поддаются нашему контролю, и даже после того, как они произошли, мы часто не способны обнаружить их причины¹¹⁵.

Мы не в силах гарантировать результаты, мы можем лишь стремиться к ним¹¹⁶.

Свобода воли, которую мы имеем, меньше свободы пассажира на переполненной палубе¹¹⁷.

Мы всегда будем ошибаться, иногда очень сильно, в наших начинаниях. Но человек – существо, способное управлять собой, и это свойство включает в себя возможность как совершать ошибки, так и немедленно их исправлять¹¹⁸.

Человек – творец собственной судьбы в том смысле, что волен выбирать, как воспользоваться своей свободой. Но человек не в силах контролировать результаты. Уверенность в обратном часто оборачивается крупными бедами и неприятностями¹¹⁹.

Добро и зло

Для того чтобы преодолеть зло, надо находиться полностью вне его, то есть стоять на твердом основании незамутненного добра¹²⁰.

Зло само по себе стерильно. Оно саморазрушительно; оно существует и процветает благодаря содержащейся в нем крупице добра¹²¹.

С течением времени зло не перестает быть злом¹²².

Бог – величайший из всех демократов, каких знает мир, ибо Он невозбранно позволяет нам самостоятельно делать выбор между добром и злом¹²³.

Я никоим образом не могу рассуждать о существовании зла, ибо это значит вообразить себя равным Богу. Во мне достаточно смирения, для того чтобы признать существование зла как такового. Я называю Бога терпеливым страдальцем, ибо Он допускает существование в мире зла. Я знаю, что в Нем самом нет зла, и если Он допускает зло в мире, то оно не затрагивает Его¹²⁴.

Порок платит добродетели почтением, и иногда это почтение выражается в надежде, что добродетель удержится на своем пьедестале, пока порок неистовствует вокруг нее¹²⁵.

В груди человека происходит вечная борьба между мраком и светом, и тот, у кого нет спасительного якоря молитвы, скорее всего, падет жертвой мрака¹²⁶.

Человек всегда должен выбирать между восхождением и падением. Поскольку в человеке сильно животное начало, он, скорее всего, предпочтет падение, особенно если дорога вниз нарядно украшена. Он легко сдается, когда грех рядится в одежды добродетели¹²⁷.

Условия жизни человека – это одно из ниспосланных ему испытаний. Он – игрушка, как для сил зла, так и для сил добра. Свои человеческие качества мы должны доказать умением сопротивляться искушениям. Не воин тот, кто сражается с воображаемыми внешними врагами, но не шевелит и пальцем, чтобы победить врагов внутри себя, или, хуже того, принимает их за друзей¹²⁸.

В мире не существует ничего, что не могло бы в руках человека обратиться в орудие злоупотреблений. Человек – это смесь добра и зла, Джекила и Хайда. Однако вероятность злоупотребления становится меньше, если оно влечет за собой страдания¹²⁹.

В божьем мире никогда не процветает чистое неразбавленное зло. Бог правит даже в царстве сатаны, ибо этот последний существует лишь благодаря великому терпению Бога¹³⁰.

Поведение можно всегда исправить так, чтобы уменьшить зло и даже извлечь из него добро¹³¹.

Глава 3

Личная этика

Нравственность

Добро ходит своими путями с быстротой улитки. Те, кто хочет творить добро, не спешат, ибо знают, что обучение людей добру требует много времени¹.

Безнравственность порой преподносится под видом нравственности².

Цивилизация – это вид поведения, предписывающего человеку путь долга. Исполнение долга и следование требованиям нравственности – понятия взаимозаменяемые. Быть нравственным – это значит владеть своим сознанием и страстями. Поступая нравственно, мы познаем себя³.

Нет такой вещи, как религия, отменяющая нравственность⁴.

Высказывание вслух того, что оскорбляет другого, противоречит этике и, определенно, духовности, если, конечно, такое высказывание не диктуется интересами истины⁵.

Самый практичный и достойный способ поведения – это доверять словам людей, если нет убедительных причин для недоверия⁶.

Отрицательный запрет без положительных обязательств подобен телу без души, достойному лишь кремации⁷.

Банальность обладает смертельно опасным потенциалом⁸.

Любая, пусть даже очень древняя, традиция недостойна существования, если она противоречит нравственности⁹.

Во мне крепко укоренилось убеждение в том, что нравственность – основа вещей, а истина – суть всякой нравственности¹⁰.

Для меня всегда оставалось загадкой, как могут люди чувствовать себя уважаемыми за счет унижения ближних¹¹.

Лицемерие подчиняет политические теории, для того чтобы придать себе благопристойность... Человеческий ум находит высшее удовлетворение в измышлении изощренных аргументов в поддержку самой вопиющей несправедливости¹².

Мир в конечном счете судит о человеке по тем стандартам, по которым тот судит сам себя¹³.

Хорошо исполненный долг, несомненно, дает человеку определенные права. Человек, плохо справляющийся со своими обязанностями и рассчитывающий на привилегии, часто их не получает, а если и получает, то они оборачиваются для него тяжким бременем¹⁴.

Жизнь управляется множеством сил. Мы сможем без происшествий плыть по ней, если подчиним наши поступки одному главному принципу, приложение которого в каждый момент времени настолько очевидно, что практически не требует размышлений. Но я не припоминаю ни одного своего поступка, который дался бы мне с такой легкостью¹⁵.

Сатана очень искусно расставляет свои ловушки; они, кроме того, весьма соблазнительны, когда граница между добром и злом становится тонкой и незаметной¹⁶.

Есть люди, считающие, что нравственность не имеет ничего общего с политикой. Нас совершенно не интересуют характеры наших лидеров. Демократии Европы и Америки избегают даже самой идеи о том, что нравственность может иметь что-то общее с политикой¹⁷.

Для нравственных людей этика и религия – это синонимы. Нравственная жизнь, не основанная на религии, подобна дому, построенному на песке. Религия же, разлученная с нравственностью, подобна гремящей меди, способной лишь производить шум и вызывать головную боль¹⁸.

Человеку свойственно ошибаться, и часто сильно ошибаться. Но ошибаться по-человечески – это значит исправлять ошибки и не повторять их. Ошибку забудут, если окажется исполнено обещание¹⁹.

Качество поступка определяется побуждением²⁰.

Честность

Если я верю, что честность – лучшая политика, то, поскольку я так считаю, я должен быть честным в своих мыслях, словах и делах; в противном случае я окажусь просто самозванцем²¹.

В конечном счете обманщик всегда обманывает лишь самого себя²².

Хитрость не только неоправданна с моральной точки зрения, она еще и политически невыгодна, и я никогда не прибегал к ней даже из практических соображений²³.

Любое дело лишь проигрывает от преувеличений²⁴.

Всякое отступление – сознательное или невольное – от законов природы есть ложь. Сознательное отступление от известных законов – это ложь, которая задевает наше нравственное чувство, но не так сильно, как отступление неосознанное и невольное²⁵.

Смирение

Я всегда опасался, что смирение перестанет быть таковым, когда превратится в непреложный долг. Истинное назначение смирения заключается в самозабвении. Самозабвение – это спасение, но, так как само по себе оно не является служением, для его достижения нужно отдельное служение. Если человек, стремящийся к спасению, или слуга не проявляет смирения, то он неверно стремится к спасению или служит. Служение без смирения есть себялюбие и эгоизм²⁶.

Только в тех случаях, когда человек рассматривает свои ошибки через увеличительное стекло, а ошибки других через стекло уменьшающее, он способен справедливо оценивать и те, и другие²⁷.

Не сможет отыскать истину человек, не обладающий чувством смирения. Пустившись в плавание по океану Истины, сожмите себя до нуля²⁸.

Искусственно культивировать смирение – это то же самое, что культивировать лицемерие²⁹.

Жизнь, посвященная служению, должна по необходимости быть смиренной. Тот, кто жертвует свою жизнь во благо других, едва ли найдет время, чтобы заполучить для себя место под солнцем... Истинное смирение означает непрестанные энергичные усилия, направленные на службу человечеству³⁰.

Молчание

Жизненный опыт научил меня, что молчание есть часть ученичества человека, посвятившего себя поиску истины. Склонность к преувеличению, к подавлению или искажению истины – вольно или невольно – это естественная человеческая слабость, и молчание необходимо, чтобы преодолеть ее. Немногословный человек редко говорит бездумно; обычно он взвешивает каждое свое слово³¹.

Молчание – великий помощник человека, ищущего истину. В молчании душа легче находит путь к яркому свету, и то, что было прежде ускользающим и обманчивым, открывается разуму в кристальной чистоте и ясности. Наша жизнь – это долгий и тяжелый путь постижения истины, и душе требуется внутренний покой, чтобы добраться до ее высот³².

Я решил давать себе отдохнуть раз в неделю. Так я установил день молчания. Позже, конечно, я облек это молчание в одежду всяческих добродетелей и прикрыл его завесой духовности. Но на самом деле исходным мотивом было просто желание отдохнуть... Молчание отлично успокаивает. Оно успокаивает не само по себе. Однако будучи в состоянии говорить, но не делая этого, испытываешь огромное облегчение, ибо получаешь время на размышления³³.

Дружба

Особая привилегия друга заключается в возможности брать на себя промахи близкого человека и испытывать к нему любовь, несмотря на эти промахи³⁴.

Настоящую дружбу надо употреблять на то, чтобы постичь целое через его часть³⁵.

Человек заслуживает право на самую нелюбезную критику, если убеждает соседей в своей любви к ним и в адекватности собственных суждений, а также если он ни в малейшей степени не расстраивается из-за того, что эти люди не воспринимают его высказывания или не соглашаются с ними. Иными словами, он должен обладать способностью к здравому восприятию и терпимостью, для того чтобы иметь право критиковать других³⁶.

Истинная дружба – это тождество душ, которое крайне редко встречается в нашем мире. Только между родственными душами возможна достойная и крепкая дружба. Такие люди живо реагируют друг на друга. По этой причине в истинной дружбе редко приходится что-то менять³⁷.

Даже из схватки с противником невозможно извлечь такие ценные уроки, как из недоразумений и соперничества между друзьями. В сражении с неприятелем человека охватывает опьянение и ликование. Ссоры и непонимание между друзьями случаются редко и от этого становятся более болезненными. Однако именно в таких размолвках дружба подвергается настоящему испытанию на прочность³⁸.

Когда раб приветствует хозяина, а друг приветствует друга, в обоих случаях произносятся одни и те же слова, но между этими двумя приветствиями пропасть, и даже сторонний наблюдатель сразу обнаруживает разницу между другом и хозяином³⁹.

Надо отчетливо понимать, что родные и близкие – не большие друзья вам, чем незнакомцы, птицы, звери и растения. Все живые существа – одно целое, все

они – воплощения Бога, если мы задумаемся и осознаем этот факт. Такое понимание укрощает стремление видеть друзей, когда мы находимся за тюремными стенами⁴⁰.

Дружбу невозможно купить подношениями⁴¹.

Дружба, покоящаяся на единстве мнений и схожести поведения, немногого стоит. Друзья должны терпеливо относиться к разнице в образе жизни и мышлении, кроме тех случаев, когда она носит фундаментальный характер⁴².

Сотрудничество, требующее расчета, – коммерческая сделка, а не дружба⁴³.

Несчастья и бедствия – это горнило, в котором закаляется дружба⁴⁴.

Бесстрашие

Те, кто презирает смерть, свободны от всех страхов⁴⁵.

Если мы верим в Бога и страшимся только Его, то нам не стоит бояться ни магараджу, ни вице-короля, ни полицейских, ни даже короля Георга⁴⁶.

Будем бояться Бога, и тогда нам не придется бояться людей. Если мы осознаем тот факт, что внутри нас живет божество, ведающее все, что мы думаем и делаем, божество, которое хранит нас и наставляет на истинный путь, то станет ясно, что нет надобности бояться чего бы то ни было на свете, за исключением Бога. Верность правителю правителей превосходит всякую иную верность и дает ей надежное основание⁴⁷.

Бесстрашие не должно использовать для внушения уважения или почтительных чувств со стороны других людей⁴⁸.

Бесстрашие – это первое требование духовности. Трус не может быть нравственным человеком⁴⁹.

Не надо путать вежливость со льстивостью, а бесстыдство – с бесстрашием⁵⁰.

Человеку, который не боится никого на свете, будет трудно разгневаться на того, кто тщетно старается причинить ему вред⁵¹.

Если мы боимся Бога, то перестаем бояться людей, какое бы высокое положение они ни занимали; если мы хотим следовать заветам истины, то нам абсолютно необходимо бесстрашие⁵².

Ненасильственное сопротивление становится совершенно невозможным без бесстрашия. Пройти путь такого сопротивления до конца способны только бесстрашные люди, касается ли это их имущества, ложного понимания чести,

родственников, правительства, телесных ран или смерти⁵³.

Бесстрашие означает свободу от всех внешних страхов – страха болезни, телесных ран, смерти, лишения имущества или потери родных и близких, а также от страха потерять репутацию или совершить правонарушение и т. д.⁵⁴

Страху не найдется места в наших сердцах, если мы стряхнем с себя привязанность к богатству, семье и своему телу... Перестав быть собственниками и хозяевами, унижившись до положения пыли у наших ног, мы увидим, как все наши страхи рассеются, словно туман⁵⁵.

Упорство

Сила проистекает не из физических возможностей. Она проистекает из неукротимости воли⁵⁶.

Лучшие и самые надежные труды совершались в уединении и меньшинством⁵⁷.

Превосходство в численности вызывает восторг у боязливых. Доблестный духом добывает победу в одиночку⁵⁸.

Если даже один *сатьяграхи* будет держаться до конца, он, несомненно, одержит победу⁵⁹.

В любом великом деле успех определяется не числом бойцов, а их качеством и доблестью. Величайшие пророки – Зороастр, Будда, Иисус, Мохаммед – все действовали в одиночку... Но они обладали живой верой в себя и своего Бога. Они были уверены, что Бог на их стороне, и поэтому не ощущали своего одиночества⁶⁰.

Исполнение долга нельзя ставить в зависимость от общественного мнения... Человек обязан поступать в согласии с тем, что он считает правильным, невзирая на то, что это может казаться неверным другим людям... Если человек не будет руководствоваться своим внутренним светом из страха перед общественным мнением или по иным подобным причинам, он окажется не в состоянии отделить правду от лжи и в конце концов полностью утратит способность их различать⁶¹.

Пример немногих самоотверженных мужчин и женщин, полностью проникнутых духом ненасилия, способен в конце концов стать заразительным для масс⁶².

Небольшая группа людей, дух которых горит нестигаемой верой в свою миссию, может изменить ход истории⁶³.

В сатьяграхе главное не количество приверженцев; главное – их качество, особенно в условиях подавляющего преимущества сторонников насилия⁶⁴.

Решимость

Разные интерпретации решений всегда были главным источником раздоров во всем мире. Не важно, насколько четко сформулировано решение; люди всегда найдут подходящий способ извратить текст в угоду своим корыстным целям... Эгоизм ослепляет, а обращаясь к двусмысленностям, люди обманывают себя и пытаются одновременно обмануть мир и Бога. Золотое правило заключается в том, что мы должны принять толкование той партии, которая предложила данное решение. Можно принять решение слабейшей партии, и тогда будут возможны две интерпретации. Невыполнение двух этих правил ведет к соперничеству и неравенству, коренящимся в ложных толкованиях. Тот, кто ищет истину, без усилий следует золотому правилу. Такому человеку не нужны наставления по толкованиям⁶⁵.

Клятва не закрывает дверь к подлинной свободе, но открывает ее. Я не мог добиться успеха, потому что мне не хватало воли, потому что я не верил в себя, в милость Бога, и разум мой безвольно плыл по бурному морю сомнений. Я понял, что, отказавшись от клятвы, я стал жертвой искушений... Если угасает стремление, то неизбежным и естественным решением становится клятва самоотречения⁶⁶.

Идеал истины требует, чтобы взятые обеты исполнялись как в духе, так и в букве⁶⁷.

Неспособность личности соблюдать принятые ею решения часто встречается в этом мире. Но такие решения никогда не принимают именем Бога. В теории, однако, не должно быть никакой разницы между принятыми решениями и обетами, данными именем Бога. Когда разумный человек принимает обдуманное решение, он никогда не отклоняется от него ни на йоту. Он исполняет его так же, как исполняет клятву, данную именем Бога. Но мир живет не по абстрактным принципам и поэтому воспринимает человеческие решения и клятвы, данные именем Бога, как совершенно разные вещи. Человек, принявший какое-то решение, а потом уклонившийся от его выполнения, не испытывает чувства стыда, а человек, нарушивший священную клятву, не только стыдится своего поступка, но и предстает грешником в глазах общества⁶⁸.

Торжественные заявления и клятвы должны быть большой редкостью. Человек, который клянется постоянно, скоро оступится⁶⁹.

Принесение клятвы не означает ее полного исполнения с самого начала. Оно означает постоянные и честные усилия, приложенные мыслью, словом и делом и направленные на ее выполнение. Не стоит предаваться самообману и притворяться, что мы неукоснительно выполняем клятвы, если даже нам это сразу не удается⁷⁰.

Жизнь без клятв подобна кораблю без якоря или зданию, построенному на песке, а не на прочной скале. Обеты служат характеру балластом, придают ему устойчивость и твердость⁷¹.

В этом мире ничего нельзя добиться, не проявляя решимости⁷².

Умеренность и трезвость составляют самую сущность клятв. Принятие обетов заведомо невыполнимых или слишком тяжелых для данного человека выдают его бездумность и недостаток уравновешенности. Можно давать условные клятвы – это нисколько не умаляет их эффективности и ценности⁷³.

Клятву ни в коем случае нельзя использовать для обоснования или оправдания безнравственных действий. Обет должен возвышать, а не принижать, ведя к гибели⁷⁴.

Самоограничение

Человек, овладевший своими чувствами, овладевает миром, ибо становится частью Бога⁷⁵.

Сдержанность – закон нашего бытия. Невозможно достичь высочайшего совершенства без высочайшей сдержанности⁷⁶.

С моральной точки зрения я нисколько не сомневаюсь в том, что всякое самоотречение полезно для души⁷⁷.

Отождествление себя со всем живущим невозможно без самоочищения; без самоочищения следование закону *ахимсы* становится пустым мечтанием; никто не в силах понять Бога, не обладая чистым сердцем. Следовательно, самоочищение подразумевает очищение во всех отношениях к жизни. Оно заразительно. Самоочищение одного человека ведет к очищению окружающих его людей. Однако этот путь тяжел и крут. Для того чтобы достичь чистоты, надо полностью освободиться от страстей в мыслях, речах и поступках, подняться над встречными потоками любви и ненависти, привязанности и отвращения. Я знаю, что не достиг пока этой тройной чистоты, несмотря на мое искреннее и непрестанное стремление к ней⁷⁸.

Побороть свои тайные страсти, как мне кажется, труднее, чем физически завоевать мир силой оружия⁷⁹.

Никогда не переступайте границ своих возможностей. Это не помогает постижению и достижению истины⁸⁰.

Способность к дисциплине и сдержанности отличает нас от животных. Если мы хотим быть людьми, ходящими с высоко поднятой головой, а не зверьми, бегающими на четырех конечностях, то мы должны добровольно подчиниться требованиям дисциплины и сдержанности⁸¹.

Простота

Спасение Индии – в забвении того, чему она научилась за последние пятьдесят лет... Так называемые высшие классы должны сознательно, религиозно и обдуманно научиться жить простой крестьянской жизнью, поняв наконец, что только такая жизнь ведет к истинному счастью⁸².

Своей проповедью я выступаю против современной искусственной жизни, переполненной чувственными удовольствиями, и прошу мужчин и женщин вернуться к простой жизни... Без разумного возвращения к простоте мы не сможем избежать падения в зверскую жестокость⁸³.

Европейцам самим придется переосмыслить и изменить свои взгляды, чтобы не погибнуть под тяжестью комфорта, рабами которого они стали⁸⁴.

В этой стране, где миллионы людей живут на грани голодной смерти, а восемьдесят процентов населения плохо питаются, ношение драгоценностей есть оскорбление общественной нравственности... Ношение драгоценностей – это ощутимая потеря для страны. Сколько капиталов лежит без движения или, хуже того, растрачивается попусту!⁸⁵

Определенная степень физической гармонии и комфорта, конечно же, необходима, но превысив некоторый уровень, они начинают мешать, а не помогать. Идеал, заключающийся в формировании и исполнении бесчисленного множества желаний, ложен и опасен⁸⁶.

Скорость не есть цель и смысл жизни. Человек больше видит и лучше следует истине, если ходит на работу пешком⁸⁷.

Никто не говорит о цивилизации набедренных повязок. Я по необходимости стал носить набедренную повязку. Но поскольку она воплощает простоту, то пусть она представляет индийскую цивилизацию⁸⁸.

Здоровье

Намного легче и безопаснее предупредить болезнь, соблюдая законы сохранения здоровья, чем лечить недуг, возникший из-за нашего невежества и легкомыслия⁸⁹.

Болезнь есть результат не только наших действий, но и наших мыслей⁹⁰.

Ничто так тесно не связано с нами, как наше тело, но, пожалуй, нет вещи, относительно которой мы были бы столь же невежественны или равнодушны⁹¹.

Фатальное заблуждение – думать, будто болезнь невозможно вылечить без лекарств⁹².

Если в доме появляется пузырек с лекарством, то он поселяется там навсегда и, мало того, тянет за собой, как на буксире, следующий пузырек⁹³.

Число болезней растет в городе пропорционально увеличению числа врачей в нем⁹⁴.

Отношения ума и тела настолько тесны, что повреждение одного из них неизбежно поражает всего человека целиком. Отсюда следует, что чистый характер есть залог доброго здоровья в буквальном значении этого слова; а все злые мысли и злые страсти... суть лишь иные формы телесных болезней⁹⁵.

Нашей целью должно быть достижение максимально крепкого здоровья; не надо удовлетворяться тем, что ты просто как-то выживаешь⁹⁶.

Наша страсть к физическим упражнениям должна быть так сильна, чтобы мы не могли отказаться от них ни при каких обстоятельствах. Мы плохо понимаем, насколько слабым и беспомощным становится наш разум без тяжелых физических упражнений⁹⁷.

Наше тело дано нам для того, чтобы мы поняли, что должны посредством его ревностно служить Богу. Наш долг содержать тело в чистоте внутри и снаружи, чтобы вернуть его Создателю в том же виде, в каком мы его получили. Если мы полностью исполним условия этого контракта, то Он, несомненно, наградит нас причастностью к бессмертию⁹⁸.

Если бы мы знали все законы природы или умели их постигать, если бы были способны следовать им в мыслях, словах и делах, то мы стали бы самим Богом и нам просто не пришлось бы ничего делать. Но мы плохо знаем законы природы и не в силах им следовать. Отсюда проистекают болезни и все их неприятные последствия. Таким образом, нам достаточно знать, что каждая болезнь есть результат нарушения неизвестных нам законов природы, и остается лишь молиться о ниспослании нам знания и умения следовать им. Поэтому сердечная молитва во время болезни – это и труд, и лекарство⁹⁹.

Надо избегать курения сигар и сигарет, как иностранных, так и местных. Курение сигарет подобно употреблению наркотиков, а сигары похожи на опиум. Дым проникает в нервы и остается там навсегда. Как только может человек так осквернять свой рот, превращая его в дымовую трубу?¹⁰⁰

Если для того, чтобы проснуться, вам надо выпить кофе или чай, то лучше просто поспите. Не надо превращаться в рабов этих напитков. Большинство людей, пьющих кофе или чай, становятся их рабами¹⁰¹.

Не важно, как много вы работаете. Надо находить время для физических упражнений, как вы находите время для еды. По моему скромному мнению, они не мешают работе, а только помогают ей¹⁰².

Пытаясь вылечить одну болезнь, мы приобретаем сотню других; стараясь получить от жизни максимум удовольствий, мы в конце концов теряем саму способность к наслаждению¹⁰³.

Диета

Воздержание от опьяняющих напитков, наркотиков и определенных видов пищи, например мяса, несомненно, способствует эволюции и развитию духа, но ни в коем случае не может быть самоцелью. Многие люди, употребляющие мясо и обедающие в компании, но живущие в страхе божьем, ближе к свободе, чем человек, воздерживающийся по религиозным соображениям от мяса, но хулящий Бога своими поступками¹⁰⁴.

Невозможно быстро и сразу ввести правила употребления пищи... Правда, невозможно и окончательно сказать, какую пищу есть допускается, а какую – нет, но долг каждого человека – серьезно об этом задуматься¹⁰⁵.

Человек рождается не для того, чтобы есть, и живет не ради пищи. Истинная задача человека – служить своему Творцу. Однако, поскольку тело есть незаменимое условие этой службы, то по необходимости мы вынуждены есть¹⁰⁶.

Непредвзятое наблюдение показывает, что все грехи, такие как ложь, жульничество и воровство, в конечном счете обусловлены рабской покорностью вкусовым ощущениям. Тот, кто способен преодолеть это подчинение, легко справится и с остальными чувственными желаниями¹⁰⁷.

Если мы внимательно вникнем в детали приготовления всех видов пищи, то откажемся от девяноста процентов блюд!¹⁰⁸

Не существует никаких опасений за здоровье людей, которые едят мало; наоборот, жизненно необходимо в целом сократить количество еды, потребляемой нами¹⁰⁹.

Счастье невозможно без крепкого здоровья, а крепкое здоровье невозможно без жесткого обуздания аппетита¹¹⁰.

Свести всю религию к вопросу диеты, как это часто делают в Индии, так же нелепо, как отказаться от всех ограничений в еде и полностью отдаться на волю своего аппетита¹¹¹.

Многие... опыты показали мне, что истинное вместилище вкуса находится не на языке, а в голове¹¹².

Часть моих религиозных убеждений заключается в том, что люди вполне способны обойтись без мяса, яиц и подобных видов пищи. Можно даже сократить рацион до уровня простого поддержания жизни. Однако есть вещи, которые нельзя делать даже ради поддержания жизни¹¹³.

Важно не то, что мы вводим в себя извне, важно, что мы исторгаем наружу... Для ищущего истину человека, который хочет жить в божьем страхе и видеть Бога, качественное и количественное воздержание в пище так же важно, как и самоограничение в мышлении и речи¹¹⁴.

Всякую еду надо принимать как лекарство... Лекарство не должно быть противным, но тем не менее принимают его не для услаждения вкуса. Именно так следует относиться и к еде: ей надлежит быть полезной, есть ее надо в должном количестве, неторопливо и в подходящее время¹¹⁵.

Сытная еда – это преступление против Бога и человека. Во втором случае – потому что такая еда лишает соседей их порции. Божье хозяйство допускает только такое распределение пищи, при котором она используется как лекарство от голодной смерти. Однако мы все происходим из племени любителей сытной еды. Прочувствовать нужную дозу еды – это задача, которая может оказаться не под силу и Гераклу, ибо родители с детства делают нас обжорами. Потом, когда становится уже поздно, нас вдруг осеняет, что едим мы не ради наслаждения, а для того, чтобы поддерживать силы нашего тела, как поддерживают хозяева силу своих работников. Начинается изнурительная борьба против унаследованной или приобретенной привычки есть для удовольствия. Отсюда происходит необходимость периодического полного воздержания от пищи и постоянная умеренность в ее употреблении¹¹⁶.

От переедания и неправильного питания страдает и слабеет больше людей, чем от недоедания. Если мы выберем правильную диету, то сами удивимся, как мало может есть человек, чтобы поддержать свои силы¹¹⁷.

Я не считаю мясную пищу обязательной составной частью диеты ни в одном из климатических поясов, в каких приходится жить людям. Думаю, что мясо – неподходящая еда для нашего биологического вида. Мы заблуждаемся, когда, будучи выше животных, копируем их поведение. Однако огромные затраты и заинтересованность людей в производстве мясных продуктов мешают врачам беспристрастно заняться этим вопросом¹¹⁸.

Диета не зависит от религиозной веры. Диету надо выбирать индивидуально для себя и только по зрелом размышлении¹¹⁹.

Есть большая доля истины в поговорке «человек есть то, что он ест». Чем жирнее пища, тем жирнее тело¹²⁰.

Пост и голодание

Самое главное – душевное отношение. Так же как молитва может быть лишь механически повторяемыми словами, так и пост может стать лишь бессмысленным истязанием плоти. Ни пустая молитва, ни пустой пост не трогают душу изнутри¹²¹.

Для меня нет ничего более очищающего, чем пост. Пост служит самовыражению, помогает духу воспарить над телом. Пост – это самый мощный фактор нашего развития¹²².

Публике не стоит обращать внимание на мои голодовки и тревожиться по их поводу. Голодовка – это часть моего личного бытия. Я точно так же не могу обходиться без глаз, как и без голодовок. То, что значат глаза для существования в окружающем мире, голодовка значит для жизни внутренней. Возможно, я сам хочу, чтобы последняя голодовка оказалась заключительной в моей жизни, но мой внутренний голос говорит, что мне предстоит еще много раз пройти через это испытание и – кто знает – сделать еще больше попыток¹²³.

Голодание тела должно сопровождаться голоданием *всех* чувств¹²⁴.

В некоторых ситуациях голодовка становится единственным оружием, данным нам Богом в моменты нашей полной беспомощности. Мы не умеем пользоваться этим оружием или считаем, что голодовка начинается и заканчивается обычным лишением себя физической пищи. Но на самом деле это заблуждение. Отказ от еды неизбежная, но не самая главная цель голодовки. Ее суть – молитва, общение и единение с Богом. Это общение полностью заменяет физическую пищу¹²⁵.

*Голодовка подходит не для каждого и нужна не во всех случаях. Голодание без веры способно привести к катастрофическим последствиям. Любое духовное оружие может стать опасным, если им пользуются неподготовленные люди*¹²⁶.

Опытное исследование

Эволюция – это всегда результат опытов. Любой прогресс достигается за счет неверных действий и их исправления. Никакое благо не дается нам в законченном виде из рук Бога, мы должны сами добывать его путем повторных экспериментов, методом проб и ошибок. Таков закон индивидуального роста. Тот же закон управляет общественной и политической эволюцией. Право на ошибку, то есть на свободу экспериментировать, можно назвать универсальным условием всякого прогресса¹²⁷.

Если нам дозволено делать новые открытия и изобретения в окружающем нас реальном мире, то должны ли мы отказаться от опытов в области духа?¹²⁸

Тот, кто хочет провести новый опыт, должен начать с себя. Это приводит к более скорому открытию истины, а Бог всегда защищает честного экспериментатора¹²⁹.

Хочу я того или нет, но мне волей-неволей приходится вовлекать в мои опыты всех моих близких. Однако я не могу обойтись без экспериментов. Вся жизнь – это бесконечная их череда¹³⁰.

У рода человеческого были святые, жертвовавшие своим бранным телом ради исследования тайн души¹³¹.

Поскольку я всегда верил, что возможное для одного человека доступно и для всех, я проводил свои эксперименты не в закрытом кабинете, а на глазах у людей¹³².

Воздержание (брахмачарья)

Целомудрие есть одно из величайших ограничений, без которого ум не может достичь необходимой твердости. Нецеломудренный человек утрачивает стойкость, становится немужественным и трусливым¹³³.

Целомудрие... – это идеальное состояние, которое редко реализуется в жизни. Оно похоже на прямую Евклида, которая существует лишь в воображении. Тем не менее это очень важное геометрическое определение, давшее множество удивительных математических результатов. Так же и совершенное целомудрие существует только в воображении. Но если мы не будем все время иметь перед глазами этот идеал, то превратимся в судно без руля и без ветрил. Чем ближе подходим мы к воображаемому идеалу, тем большим становится наше совершенство¹³⁴.

Распущенность – корень всего тщеславия, гнева, страха и ревности в мире¹³⁵.

Познание Бога невозможно без полного подавления полового вожделения¹³⁶.

Если твое сердце нечисто, если ты не способен справиться со своими страстями, то ты пересташь быть образованным человеком¹³⁷.

В *брахмачарье* заключается защита тела, ума и души. Это не наказание, это утешение и радость. Каждый следующий день открывает новую грань красоты. Но при том, что *брахмачарья* – источник вечной радости, пусть никто не думает, что она легка для меня... Соблюдение ее – это как хождение по острию меча, и я должен ежесекундно проявлять бдительность¹³⁸.

Ум, намеренно загрязненный, нельзя очистить голоданием. Никакие диетические ухищрения не окажут на него ни малейшего воздействия. Похоть ума можно искоренить только рефлексией, преданным служением Богу и, наконец, Его милостью. Существует теснейшая связь между умом и телом, а плотский ум всегда жаждет деликатесов и роскоши... Тем, чьи мысли направлены на самоограничение, очень полезна диета и голодание. В самом

деле, невозможно изгнать похоть из ума без их помощи¹³⁹.

Цель человеческой жизни – освобождение от пут рождения, разрыв с бременем плоти, единение с Богом. Брак – препятствие на пути к этой цели, ибо он лишь усиливает бремя плоти. Целомудрие оказывает большую помощь, так как позволяет вести жизнь, полностью посвященную Богу¹⁴⁰.

Протестантство имеет множество заслуг, но одним из его заблуждений было высмеивание целомудрия и обета безбрачия¹⁴¹.

Именно благодаря целибату католическая вера процветает до нашего времени¹⁴².

Как пользоваться органами деторождения? Перемещением наиболее созидательной энергии, каковая дает нам возможность зачинать новую жизнь, на творчество ради целой жизни, то есть на работу души. Мы должны обуздать животную страсть и превратить ее в страсть небесную¹⁴³.

Соблюдение воздержания невозможно без веры в Бога, то есть в живую Истину¹⁴⁴.

Брахмачарья – это поведение, приводящее нас в соприкосновение с Богом. Оно предусматривает полное овладение всеми чувствами... В народе считают, что *брахмачарья* означает просто подавление инстинкта размножения. Но такое подавление невозможно без контроля над остальными чувствами, ибо все они тесно взаимосвязаны... Без контроля над разумом сугубо физическое воздержание, даже если его удастся на время достичь, приносит мало пользы или не приносит ее вообще¹⁴⁵.

Мы не сможем ни контролировать, ни подавлять нашу половую страсть, если просто перестанем обращать на нее внимание. Я предпочитаю учить мальчиков и девочек значению и правильному употреблению органов деторождения. Сексуальное просвещение должно иметь целью наставить молодых людей в сублимации половых страстей¹⁴⁶.

Глава 4

Социальная этика

Любовь

Любовь никогда ничего не требует, она всегда дает. Любовь страдает, но не обижается и никогда не мстит¹.

Любовь – это величайшая в мире сила, но трудно вообразить себе что-либо более скромное, чем она².

Если мы не любим наших соседей, то никакие перемены, сколь бы революционными они ни были, не принесут нам пользы³.

Я знаю, что для чистой любви нет ничего невозможного⁴.

Где любовь, там и Бог⁵.

Любовь, основанная на доброте тех, кого ты любишь, есть не истинная любовь, а корыстная сделка; истинная же любовь скромна и не требует ответа⁶.

Слепая любовь часто еще более вредна, нежели вынужденное подчинение бичу тирана⁷.

Меч сатьяграхи – любовь и несгибаемая стойкость, ею рожденная⁸.

Истина

Нет истины в человеке, не умеющем обуздать свой язык⁹.

Истина по своей природе самоочевидна. Как только ее очищают от наслоений невежества, она начинает ярко сиять¹⁰.

Истина есть высшее начало, включающее в себя множество других начал. Эта истинность заключается не только в правдивости слов, но и в правдивости мыслей и не только в относительной истине нашего понимания, но и в абсолютной истине, в вечном начале, которое и есть Бог¹¹.

Орудия поиска истины просты настолько же, насколько и трудны. Они недоступны надменному, но ими может воспользоваться невинный ребенок. Искатель истины должен быть смиреннее пыли под ногами¹².

Истина подобна раскидистому дереву, с которого снимают тем больше плодов, чем тщательней за ним ухаживают. Чем глубже в шахту истины спускается ищущий, тем ценнее оказываются найденные им самоцветы, тем больше открывается возможностей для более верного служения Богу¹³.

Человеку, преданному Истине, не следует ничего делать в угоду условностям. Он всегда должен быть открыт для исправления; каждый раз, обнаружив свою ошибку, он должен признать ее и сделать все для ее устранения¹⁴.

Мой неразделимый опыт убедил меня в том, что нет иного Бога, кроме Истины... Единственное средство познания истины – это *ахимса*... какими бы искренними ни были мои попытки придерживаться *ахимсы*, они все равно оказывались несовершенны и неадекватны. Небольшие кусочки блеснувшей перед моими глазами истины не могут дать полного представления о неопишемом сиянии, сила которого в миллион раз превосходит яркость наблюдаемого нами на небе Солнца. Действительно, то, что я видел, – это всего лишь тусклый отблеск великого сияния истины. На основании своего опыта я утверждаю, что совершенное видение истины станет возможным лишь после

полного усвоения ахимсы. Для того чтобы узреть перед собой дух истины, человек должен суметь возлюбить даже такое ничтожное создание, как он сам¹⁵.

Истина – это то, что говорит тебе твой внутренний голос. То, что есть истина для одного, может не быть таковой для другого¹⁶.

Преданность Истине – это единственное оправдание нашего существования¹⁷.

Истина является таковой не просто благодаря своей древности. Впрочем, нельзя относиться к истине с подозрением из-за ее древности¹⁸.

В проявлениях насилия истина страдает больше всего; при ненасильственных действиях истина торжествует¹⁹.

Если это важно, истина должна быть высказана, какой бы неприятной она ни казалась²⁰.

Справедливость

Тот, кто ищет справедливости, должен и сам быть справедливым к другим²¹.

Справедливость любви – в подчинении, справедливость закона – в наказании. То, что дает любящий, превосходит справедливость. Но он все равно дает меньше, чем желает, потому что он хочет давать еще и еще и злится из-за того, что у него больше ничего нет²².

Самый скорый способ найти справедливость – это справедливо отнестись к другому²³.

Ни один из тиранов не избежал расплаты за причиненные им страдания. Человек, причиняющий боль любимому, испытывает куда более сильную боль²⁴.

Справедливость без щедрости – это справедливость Шейлока^{25[9]}.

Даже уличный хулиган заслуживает справедливости, ибо если мы отмахнемся от него и откажем ему в ней, то тем самым оправдаем его хулиганство²⁶.

Справедливость, чтобы оставаться таковой, должна быть великодушной, и так же великодушие, чтобы оправдать себя, должно быть справедливым²⁷.

Уважение к жизни

Совершенное ненасилие – это полное отсутствие злой воли в отношении всего живого. Следовательно, ненасилие должно распространяться не только на человеческую жизнь, но даже на жизнь вредных насекомых и хищных зверей. Они были созданы не для того, чтобы питать наши разрушительные наклонности. Если бы мы только знали намерения Создателя, то нашли бы для этих тварей надлежащее место в Его царстве. Таким образом, ненасилие в его действенной форме есть добрая воля в отношении всех проявлений жизни²⁸.

Главная черта индуизма – охрана коров. Охрана коров есть, по моему мнению, самый удивительный феномен в эволюции человека. Это отношение возвышает человека, выводит за узкие рамки его собственного биологического вида. Для меня корова олицетворяет весь животный мир... Корова – это поэма о печали. Мы читаем печаль в облике благородного животного. Корова – мать миллионов индийцев. Защита коровы – это защита всех тварей божьих²⁹.

Долг человека – не обидеть мимоходом даже муравья. Человек, гордо шествующий по земле, не обращая внимания на многочисленных насекомых и других живых существ, человек, преднамеренно топчущий их ногами, совершает грех и идет навстречу своей гибели. Такого человека нельзя поставить рядом с относительно невинным земледельцем³⁰.

Духовный прогресс требует, чтобы мы – на определенной его стадии – прекратили убивать наших меньших братьев ради удовлетворения своих телесных потребностей³¹.

На мой взгляд, жизнь ягненка не менее ценна, чем жизнь человека. Я не желаю отнимать жизнь у ягненка ради удовлетворения телесных прихотей. Я убежден в том, что чем слабее существо, тем больше оно нуждается в человеческой защите от человеческой жестокости³².

В совершенно ненужных изощренных попытках объяснить и оправдать убийство человеком братьев меньших мы часто забываем наш первейший долг. Все мы не каждый день сталкиваемся с необходимостью убить неприятное нам

животное. Тем не менее у большинства из нас недостает мужества и любви, для того чтобы проявить ахимсу в отношении опасных пресмыкающихся. Мы не поддаемся гневу и злой воле и не истребляем змей, пригретых нами на груди, но проводим время в пустопорожних дискуссиях о нашем праве убивать неприятных и вредных животных, оказываясь тем самым втянутым в порочный круг. Мы не выполняем свой первейший долг, но утешаем наши души тем, что воздерживаемся от истребления вредных животных. Тот, кто желает практиковать ахимсу, должен на время забыть о змеях и тому подобных существах. Пусть такой человек не переживает, и если ему случится убить змею, то пусть он изо всех сил старается подавить гнев и злобу в отношении других людей – это станет первым шагом на пути к универсальной любви к живому³³.

Я знаю, как во имя истины и науки люди проявляют нечеловеческую жестокость к животным, производя вивисекции³⁴.

Здесь [в тюрьме Еравды] мы научились находить друзей среди животных. Один кот стал для нас подлинным откровением. Если же мы отточим свое зрение, то станем понимать язык деревьев и цветов, научимся ценить их дружбу³⁵.

Отказ от имущества и нищета

(См. также раздел «Простота» в главе 3.)

Счастье – это в большой степени состояние ума. Человек не обязательно счастлив, если он богат, и не обязательно несчастен, если беден. Богач часто бывает несчастным, а бедняк – счастливым³⁶.

Все мы в той или иной степени воры. Если я беру то, что не нужно мне для непосредственного использования, это значит, что я украд вещь у кого-то еще. Фундаментальный закон природы без изъятия заключается в том, что она – природа – производит достаточно благ для ежедневного удовлетворения потребностей всех, и если бы каждый брал только то, что ему необходимо, но не больше, то на Земле не было бы нищеты и люди не умирали бы от голода... Я не хочу отнимать у других собственность. Если у кого-то есть больше, чем у меня, то пусть так и будет. Но в том, что касается моей жизни, я придерживаюсь железного правила: я не смею владеть вещами, в которых в данный момент не испытываю нужды. Ни вы, ни я не имеем права обладать многим из того, что у нас есть, до тех пор, пока миллионы людей не будут лучше одеты и накормлены. Мы должны изменить нашу жизнь, умерить наши желания и потребности и даже добровольно обречь себя на нищету и голод, чтобы бедняки могли получить кров, пищу и одежду³⁷.

Чем существеннее состояние богача, тем больше... его моральная развращенность³⁸.

Золотым правилом должна стать решимость отказаться от владения тем, чего лишены миллионы людей. В первую очередь надо понять, что мы не должны иметь собственность, недоступную для миллионов, а затем немедленно перестроить свою жизнь в соответствии с этим пониманием³⁹.

Я давно усвоил принцип, согласно которому не надо иметь денег больше, чем тебе необходимо⁴⁰.

Учение *Гиты* об отказе от собственности, на мой взгляд, означает, что стремящиеся к спасению должны поступать подобно доверенному опекуну, который хотя и распоряжается огромным владением, не считает даже самую ничтожную его часть своей. Мне стало ясно, что отказ от владения и соблюдение равенства требуют изменений в сердце, изменений в отношении к людям⁴¹.

Можно смело утверждать, что рост материального благосостояния никоим образом не ведет к развитию нравственности⁴².

Богатейшие дары должны быть уничтожены без колебаний, без какой-либо компенсации, если они тормозят наш нравственный рост⁴³.

[Таможенному чиновнику в Марселе.] Я всего лишь бедняк. Все мое состояние – это прялка, несколько тарелок, банка козьего молока, шесть домотканых набедренных повязок, полотенце и репутация, которая тоже стоит недорого⁴⁴.

Можно представить себе человека, не имеющего никаких материальных благ, но нищего духом, так как он завидует тем, у кого они есть. У этого человека ничего нет, но он чувствует себя обделенным. У другого может быть золотая скамеечка, которую он использует, чтобы не обжечь ноги об угли в очаге. Но такой человек, вполне вероятно, способен продать скамеечку, пожертвовать деньги бедным и при этом испытать восторг от расставания с имуществом⁴⁵.

Полное достижение идеала в невладении собственностью требует, чтобы человек, подобно птице, не имел крыши над головой, одежды и запаса пищи на завтра⁴⁶.

Отказ от владения собственностью – это принцип, который можно приложить не только к материальным вещам, но и к мыслям. Человек, наполняющий голову ненужным знанием, нарушает этот бесценный принцип. Мысли, отвращающие нас от Бога или не ведущие к Нему, препятствуют нашему духовному росту⁴⁷.

Использование душевной силы требует погружения в бедность в том смысле, что нам должно быть безразлично, есть ли у нас пища или одежда⁴⁸.

В бедности больше благословения, чем в богатстве. Плоды нищеты слаще плодов богатства⁴⁹.

Физический труд

Монотонность – закон природы. Посмотрите хотя бы, как ежедневно восходит солнце. Представьте себе, какая великая катастрофа случится во Вселенной, если оно начнет всходить и садиться, когда ему вздумается. Однако есть монотонность, которая поддерживает существование, и монотонность, которая убивает. Монотонность необходимого труда радует и дает жизнь⁵⁰.

Я думаю, что прядение есть самый здоровый и приемлемый физический труд. Не могу представить себе ничего более благородного, чем если бы все мы... хотя бы один час в день посвящали труду бедных людей, тем самым отождествляя себя с ними, а через них – со всем человечеством. Не могу представить себе лучшего поклонения Богу, ибо Его именем я разделяю труд с бедными людьми. Колесо прялки способно обеспечить более равномерное распределение богатства на Земле⁵¹.

Я не мог оторваться от книги Рёскина «Последнему, что и первому», начав читать ее. Она захватила меня. Я твердо решил изменить свою жизнь в соответствии с изложенными в ней идеями. Моя жизнь и в самом деле радикально преобразилась после прочтения Рёскина. Я следующим образом понял изложенное им учение: 1) благо индивида заключается в благе всех; 2) труд адвоката имеет такую же стоимость, что и труд парикмахера, поскольку каждый имеет одинаковое право зарабатывать на пропитание своим трудом; 3) жизнь человека физического труда, то есть пахаря или ремесленника, поистине достойна во всех отношениях... Утром я проснулся, исполненный решимости воплотить эти идеи⁵².

Только в том случае человек имеет право жить, если он ради служения занимается физическим трудом⁵³.

Божественный закон заключается в том, что каждый должен своими руками зарабатывать на хлеб. Какое право есть его имеет человек, не занимающийся физическим трудом? Если каждый, независимо от того, богат он или беден, должен упражнять свое тело, то почему эти упражнения не могут быть производительными, то есть принимать форму физического труда? Более девяти десятых населения Земли пахут землю, добывая себе пропитание. Насколько

счастливее и здоровее стала бы жизнь, если б и оставшаяся десятая часть последовала примеру подавляющего большинства и стала работать хотя бы в такой мере, чтобы обеспечить себя хлебом насущным! Несправедливое деление на сословия было бы уничтожено, если б все без исключения признали обязанность зарабатывать себе на пропитание. Выращивание хлеба – это истинное благословение для того, кто придерживается ненасилия, почитает Истину и превращает следование *брахмачарье* в естественное поведение. Человек может прясть или ткать, заниматься плотницким делом, ковать железо, вместо того чтобы пахать землю, но идеалом всегда должно оставаться хлебопашество. Каждый должен научиться быть добытчиком. Мы все – добытчики. Каждому, кто понял это, следует начинать свой труд с добычи. Добывание хлеба, с интеллектуальной точки зрения, поможет по-настоящему осознать равенство всех людей⁵⁴.

Если каждый будет работать физически за хлеб и не более того, то на всех хватит еды и свободного времени. Перестанут раздаваться крики о перенаселении, исчезнут болезни и нищета, которые мы сейчас видим вокруг. Такой труд окажется высшей формой самопожертвования. Нет сомнения, что люди не перестанут делать и многое другое – как руками, так и головой, – но все это будет трудом любви на всеобщее благо. Тогда не останется ни богатых, ни бедных, ни знати, ни простолудинов, ни принадлежащих к высшим кастам, ни неприкасаемых. Возможно, то, о чем я говорю, – недостижимый идеал. Но это не значит, что к нему не надо стремиться. Мы должны есть, чтобы жить, а не жить, чтобы есть. Может ли человек зарабатывать на жизнь интеллектуальным трудом? Нет. Потребности тела надо удовлетворять телом⁵⁵.

Глава 5

Служение

Реформы

Недовольство – чрезвычайно полезная вещь. Пока человек доволен своей судьбой, очень трудно убедить его изменить ее, выйти за ее рамки. Поэтому ясно, что любой реформе должно предшествовать недовольство¹.

Большая дерзость со стороны любого человека или группы людей – начинать или задумывать преобразование, касающееся всего мира².

В любом движении не будет искренности, если рабочие поддерживают его против воли, под принуждением³.

Власть, доставшаяся в результате верного служения, облагораживает. Власть, которой домогаются под знаменем служения, на самом деле просто желая получить большинство голосов, есть обман и мошенничество, которого следует избегать⁴.

Никакое законодательство не способно вылечить социальное зло; подобное может сделать лишь просвещенное общественное мнение. Я не стал бы препятствовать законодательству в этой области, но все же считаю более важным просвещать общественность⁵.

Достаточно легко отдать немного денег, но очень трудно самому сделать какую-нибудь малость⁶.

Мне будет непросто рассчитывать на помощь сообщества, если я стану призывать его исполнять долг, но куда легче окажется, если я начну ратовать за его права⁷.

Мне всегда претило смотреть сквозь пальцы на слабости общества, или скрывать их, или настаивать на предоставлении прав обществу без очищения его от пороков⁸.

Если перед нами стоит политическая цель, а ее решение политическими методами невозможно, мы сильно навредим делу, поспешно воспользовавшись политическими инструментами, но поможем ему, если до последнего будем отгораживать его от политики⁹.

Я давно заметил характерную разницу в отношении народа к различным делам: люди склонны к возбуждающим занятиям, но не любят спокойную созидательную работу. Эта разница сохраняется и по сей день¹⁰.

Давно укоренившееся и долго существующее социальное зло невозможно уничтожить одним ударом; устранение такого зла требует терпения и настойчивости¹¹.

Поставь свой талант на службу стране, вместо того чтобы менять его на фунты, шиллинги и пенсы¹².

Служба, лишенная малейшей крупинки эгоизма, сама по себе есть наивысшая религия¹³.

Мы никогда не найдем лекарств от болезней человечества, если потеряем терпение и станем отвергать старое только потому, что оно старое. Наши предки, вероятно, мечтали – пусть даже и смутно – о тех же вещах, которые воспаляют наши души¹⁴.

Конечная цель человека – познание Бога, и вся человеческая деятельность – социальная, политическая, религиозная – должна быть направлена к видению Бога. Непосредственная служба всех людей становится необходимой частью этого процесса просто потому, что единственный способ обрести Бога – увидеть Его в Его творении и соединиться с Ним. Этого можно добиться служением

всем людям. Я не знаю, как найти Бога отдельно от остального человечества¹⁵.

Реформу нельзя торопить; если она должна быть проведена ненасильственным путем, то сделать это можно исключительно просвещением как имущих, так и неимущих¹⁶.

Все реформы начинаются с выступления меньшинства против большинства¹⁷.

Ни одно дело, справедливое по своей сути, не может считаться проигранным¹⁸.

Лидерство

Те, кто хочет блага, не эгоистичны; они никуда не спешат, ибо знают, что внушение людям добра требует долгого времени. Только зло летает на крыльях¹⁹.

Мужество, стойкость, бесстрашие и превыше всего самопожертвование – вот качества наших вождей²⁰.

Задача реформатора – сделать невозможное возможным, подавая наглядный пример своим собственным поведением²¹.

Я привык к лживому представлению о моей жизни. Таков жребий любого публичного человека. Такому человеку трудно спрятаться... Я считаю правилом не разъяснять недоразумения, за исключением случаев, когда они вредят делу и требуют исправления²².

Многого ждут от того, кто может много дать²³.

Служба не имеет смысла, если она не доставляет радости и удовольствия. Когда кто-то служит напоказ или из страха перед общественным мнением, это замедляет его рост и сокрушает дух. Служба без радости не приносит пользы ни самому человеку, ни тому, кого он обслуживает. Однако все прочие радости бледнеют перед радостью, которую доставляет служба, если ее отправляют с удовольствием²⁴.

Не проявив бесконечного терпения, нельзя убедить людей выполнять какую бы то ни было работу. Реформ жаждет реформатор, а не общество, от которого тот может ожидать лишь противодействия, неприятия и даже смертельно опасной травли. Почему общество не желает смотреть на то, что для реформатора дороже жизни, как на движение в свою сторону?²⁵

Чиновнику не следует принимать дорогие подарки²⁶.

Даже реформаторский пыл не должен заставлять человека переступать определенные ему границы²⁷.

Публичному человеку нельзя произносить слова, в правильности которых он не уверен. Превыше всего поборник правды должен ставить осторожность в высказываниях. Позволить людям поверить в не соответствующие действительности утверждения – значит скомпрометировать истину²⁸.

В служении обществу самое главное и незаменимое условие – это завоевать доверие людей²⁹.

После окончания общественной службы человек, ищущий истину, должен прийти к целомудрию и принять бедность как условие оставшейся жизни³⁰.

Последователям очень трудно выдерживать напор противников в отсутствие лидера, но положение становится еще хуже, если лидер покрывает себя бесчестьем³¹.

Реформы только выиграют, если преобразователь не станет впадать в истерику и будет избегать преувеличений³².

Путь реформатора усыпан не розами, а шипами, и идти по нему надо очень осторожно. Реформатор может хромать, но он не имеет права прыгать³³.

Я считаю самообманом, если не хуже, заявления людей, говорящих, что служба их изматывает. Неужели Богу угодна такая служба, которую можно выполнять без труда и отстраненно? Тело – это машина, его надо беречь и содержать в порядке, чтобы оно исправно работало на службе³⁴.

Тот, кто берется служить человечеству, не должен гневаться на людей, которым он служит³⁵.

У человека, посвятившего жизнь общественной службе, не может быть ни минуты праздности. Надо, правда, уметь отличать полезную активность от вредной³⁶.

Не важно, насколько незначительна вещь, которую тебе надо сделать; делай ее как можно лучше, уделяй ей столько же внимания и заботы, сколько бы уделил чему-либо невероятно важному. Судить о тебе будут именно по таким неважным вещам³⁷.

Реформы проводят лишь неустрашимые люди, ломающие бесчеловечные обычаи и привычки³⁸.

Глас вопиющего в пустыне обладает силой, каковой лишен голос, звучащий в толпе. Голос, раздающийся в пустыне, опирается на медитацию, размышления и непоколебимую веру, а гомон дает ощущение радости лишь человеку толпы³⁹.

В ходе любой реформы необходимо неустанное изучение предмета, позволяющее полностью им овладеть. Невежество – корень всех неудач, частичных или полных, всех реформ, признанных потенциально достойными. Не каждый прожект, рядящийся в тогу реформы, заслуживает такого названия⁴⁰.

Нет идеального человека, его не сыщешь даже среди божьих людей. Эти люди принадлежат Богу не потому, что они беспорочны, но потому, что знают свои пороки и борются с ними. Они не прячут недостатки и всегда готовы к их исправлению⁴¹.

*Где тот реформатор, на голове которого не написана цена его реформ?*⁴²

Равенство с бедными

Нам должно быть стыдно отдыхать или предаваться обжорству, пока на Земле есть хоть один человек, лишенный работы и хлеба⁴³.

Когда я вижу заблуждающегося, я говорю себе: «Я тоже заблуждался». Когда я вижу похотливого человека, я говорю себе: «Я тоже когда-то был таким». Я ощущаю свое родство со всеми в мире и чувствую, что не смогу сказать, что я счастлив, пока самый малый из нас не обретет своего счастья⁴⁴.

Служение бедным было моим сердечным желанием. Оно всегда бросало меня в толпу нуждающихся и помогало отождествлять себя с ними⁴⁵.

Образованному человеку следует взять за правило ездить третьим классом и менять привычки людей. Образованный человек должен не давать покоя железнодорожному начальству и при необходимости писать на него жалобы, но при этом никогда не прибегать к взяткам или другим незаконным действиям для получения преимуществ и никогда не посягать на права других людей. Серьезная болезнь заставила меня в 1918–1919 годах отказаться от поездок в третьем классе, о чем я до сих пор вспоминаю с сожалением и стыдом⁴⁶.

Я изменил стиль одежды, чтобы меньше отличаться от простых рабочих⁴⁷.

Если мне предстоит разделить горести самых малых людей Индии, если у меня есть власть, пусть и очень небольшая, то я должен разделить и ответственность за грехи самых малых, отдавшихся под мое покровительство⁴⁸.

Организационная работа

Я и сам «воспитывался» на речах и лекциях. Мы уже практически исчерпали все ресурсы в плане изобретения новых речей, но нам недостаточно, чтобы слова радовали уши, а ораторы – зрение; надо, чтобы речи и ораторы тронули наши сердца, привели в движение руки и ноги. Если мы хотим сохранить простоту и цельность индийского характера, мы должны добиться того, чтобы руки и ноги двигались в унисон нашим сердцам⁴⁹.

Каждое настоящее движение проходит пять стадий: сначала оно вызывает безразличие, потом насмешки, потом брань, потом репрессии и наконец уважение⁵⁰.

Я в полной мере разделяю ужас Пандитджи [Мотилала Неру, отца Джавахарлала Неру] перед конференциями. Дело здесь не в том, что они всегда бесполезны. Напротив, на определенной стадии нашего движения они просто необходимы. Но в их нынешней форме они просто бесполезны. Даже если они не приносят вреда сами по себе, они заставляют попусту тратить время и деньги. Пробудившийся на конференциях дух общества нуждается в консолидации и эффективной работе, которую лучше всего проводить в небольших комитетах. Эти комитеты – для того чтобы приносить пользу – должны оперативно реагировать на возникающие проблемы и работать в тесном контакте с обществом. Отказ от конференций будет говорить не об апатии широкой публики, а о более полезном ее вовлечении в движение⁵¹.

В Англии и других западных странах есть один, на мой взгляд, совершенно варварский обычай: учреждать движения и партии за обедом⁵².

Чем больше организация, тем меньше заметна в ней коррупция, потому что она и так очень широко распространена⁵³.

У меня тоже есть организация – я сам. Я человек, захваченный идеей. Если такой человек не может создать организацию, то он сам становится организацией⁵⁴.

Финансирование организаций

Я научился бесстыдно опустошать карманы бедных ради тех, кто еще беднее их⁵⁵.

Несмотря на то что мне приходилось распоряжаться фондами в сотни тысяч рупий, мне всегда удавалось очень экономно их расходовать. Я никогда не делал долгов. Наоборот, фонды всех организаций, которыми я руководил, всегда приносили прибыль⁵⁶.

Я научился не вести общественную работу на взятые в долг деньги. На слово человека можно полагаться во многих делах, за исключением дел финансовых⁵⁷.

Экономические вопросы имеют первостепенную важность для каждой организации, но я знаю, что ими не всегда занимаются надлежащим образом. Тщательное ведение бухгалтерии – это неременное условие работы любой организации. Без прозрачной отчетности у нее может испортиться репутация. Без тщательно сбалансированных счетов нельзя бороться за кристально чистую правду⁵⁸.

Я не считаю правильным вести работу общественных учреждений за счет постоянных фондов. Постоянный фонд [пожертвование] несет в себе семена моральной деградации учреждения. Учреждения, финансируемые из постоянного фонда, часто начинают игнорировать мнения народа, а подчас действуют вопреки им... Идеалом для общественной организации считается текущее – изо дня в день – финансирование. Пожертвования, которые она получает в течение года, представляют собой мерило популярности и честности ее правления. Текущие расходы должны осуществляться из ежегодных добровольных взносов. Случались моменты, когда я не знал, что буду делать завтра, если не поступят деньги⁵⁹.

Не думаю, что кто-то сможет превзойти меня в моей страсти расходовать общественные деньги со скупостью нищего. Причина очевидна. Общественные деньги принадлежат беднейшим людям Индии, а мы едва ли сможем найти в мире кого-либо беднее их⁶⁰.

Ни одно движение, ни одна организация, обладающая золотым фондом чистых сердцем сотрудников, не избегали положения, когда создавалась угроза отсутствия финансирования. Мы не должны всегда зависеть только от денежных людей. Надо рассчитывать на более скромные ресурсы. Наш средний класс и класс бедняков поддерживают нищих и храмы, так почему бы им не помочь нескольким честным работникам?⁶¹

Я всегда чувствовал, что если религиозная организация имеет больше средств, чем ей необходимо, то она может утратить веру в Бога и уверовать в деньги. Как только у такой организации появляется гарантия финансовой стабильности, так сразу случается духовное банкротство⁶².

Деньги – ничто, если есть решимость пожертвовать жизнью ради дела⁶³.

Глава 6

Сатьяграха

Происхождение термина

Принцип, названный *сатьяграха*, возник до того, как было придумано само слово. Действительно, когда он родился, я и сам не мог сказать, что он собой представляет. Когда на встрече с европейцами я обнаружил, что термин «пассивное сопротивление» они толкуют слишком узко, считают его оружием слабых и полагают, что само такое сопротивление отмечено печатью ненависти и способно в конечном счете вылиться в насилие, я возразил против такого толкования и объяснил истинную природу индийского движения. Мне стало ясно, что новый термин должен быть предложен самими индийцами, ибо таким образом он отражал бы суть *их* борьбы. Однако я не смог придумать такового и объявил конкурс. В результате Маганлал Ганди сконструировал слово «садаграха» (*сат* – «истина», *аграха* – «твердость»). Для того чтобы сделать термин яснее, я видоизменил его в соответствии с гуджаратским наречием. В конце концов получилось слово «*сатьяграха*»¹.

Сатьяграха принципиально отличается от того, что люди имеют в виду, используя английский термин «пассивное сопротивление» («*passive resistance*»)².

Когда я читал в Нагорной проповеди такие пассажи, как «Не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» и «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного...», я испытал великую радость, ибо нашел подтверждение своему мнению там, где менее всего ожидал его найти. *Бхагавадгита* усилила это мнение, а «Царство Божие внутри вас»^[10] Толстого помогло придать ему окончательную форму³.

Пассивное сопротивление... если передать на английском языке его истинную сущность, означает «сила правды». Кажется, и Толстой называл непротивление злу насилием силой души или силой любви⁴.

Неверно, что мою идею гражданского неповиновения я почерпнул у Торо. Сопротивление властям в Южной Африке уже имело долгую историю, до того как я прочитал эссе Торо о гражданском неповиновении. Однако движение в то время носило название «пассивное сопротивление». Поскольку это было неполное и неудачное название, я ввел для говорящих на гуджарати термин сатьяграха. Прочитав заголовок великого эссе Торо, я начал использовать это наименование для разъяснения сути нашего движения англоязычным читателям. Тем не менее постепенно я понял, что даже термин «гражданское неповиновение» не может полностью выразить смысл нашей борьбы. Тогда я стал употреблять словосочетание «гражданское сопротивление». Ненасилие всегда было неотъемлемой частью нашей борьбы⁵.

Средства и цели

Ошибаются те, кто думает, будто между средством и целью нет никакой связи. Из-за этой ошибки даже религиозные люди совершали тяжкие преступления. Средства можно уподобить семени, цель – дереву. Между средством и целью существует такая же неразрывная связь, как между семенем и выросшим из него деревом⁶.

Принято считать, что средства суть всего лишь средства. Я бы сказал: средства – это все. Каковы средства, таковы и цели. Нет стены, отделяющей средства от цели. Понимание цели точно соответствует пониманию средств. Данная истина не знает исключений⁷.

В моей жизненной философии цели и средства – понятия взаимозаменяемые⁸.

Закон природы гласит, что какую-либо вещь можно сохранить теми же средствами, какими ее приобрели. То, что было получено силой, можно удержать только силой, то, что было добыто истиной, истиной и сохраняется⁹.

Успех нашего движения к цели зависит от чистоты наших средств. Наш метод делает путь длинным, возможно, чересчур длинным, но я убежден, что он – самый короткий¹⁰.

Средства, для того чтобы быть действенными, должны постоянно находиться под рукой. Если мы озадачимся средствами, то рано или поздно непременно достигнем цели¹¹.

Надо позаботиться о средствах, а цель позаботится о себе сама¹².

Средства нельзя отделять от цели. Насильственные средства приводят к плохим результатам. Эти понятия – цель и средства – взаимозаменяемы. Добро не может породить зло. Зло, даже если его совершают с благими намерениями, порождает только зло¹³.

Самые честные средства перестают быть таковыми, если нечестной становится цель¹⁴.

Я принципиальный противник насильственных способов борьбы, даже если насилие служит благороднейшей цели¹⁵.

Жертвенность

Дар жизни – самый великий дар. Человек, жертвующий этим даром, обезоруживает всех своих врагов¹⁶.

Вынужденная жертва – не жертва¹⁷.

Народ, способный на безграничные жертвы, может подняться на бесконечную высоту. Чем чище жертва, тем быстрее это происходит¹⁸.

Самопожертвование одного невинного человека действует в миллион раз сильнее, чем жертва миллиона людей, которые умирают, убивая других¹⁹.

Сознательная жертва невинного человека – это самая сильная божественная или человеческая отповедь надменной тирании²⁰.

Ни одна жертва не стоит такого названия, если она совершается без радости. Жертва и постная физиономия плохо сочетаются друг с другом. Жертва – это путь к святости. Несчастен тот, кто, принося жертву, рассчитывает на сострадание²¹.

Не стоит скорбеть по поводу жертвы какого-либо человека. Жертва, причиняющая боль, теряет священный характер и не оправдывает своего предназначения. Люди склонны отказываться от вещей, причиняющих боль и вред; поэтому радость жертвы должна превосходить радость отказа от нее²².

Мыши, беспомощно попавшие в зубы коту, не приобретают достоинства от своей вынужденной жертвы²³.

В истинной жертве все страдание достается одной стороне – для этого надо овладеть умением умирать, не убивая, и обретать жизнь, теряя ее²⁴.

Сатьяграхи должен быть всегда готов умереть с улыбкой на устах, но без жажды мести и ожесточения²⁵.

Страдание

Мать страдает ради того, чтобы ее дитя могло жить. Жизнь исходит из смерти. Зерно пшеницы умирает, но дает жизнь стеблю. Ни одна страна не сумела подняться, не пройдя очищающее испытание огнем страдания. Невозможно уклониться от закона страдания, одного из непреложных условий нашего бытия. Прогресс можно измерять объемом перенесенных ради него страданий. Чем чище страдание, тем величественнее прогресс²⁶.

Секрет ненасилия и отказа от сотрудничества заключается в понимании того, что только через страдание мы сможем достичь нашей цели. Это предварительное самоотречение есть прелюдия к еще большему страданию – трудностям тюремного заключения или смертной казни, если до этого дойдет. Чем больше мы страдаем и чем больше будет число таких страдальцев, тем ближе мы окажемся к нашей заветной цели²⁷.

Бодро переносимое страдание перестает быть таковым и превращается в несказанную радость. Человек, бегущий от страдания, становится жертвой бесчисленных бедствий до того, как они его настигают, и почти умирает, когда эти бедствия случаются. Человек, радостно готовый ко всему, что может его постигнуть, избегает боли. Бодрость действует на него как анестетик²⁸.

Спасение людей зависит от них самих, от их способности к страданию и самопожертвованию²⁹.

Истинное, доблестно переносимое страдание способно смягчить даже каменные сердца³⁰.

Страдание имеет свои четко очерченные пределы. Оно может быть мудрым и неразумным, и если предел достигнут, то продолжение страдания – это не просто отсутствие мудрости, это подлинное безумие³¹.

Люди, добровольно решающиеся на страдания, возвышаются сами и возвышают все человечество³².

Вещи, имеющие фундаментальную важность, достаются не одним только разумом, за них приходится платить и страданиями. Стрaдание – закон человеческой жизни; война – закон джунглей. Стрaдание бесконечно мощнее закона джунглей, ибо способно переубедить противника и заставить его раскрыть уши, бывшие до этого глухими к доводам разума³³.

Голодание

(См. также раздел «Голодание» в главе 3.) Если человек сталкивается с неприятностями, которых невозможно избежать, то единственный способ их пережить – это пост и молитва³⁴.

Голодовка до смертельного исхода неотъемлемая часть программы *сатьяграхи* и – при известных обстоятельствах – очень мощное оружие из ее арсенала. Не всякий человек может выдержать такую голодовку, к ней надо долго и упорно готовиться³⁵.

По самой природе вещей голодовка, предпринятая с эгоистическими целями, теряет всякий продуктивный смысл. *Сатьяграхи* не должен объявлять голодовку с требованием своего освобождения из тюрьмы или смягчения для себя условий содержания³⁶.

Наш долг – поддержать голодовкой людей, разделяющих наши идеалы, но ослабевших под давлением внешних сил и обстоятельств³⁷.

Тюремное заключение

(См. также раздел «Преступление» в главе 10 и раздел «Опыт тюремного заключения» в главе 13.) Если человек совершает преступление, то он должен предстать перед судом, быть признанным виновным и понести наказание. Если же человек не совершал преступления, но тем не менее был признан виновным и понес наказание, то тюремное заключение нельзя назвать бесчестьем для него. *Сатьяграхи* не к лицу бояться тягот тюремной жизни³⁸.

Мы не стараемся попасть в тюрьму из пустой бравлады. Тюрьма – это путь к свободе и чести, если туда попадает невинный³⁹.

Не все заключенные, подобно мне, способны оценить прелесть одиночного заключения. Оно так же жестоко, как и ненужно. Его можно избежать, если правильно распределять арестантов по камерам... Но тюрьмами злоупотребляют ради политических целей, и поэтому политические заключенные не могут избежать гонений, даже находясь в тюрьме⁴⁰.

Позор – не в попадании в тюрьму, а в совершении преступления. Тюремное заключение не надо воспринимать как наказание. Реальным же наказанием будет решимость не совершать новых преступлений⁴¹.

Тюремное заключение – это естественная участь *сатьяграхи*⁴².

Когда исчезает страх тюремного заключения, репрессии лишь вселяют в людей мужество⁴³.

Очень легко угодить в тюрьму за совершенное преступление, но трудно попасть туда вопреки своей невинности. Преступник всячески избегает ареста, но полицейские преследуют и ловят его. Однако те же полицейские арестовывают невинного человека, который сам отдается в их руки, только тогда, когда просто не могут поступить иначе⁴⁴.

Жизнь в тюрьме приучает к терпению⁴⁵.

Пятьдесят лет назад к заключенным не пускали посетителей и не разрешали писать письма. Жизнь в современной тюрьме лишена всех ее прежних ужасов. Недалек тот день, когда тюрьмы назовут как-нибудь по-другому, а людей будут держать в них лишь для того, чтобы они не могли больше причинять вред – моральный, общественный или политический, – в зависимости от законодательства того или иного государства. Однако мы должны и теперь радоваться условиям заключения, стараясь одновременно все же добиваться освобождения, если это возможно⁴⁶.

Сатьяграхи идет в тюрьму не для того, чтобы пристыдить власть, а чтобы обратить ее, показав ей свою невиновность⁴⁷.

Мы не должны бояться ворот тюрьмы, нам следует входить в нее с той же радостью, с какой жених идет на брачное ложе. Свободу завоевывают в тюрьмах, а иногда и на виселицах, но не в парламентах, судах или школьных аудиториях⁴⁸.

Противник

Пассивное сопротивление... благословение и для того, кто к нему прибегает, и для того, против кого оно направлено⁴⁹.

Мы должны ожесточенно критиковать меры и организации, но мы не имеем права нападать на людей. Мы и сами несовершенны, поэтому нам следует проявлять мягкость в отношении других людей и не торопиться с приписыванием им злых побуждений⁵⁰.

Мы должны быть вежливыми и терпеливыми с теми, кто не согласен с нами. Нам ни в коем случае нельзя считать наших противников врагами⁵¹.

Как только мы попытаемся мыслить так, как мыслит наш оппонент, мы сразу сможем отнестись к нему справедливо. В мире исчезнет три четверти всех несчастий и недоразумений, если каждый из нас попробует поставить себя на место противника и понять его точку зрения⁵².

Давайте воздадим должное нашим оппонентам за ту же честность цели и патриотизм, каковые не уступают нашему патриотизму и честности⁵³.

Человек и его деяния – не одно и то же. Добрый поступок должен вызывать похвалу, а злой – порицание, но человек, совершивший их, всегда заслуживает лишь уважения или жалости. «Ненавидьте грех, а не грешника». Это предписание, невзирая на его доходчивость и простоту, редко исполняется на практике, отчего по миру расползается яд ненависти... Вполне уместно сопротивляться системе и критиковать ее, но сопротивляться творцу системы или нападать на него – это то же, что нападать на самого себя. Мы все написаны одной кистью, мы все – дети одного Создателя и как таковые все причастны к бесконечной Его силе, заключенной в каждом из нас. Неуважение к простому человеку есть неуважение к божественной силе, а это значит, что таким образом мы причиняем вред не только ему, но вместе с ним и всему миру⁵⁴.

Сатьяграхи решительно прощается со своим страхом. Это значит, что он не

боится доверять оппоненту. Если даже оппонент обманул его двадцать раз, *сатьяграхи* готов поверить ему и в двадцать первый раз, ибо вера в человеческую природу составляет самую сущность его убеждений⁵⁵.

Сатьяграхи ни в коем случае не должен забывать о разнице между злодеянием и злодеем. Он не должен таить злобу на злодея. Он не имеет права даже оскорблять его словесно, каким бы непростительным ни казался его поступок. На свете нет падших, которых невозможно было бы обратить к свету любовью. *Сатьяграхи* всегда пытается превзойти зло добром, гнев – любовью, ложь – истиной, *химсу* – *ахимсой*. Иного пути к очищению мира не существует⁵⁶.

Свою злую волю я переношу с людей на вещи⁵⁷.

Так же, как нет людей, настолько дурных, что они не заслуживали бы искупления, не существует и людей, столь совершенных, что они могли бы требовать уничтожения тех, кого считают абсолютно злыми⁵⁸.

Идея *сатьяграхи* заключается в обращении злодеев, в пробуждении в них чувства справедливости; смысл *сатьяграхи* в том, чтобы показать злодею, что без прямого или косвенного сотрудничества с ним других людей он будет неспособен совершать задуманные им злодеяния⁵⁹.

В намерения *сатьяграхи* не входит ставить заблудшего в неудобное положение. Мы взываем не к его страху, мы взываем к его сердцу. Цель *сатьяграхи* – обращение, а не принуждение злодея⁶⁰.

Надо верить в возможность исправления любого, пусть даже и самого растленного человека гуманным и умелым обхождением с ним⁶¹.

Когда встает вопрос выбора между самоубийством или убийством противника, я, не сомневаясь, выберу первое⁶².

При столкновении с противником постарайся покорить его любовью⁶³.

В лексиконе *сатьяграхи* нет слова «враг»⁶⁴.

Отказ от сотрудничества

Каждый гражданин молчаливо, но тем не менее однозначно поддерживает существующее правительство, причем подчас сам не замечая того. Поэтому каждый гражданин несет ответственность за все, что делает правительство. Вполне разумно поддерживать его действия до тех пор, пока их можно терпеть. Но когда правительство начинает приносить ощутимый вред гражданину и всему народу, то долгом становится отказ от поддержки правительства⁶⁵.

Отказ от сотрудничества – это не пассивное состояние, наоборот, это состояние весьма активно, оно активнее физического сопротивления и насильственных действий. «Пассивное сопротивление» в данном случае – неверный, вводящий в заблуждение термин⁶⁶.

Отказ от сотрудничества есть попытка пробудить в людях чувство собственного достоинства и силы. Это можно будет сделать только в том случае, когда массы поймут, что им не следует бояться грубой силы, если они познают свою душу⁶⁷.

Человек, отказывающийся от сотрудничества с властью, стремится привлечь к себе внимание и подать пример не насилием, а незаметной скромностью. Он выказывает свои убеждения реальным действием. Его сила в опоре на правильность своей позиции⁶⁸.

Оправданием существования государства может быть только то, что оно заботится о благополучии народа. Это единственное, что придает ему законность и легитимность в глазах подданных. Потому без лишних слов ясно, что как только государство перестает выполнять эти свои обязанности или начинает проводить в жизнь меры и принимать законы, противоречащие совести и высшим интересам народа, оно немедленно теряет право на верность со стороны граждан. Отказ от сотрудничества с таким государством становится не только необходимостью, но и религиозным долгом народа⁶⁹.

Отказ от сотрудничества с государством ни в коем случае не означает анархии или беспорядков, он означает более тесное взаимодействие людей между собой. Таким образом, я считаю отказ от сотрудничества с властью эволюционным

процессом. Лучше всего описать такой отказ термином «эволюционная революция»⁷⁰.

Первичный побудительный мотив отказа от сотрудничества – самоочищение путем неоказания поддержки несправедному и несправедливому правительству. Вторичная цель – избавление от чувства беспомощности через уничтожение зависимости от контроля и надзора правительства, то есть через самоуправление во всех возможных делах. Добиваясь этих двух целей, мы воздерживаемся от насилия и его пропаганды и не покушаемся на людей и их собственность⁷¹.

Отказ от сотрудничества, если границы такого отказа не определены, становится привилегией, а не долгом и, таким образом, превращается в преступление⁷².

Отказ от сотрудничества со злом – это такой же долг, как и сотрудничество с добром. В прошлом отказ от сотрудничества со злодеями намеренно выражали актами насилия в их отношении. Я же стараюсь показать моим соотечественникам, что насильственный отказ от сотрудничества лишь умножает зло, что насилие лишь подпитывает его. Отказ злу в поддержке требует полного избегания насилия⁷³.

Мой отказ от сотрудничества с властью коренится не в ненависти, а в любви⁷⁴.

Отказ от сотрудничества сам по себе вещь неестественная, порочная и греховная. Но я убежден, что ненасильственный отказ от сотрудничества с властью в данный момент следует считать нашим священным долгом⁷⁵.

Я отказываюсь сотрудничать с методами и системой власти, а не с людьми, ее олицетворяющими⁷⁶.

Гражданское неповиновение

Если нам не нравятся какие-то законы, мы не станем проламывать головы законодателям, мы будем страдать, но не подчинимся закону. То, что мы должны подчиняться любым законам, независимо от того, хороши они или плохи, – новомодная идея. В прежние времена такого не было. Люди игнорировали плохие законы, которые им не нравились, несли за это наказание, но не сдавались. Мы распишемся в отсутствии у нас мужества, если подчинимся законам, противным нашей совести⁷⁷.

Если наши правители делают то, что, по нашему мнению, неверно, и если мы чувствуем, что наш долг – заставить их услышать наш совет, пусть даже власть и воспримет его как подстрекательство к бунту, то я призываю вас, не скрываясь, высказывать свои мысли по этому поводу, но вы также должны быть готовы отвечать страданием за возможные последствия. Если вы готовы взять на себя ответственность за последствия и не наносите при этом удары ниже пояса, то, как мне кажется, вы имеете полное право давать советы даже правительству⁷⁸.

Лишь тот, кто умеет подчиняться закону, способен овладеть искусством неподчинения закону⁷⁹.

Только те люди могут выказывать гражданское неповиновение, которые верят в добровольное подчинение даже раздражающим законам правительства, если те не противоречат совести и религиозным убеждениям, и готовы страдать за свое гражданское неповиновение⁸⁰.

Полное гражданское неповиновение – это мятеж без элементов насилия. Настоящий поборник гражданского неповиновения просто игнорирует власть государства. Он никогда не использует силу и никогда не сопротивляется силе, если ее против него применяют. Наоборот, поборник гражданского неповиновения рад тюремному заключению или иному проявлению силы против себя. Подчинение государственному закону – это цена, которую гражданин платит за свою свободу. Таким образом, подчинение несправедливому государственному закону можно назвать безнравственной сделкой в обмен на свободу. Гражданин, который именно так понимает порочную природу

государства, не удовлетворяется жизнью под его пятой и поэтому кажется людям, не разделяющим его убеждений, возмутителем спокойствия в обществе, поскольку старается, не совершив ничего аморального, заставить государство арестовать его. Поборники гражданского неповиновения – это армия, сплоченная поистине военной дисциплиной. Одного истинного и совершенного поборника гражданского неповиновения достаточно для того, чтобы выиграть битву добродетели и порока⁸¹.

Ненасилие (ахимса)

Если я – последователь *ахимсы*, то я должен любить моих врагов. В своих отношениях к врагу или незнакомцу, творящему зло, я должен руководствоваться теми же правилами, которыми я руководствовался бы, если б зло творил мой отец или мой сын... Нельзя быть последователем *ахимсы* и одновременно трусом. Следование *ахимсе* требует величайшего мужества⁸².

По моему скромному мнению, верно понятая *ахимса* панацея от всякого мирского (и не только мирского) зла. Невозможно переусердствовать в следовании *ахимсе*⁸³.

Ненасилие – такой же закон людей, как насилие – закон животных⁸⁴.

Ненасилие... – это осознанное, обдуманное воздержание от желания мстить⁸⁵.

Нелегко ходить по острию меча *ахимсы* в нашем мире, полном *химсы*... Гнев – враг *ахимсы*; гордыня – это чудовище, способное проглотить *ахимсу*⁸⁶.

Ахимса есть высшая степень бескорыстия. Бескорыстие означает полную свободу от забот о своем теле. Если человек хочет постичь самого себя, то есть Истину, он сможет сделать это, лишь отрекшись от своих телесных потребностей, чтобы все другие существа чувствовали себя в безопасности рядом с ним. Таков путь *ахимсы*. *Ахимса* – не просто воздержание от убийства⁸⁷.

Участие в войне невозможно совместить со следованием *ахимсе*... Поборник Истины иногда бывает вынужден на ощупь пробираться во мраке... Глубокий смысл заложен в пословице о том, что жизнь живет жизнью. Человек не может прожить ни минуты без того, чтобы вольно или невольно не совершать акты *химсы*. Самый факт того, что человек ест, пьет и движется, уже предполагает разрушение – пусть даже и минимальное – жизни, то есть предполагает *химсу*. Поборник *ахимсы* остается верным своим убеждениям, следовательно, только тогда, когда пружиной всех его поступков есть сострадание, когда он всеми силами избегает уничтожения даже самого мелкого живого существа, старается

сохранить его и, таким образом, ежечасно пытается вырваться из мертвой хватки *химсы*, такой человек будет непрерывно расти духовно в своем самоограничении и сострадании, но никогда не сможет полностью освободиться от *химсы*⁸⁸.

Ахимса – это оружие непревзойденной силы. Это *summum bonum* (высшее благо) жизни. Это удел храбрых. На самом деле *ахимса* доступна только им. Она не дается трусам. *Ахимса* – это не деревянная или безжизненная догма, это живая и животворящая сила. Это особое качество души⁸⁹.

Нет ничего притягательного в том, чтобы убить существо, приветствующее смерть... Если мышь не станет убегать от кошки, то кошка пойдет искать себе другую добычу. Если все ягнята добровольно улягутся рядом с львами, то львам придется отказаться от употребления их в пищу. Великие охотники перестанут охотиться на львов, если те не будут сопротивляться насиле⁹⁰.

Ахимса означает «не убий»... На самом же деле она означает, что ты не должен никого оскорблять; ты не можешь таить зло даже на того человека, который, вероятно, считает себя твоим врагом... Если ты выразишь свою любовь – *ахимсу* – таким способом, что она произведет неизгладимое впечатление на твоего так называемого врага, то он вернет тебе эту любовь, отказавшись от вражды⁹¹.

Тот, кто хочет радикальных изменений в условиях жизни человечества, не сможет претворить их, не добавив в общество закваску. Есть только два способа сделать это: насильственный и ненасильственный. Насилие подавляет и ограничивает физическое бытие, а тот, кто творит насилие, деградирует, так как угнетает свою жертву. Напротив, при ненасильственных изменениях давление производят собственным страданием – голодовкой и т. п., – и этот способ работает совершенно по-другому. Ненасилие не затрагивает физическое существование, а прикасается к нравственному нерву тех, против кого оно направлено⁹².

Ненасилия в действии невозможно придерживаться без ненасилия в мыслях⁹³.

Они [поборники ненасилия] должны быть готовы без колебаний пойти под пули, но не имеют права пошевелить даже пальцем для самозащиты. *Сатьяграхи* отвергает право на самозащиту⁹⁴.

Ненасилие по своему действию подобно радию. Бесконечно малая частица радия, помещенная в злокачественную опухоль, действует постоянно, тихо и непрерывно до тех пор, пока не превращает массу больной ткани в здоровую. Точно так же незаметное ненасилие действует тихо, исподволь и невидимо, но влияет на все общество⁹⁵.

Ненасилие никогда не проявляется принуждением; оно действует обращением⁹⁶.

Абсолютно необходима длительная тренировка индивидуальной души, для того чтобы совершенный поборник ненасильственного сопротивления оказался – пусть хотя бы отчасти – совершенным человеком. Мы не можем сразу, как по мановению волшебной палочки, стать такими... но чем сильнее в нас дух ненасильственного сопротивления, тем лучшими людьми мы становимся... Мы никогда не соберем большую армию совершенных поборников ненасилия. Наша армия будет состоять из людей, искренне и честно стремящихся придерживаться ненасилия⁹⁷.

Сегодня нас постоянно поражает удивительная изобретательность насилия. Но я считаю, что нас ожидают еще более удивительные открытия на поприще ненасилия⁹⁸.

Ненасилие действует совершенно не так, как насилие. Оно действует противоположным образом. Вооруженный человек, естественно, опирается на силу оружия. Человек, сознательно отказывающийся от ношения оружия, опирается на невидимую силу, которую поэты называют Богом, а ученые – неведомым. Но то, что неизвестно нам, не обязательно не существует. Бог – сила, действующая наряду с другими силами, известными и неизвестными. Ненасилие, не опирающееся на эту силу, – жалкое средство, достойное лишь того, чтобы отшвырнуть его в придорожную пыль⁹⁹.

Поборник *ахимсы* боится только и исключительно Бога¹⁰⁰.

Тот, кто гибнет с мечом в руке, – бесспорно, храбр. Но стократ храбрее тот, кто встречает смерть, не пошевелив и пальцем ради своего спасения¹⁰¹.

Ненасилие целиком и полностью исчерпывается поиском света внутри себя¹⁰².

Ненасилие остро, как хороший меч, – оно отточено об оселок сердца¹⁰³.

Пассивное сопротивление – обоюдоострый меч; его можно использовать как угодно. Это оружие благословляет того, кто его использует, и того, против кого его используют; оно не проливает ни капли крови. Результат превосходит все ожидания. Такой меч не ржавеет, его невозможно украсть. Мечу ненасильственного сопротивления не нужны ножны, его нельзя отнять силой... Совершенно ясно, что так понятое ненасильственное сопротивление бесконечно превосходит физическую силу, но требует большого мужества¹⁰⁴.

Насилие и ненависть (химса)

Нам придется отказаться даже от словесного насилия и научиться достойным способам борьбы с противниками¹⁰⁵.

Я уверен, что если придется выбирать между трусостью и насилием, я предпочту насилие¹⁰⁶.

Терроризм и обман – это оружие слабых, а не сильных¹⁰⁷.

Целью ненависти никогда не бывает справедливость; цель ненависти – месть, ибо ненависть питается слепой яростью¹⁰⁸.

Насилие – это самоубийство¹⁰⁹.

Насилие процветает на реакции – это либо подчинение насилию, либо ответное насилие¹¹⁰.

Я возражаю против насилия, потому что добро, которое оно может принести, временно; зло, творимое насилием, непреходяще¹¹¹.

История учит нас, что те, кто – несомненно, из самых лучших побуждений – искоренял жадность жестокими методами, становились в конце концов ее жертвами¹¹².

Грех химсы заключается не только в том, что она отнимает жизни, но и в том, что она отнимает их ради сохранения брэнного тела... Причинение увечий пытаемым нельзя считать *химсой*... так как жизнь можно отнимать, повинувшись долгу. Мы уничтожаем множество живых существ, для того чтобы поддержать наше собственное существование. Ради еды мы отнимаем жизнь – растительную и животную, ради здоровья истребляем комаров и других насекомых с помощью инсектицидов и т. д. При этом мы не думаем о том, что

тем самым совершаем святотатство... Даже истребление людей может оказаться в определенных случаях необходимым¹¹³.

Те, кто пытается уничтожить людей, а не их нравы, усваивают их и становятся хуже тех, кого они убили в ошибочном убеждении, что нравы исчезнут вместе с людьми¹¹⁴.

Сатьяграха запрещает применение силы даже в благих целях¹¹⁵.

В *сатьяграхе* нет места не только ненависти, но и нарушениям ведущих принципов ненасилия¹¹⁶.

Если из тьмы может исходить свет, то из ненависти может возникнуть только любовь¹¹⁷.

Мы победим наших противников любовью, но ни в коем случае не ненавистью. Ненависть есть скрытая форма насилия¹¹⁸.

Сатьяграхи всегда готов к репрессиям, но никогда их не предвосхищает. Он не приписывает заранее злых умыслов своим противникам¹¹⁹.

*Ненависть причиняет вред тому, кто ненавидит, а не тому, кого ненавидят*¹²⁰.

Методология

Религия ненасилия предназначена не только для святых. Она годится и для обычных людей¹²¹.

Опасность становится тем больше, чем ближе кажется победа. Никогда и никто не одерживал достойной победы без конечных усилий, которые превосходили все предыдущие. Последнее испытание Бога всегда самое трудное. Последнее искушение сатаны всегда самое соблазнительное. Мы должны выдержать последнее испытание и устоять перед последним искушением, если хотим быть свободными¹²².

У *сатьяграхи* нет лимита времени. Поэтому поражение *сатьяграхи* невозможно¹²³.

Все части работы, связанной с борьбой, одинаково важны¹²⁴.

Не надо бояться медленного прогресса ненасильственной борьбы. Мир не видел более скорого пути, ибо он самый надежный и верный¹²⁵.

Так как *сатьяграха* один из самых мощных методов прямого действия, к ней обращаются после исчерпания всех остальных способов борьбы. Если же *сатьяграхи* услышал призыв внутреннего голоса и прибегнул к ненасильственному сопротивлению, мосты сожжены и пути к отступлению нет¹²⁶.

Сатьяграху невозможно осуществлять с помощью одних только денег. Деньги здесь вообще нужны в последнюю очередь¹²⁷.

Вежливость должна быть соединена с бесстрашием. Если борцы прибегнут к грубости, это скомпрометирует *сатьяграху*, отравит ее, как отравляет молоко добавленная в кувшин капля мышьяка. Вежливость – отнюдь не внешняя привычка произносить учтивости, а врожденная любезность и желание добра

оппоненту. Вежливость и любезность должны сквозить в каждом поступке *сатьяграхи*¹²⁸.

Красота *сатьяграхи* заключается в том, что ее источник находится в человеке. В поисках ее не надо выходить из дома¹²⁹.

Бог приходит на помощь к *сатьяграхи* только тогда, когда тот отчаялся, потеряв всякую надежду, и почувствовал свое полное бессилие, не видя вокруг ничего, кроме безнадежного мрака¹³⁰.

Борьба оружием *сатьяграхи* мало зависит от сторонней помощи; эффективны только внутренние средства¹³¹.

Поборники *сатьяграхи* твердо придерживаются мнения, что им не только нельзя питать недобрых чувств в отношении тех, кто не присоединился к борьбе либо по недостатку веры, либо по слабости характера, но они сами также должны по-прежнему поддерживать с этими людьми добрые отношения и работать с ними в других направлениях, помимо *сатьяграхи*¹³².

В этом движении не должно быть секретности. Здесь никто не может совершать подлости, здесь нет места двоедушию или хитрости. Здесь сила духа единственная гарантия победы¹³³.

В *сатьяграхе* невозможно отступление, здесь есть движение только в одном направлении – вперед. В других методах борьбы, даже если она праведная, первоначальные требования иногда оказываются завышенными, чтобы потом можно было согласиться на их смягчение¹³⁴.

Невозможно использовать *сатьяграху* против *сатьяграхи*¹³⁵.

Сатьяграха недоступна для человека с несформировавшимся характером. Даже великолепный дворец без обитателей похож на руины. Таким же пустым представляется человек без характера, каким бы ни было его материальное

благосостояние¹³⁶.

В честной борьбе соперники не должны менять цели, установленные в начале поединка, даже если в процессе борьбы они становятся сильнее. Точно так же нельзя отказываться от целей, даже если силы убывают¹³⁷.

Скромность *сатьяграхи* не знает границ. Он не упускает ни единой возможности мирного соглашения и не возражает, если кому-то это кажется проявлением робости¹³⁸.

Сатьяграхи борется только за истинно значимые вещи¹³⁹.

Не важно, сколько раз предают *сатьяграхи*. Он все равно будет верить своему противнику до тех пор, пока не возникнут неоспоримые основания для недоверия. *Сатьяграхи* воспринимает боль как удовольствие. Таким образом, он не воспользуется страхом страдания для обоснования недоверия. С другой стороны, опираясь на собственные силы, он не возражает против обмана со стороны противника и продолжит доверять ему, несмотря на измены и предательства, и будет твердо верить, что таким образом он укрепляет силы истины и приближает свою победу¹⁴⁰.

Сатьяграха – это бесценное, ни с чем не сравнимое оружие, и те, кто к нему прибегают, не знают разочарований и поражений¹⁴¹.

Я не хочу принижать значение численности. Преимущество в численности можно использовать, но только в тех случаях, когда оно подкреплено невидимой духовной силой. Миллионы муравьев могут убить слона, если все разом нападут на его уязвимое место. Чувство солидарности, единство духа – иными словами, сила духа – делают муравьев неотразимыми, несмотря на разницу в размерах тел. Когда мы сможем объединить массы людей, как объединяются муравьи, мы тоже станем непобедимыми и освободимся от наших оков¹⁴².

Конец ненасильственной «войны» – это всегда соглашение, а не диктат и тем более не унижение противника¹⁴³.

Сила истины... не зависит от финансовой выгоды или иной материальной помощи... Это сила, которой могут пользоваться как индивиды, так и общество. Она применима как в политике, так и во внутренних делах. Ее универсальность говорит о ее прочности и непобедимости. Использовать силу истины могут все – мужчины, женщины и дети. Совершенно неверно говорить о силе истины как об оружии слабых, ибо они якобы неспособны ответить насилием на насилие... Только те, кто понимает, что в человеке есть нечто, возвышающее его над животным, которое всегда требует уступок, могут стать поборниками ненасильственного сопротивления. На фоне насилия – тирании и несправедливости – эта сила сияет, словно свет во мраке ночи. Применение силы истины в политике основано на убеждении в том, что правительство может руководить страной до тех пор, пока народ – осознанно или неосознанно – согласен ему подчиняться¹⁴⁴.

Глава 7

Международные отношения

Великобритания и британцы

Англичане – это трусливая и одновременно храбрая нация. На Англию, как я считаю, сильно повлияло изобретение и использование пороха¹.

Я не питаю вражды к англичанам, но враждебно отношусь к их цивилизации².

Взгляните на историю Британской Империи и британской нации; любовь к свободе, как бы сильна она ни была, не даст ее народу, который не стремится взять ее своими руками³.

Убеждение в своем расовом превосходстве – страсть и почти религия среднего англичанина. Он даже ни от кого не скрывает это свое убеждение⁴.

Я не считал и не считаю англичан плохими в сравнении с остальными представителями рода человеческого. Я думаю, что они, подобно любому народу, способны на высокие поступки и побуждения и так же, как другие, делают ошибки⁵.

Расовые предрассудки, которые я наблюдал в Южной Африке, противоречили, как мне показалось, британским традициям, и я полагал, что явление это местное и временное. Вот почему я соперничал с англичанами в верности короне и трону⁶.

Точно так же, как слон не может мыслить понятиями муравья, невзирая на свои самые добрые намерения, так и англичанин не способен мыслить как индеец и тем более не может писать для него законы⁷.

Я знал о разнице в статусе между индийцем и англичанином, но не верил, что мы были низведены до уровня рабов. Я чувствовал, что в нашем приниженном положении большую роль играли отдельные английские чиновники, а не британская система управления. Мне думалось, что мы сможем любовью исправить этих чиновников, несмотря на все недостатки системы. Она в то время, в отличие от моих сегодняшних взглядов, не казалась мне невыносимой⁸.

Британская конституция такова, что если политика правительства либеральна, то все подданные ощущают великие блага либерализма. С другой стороны, если политика правительства становится деспотической и скупой, то все подданные тотчас ощущают на себе его тяжелую руку⁹.

Я открыл, что у Британской Империи есть определенные идеалы, в которые я просто влюбился. Один из этих идеалов заключается в том, что каждый подданный Британской Империи имеет массу возможностей приложить свою честь и энергию к любому делу, которое не противоречит его совести. Думаю, что это отличает правительство Британской Империи от всех прочих. Я, как вам всем известно, не люблю никакие правительства и не раз заявлял, что самое лучшее правительство – это то, которое действует меньше других. Я обнаружил, что правительство Британской Империи в наименьшей степени вмешивается в мою жизнь, и я готов ему подчиниться. Отсюда проистекает моя верность Британской Империи¹⁰.

Англичанин не станет тебя уважать, пока ты не начнешь ему сопротивляться. После этого он тебя полюбит¹¹.

В свободную Индию англичане будут приезжать либо из любви к приключениям, либо из раскаяния. Они станут работать за небольшую зарплату и терпеть суровый индийский климат, вместо того чтобы быть бременем для нищей Индии, как это происходит сегодня, когда британцы назначают себе несообразно высокие зарплаты, живут с чисто английской экстравагантностью и даже пытаются воспроизвести здесь английский климат¹².

В том, что касается бесстрастности, англичане намного опередили нас... Они не теряют присутствия духа ввиду опасности или надвигающейся катастрофы¹³.

Новости о разрушениях в Англии просто душераздирающие. Парламент, Вестминстерское аббатство, собор Петра и Павла казались вечными и бессмертными. И конца этому разрушению не видно¹⁴.

Я не желаю унижения британцам, а следовательно, и поражения, но мой разум отказывает им в какой бы то ни было моральной поддержке [во Второй мировой войне]¹⁵.

Британцы должны уйти. Я не говорю, что британцы хуже японцев... Я просто не желаю менять одного хозяина на другого¹⁶.

Британия часто наряжается в одежды притворства, обещая то, чего заведомо не собирается выполнять¹⁷.

Соединенные Штаты Америки

Когда приходят американцы и спрашивают, чем они могут нам помочь, я говорю им: «Если вы соблазните нас своими миллионами, то сделаете нас нищими и деморализуете. Но я согласен быть нищим и просить вас об одной милости. Одолжите нам ваших талантливых инженеров, агрономов и зоотехников. Попросите их послужить нам. Пусть они придут к нам не как господа и хозяева, а как добровольные и работающие помощники»¹⁸.

Американская традиция выделяет США из всех других стран как арбитра и посредника. При своих огромных просторах, невероятной энергии, недостижимом финансовом благополучии и разнообразном характере народа эта страна должна была уберечь мир от страшной бойни, которая сейчас происходит [Вторая мировая война]¹⁹.

Американцы не слушают никого, кроме самих себя; они носятся со своими знаменитостями... и идут своим особым путем. Трудно разлучить золотого тельца с поклонниками мамоны²⁰.

Ошибкой для США и несчастьем для спокойствия во всем мире стало то, что Америка, вместо того чтобы работать – как она могла бы – для мира, ввязалась в войну [Вторую мировую]²¹.

Америка и Британия – великие страны, но их величие ничто по меркам остального бессловесного человечества – африканского или азиатского... Ни Америка, ни Британия не будут иметь права говорить о человеческой свободе и всем прочем до тех пор, пока не отмоют руки от грязи²².

Америка слишком могущественна в финансовом, интеллектуальном и научном отношении, чтобы ее могли подчинить какие-то другие страны – вместе или по отдельности. Поэтому я оплакиваю решение Америки броситься в горнило [Второй мировой войны]²³.

[Ответ Стэнли Джонсу.] Я не знаком с американским народом, но дарю ему свою любовь²⁴.

Советская Россия и коммунизм

Большевизм – это неизбежный результат современной материалистической цивилизации. Его неумеренное поклонение материи привело к созданию школы, стремящейся к материалистическому прогрессу, но утратившей всякую тягу к истинным целям жизни²⁵.

Я пока не знаю точно, что такое на самом деле большевизм. У меня не было возможности его изучить. Я не знаю, принесет ли он благо России в долгосрочной перспективе. Но я знаю, что сегодня он опирается на насилие и отрицание Бога, и это меня отталкивает. Я не верю в короткий насильственный путь к успеху. Те мои друзья-большевики, которые обратили на меня свое внимание, должны понять, что, несмотря на то что я им симпатизирую и восхищаюсь их благородными побуждениями, я все же остаюсь бескомпромиссным противником насильственных методов, пусть даже служащих благороднейшей цели²⁶.

Из того, что я знаю о большевизме, я могу заключить, что он не только не препятствует применению силы, но и прямо его санкционирует ради экспроприации частной собственности и установления коллективной собственности на все. Если это так, то я без колебаний скажу, что большевистский режим в его нынешней форме не продержится сколько-нибудь продолжительное время, ибо нельзя построить ничего долговечного на насилии²⁷.

Не все коммунисты плохи, так же как не все члены партии Индийский национальный конгресс – ангелы. Таким образом, у меня нет предубеждения к коммунистам как таковым. Но я не могу разделить их философию в том виде, в каком они мне ее преподнесли²⁸.

Что представляет собой коммунизм при его внимательном рассмотрении? Он означает создание бесклассового общества – это идеал, к которому и в самом деле стоит стремиться. Но я не хочу иметь дело с коммунизмом, если он пользуется силой для достижения этой благой цели... Идея неравенства, «высших и низших» есть несомненное зло, но я не верю в искоренение зла из человеческих душ острием штыка²⁹.

Коммунизм русского типа, коммунизм, навязанный народу, был бы отвратителен для Индии. Если бы коммунизм пришел без насилия, его бы приветствовали от всего сердца, ибо тогда никто не стал бы владеть собственностью иначе, кроме как от имени народа и для народа³⁰.

Германия и Гитлер

Я не верю, что немцы – враги рода человеческого, как о том пишет английская пресса, но не верю я и в то, что мир погибнет, если немцы победят в [Первой мировой] войне³¹.

Евреи были на положении неприкасаемых у христиан... Преследование евреев в Германии не имеет аналогов в мировой истории. Тираны прошлого никогда не доходили до такого безумия, какое демонстрирует сейчас Гитлер. Если б была возможна справедливая война против Германии ради прекращения бессмысленного преследования целой расы, то такая война была бы полностью оправданной. Но я не верю в войны³².

[Адольфу Гитлеру.] На сегодняшний день вы единственный человек в мире, способный предотвратить войну, которая повергнет человечество в одичание. Можно ли платить такую цену даже ради целей, которые представляются вам достойными? Не прислушаетесь ли вы к мнению человека, который достиг успехов, осознанно отказавшись от войны как от средства достижения каких бы то ни было целей?³³

Я отказываюсь верить в то, что немцы равнодушно взирают на эвакуацию таких больших городов, как Лондон, из-за опасности их разрушения средствами, созданными людьми, которые наделены бесчеловечной изобретательностью. Они не могут равнодушно смотреть на уничтожение самих себя и своих собственных памятников³⁴.

Что бы ни хотел продемонстрировать всем Гитлер, мы теперь знаем, чем оказался гитлеризм на деле. Он оказался голой беспощадной силой, облеченной в точную науку и примененной с научной безошибочностью. В таком виде сила почти неотразима. Гитлеризм невозможно победить таким же гитлеризмом. Это бы означало возведение его в энную степень и получение сверхгитлеризма. То, что сейчас происходит на наших глазах, есть демонстрация тщетности насилия, а значит, и гитлеризма³⁵.

Я не думаю, что немцы как народ чем-то хуже англичан и что итальянцы тоже чем-то хуже их. Мы все изваяны резцом одного мастера, мы все члены одной огромной человеческой семьи, и я отказываюсь проводить различия между народами³⁶.

Вторая мировая война

[Китайскому народу.] Японцы не в состоянии извратить вашу душу. Если китайская душа будет испорчена, то не японцы станут тому виной³⁷.

Мою реакцию на эту войну можно описать одним словом: ужас. Но, как ни странно прозвучит то, что я сейчас скажу, мои симпатии в войне целиком и полностью на стороне союзников. Волей-неволей она превратилась в войну между демократией (в том виде, в каком ее создал Запад) и тоталитаризмом, воплощенным в личности господина Гитлера³⁸.

Господин Гитлер сражается за расширение границ Германии, несмотря на то что ему посоветовали вынести свои претензии на рассмотрение беспристрастного суда. Гитлер с презрением отверг путь мира и выбрал путь меча. Мои симпатии вследствие этого на стороне союзников. Но мои симпатии не следует толковать как поддержку доктрины насильственной защиты даже праведного дела³⁹.

Я молюсь не только за то, чтобы Британия и Франция выиграли войну, но и за то, чтобы Германия избежала разрушения⁴⁰.

Я думаю, что правительство Франции проявило редкое мужество, склонившись перед неизбежностью и отказавшись от дальнейшего участия в бессмысленной бойне. Франция не могла выйти победительницей из схватки, для нее война была проиграна. Дело свободы оказывается мошенничеством, если ценой освобождения становится полное уничтожение тех, кто должен был воспользоваться плодами свободы. В этом случае продолжение войны обернулось бы бесславным удовлетворением пустых амбиций⁴¹.

Я призываю всех британцев к прекращению военных действий, не потому, что вы устали от войны, а потому, что война плоха по самой своей сути. Вы хотите уничтожить нацизм. Вы никогда его не уничтожите, равнодушно переняв его методы. Ваши солдаты убивают и разрушают точно так же, как убивают и разрушают немцы. Единственная разница, быть может, заключается в том, что вы не так тщательно это делаете, как ваш противник. Но со временем ваши

солдаты приобретут такую же сноровку, как немецкие, а может, и лучшую. На других условиях вам войну не выиграть. Иными словами, вы должны будете стать более безжалостными, чем нацисты⁴².

Я считаю, что установление нового порядка окажется невозможным, если война будет доведена до конца или закончится полным истощением сил противников и перемирием⁴³.

Если верить сообщениям прессы, то британцы благодаря своей выучке и доблести нанесли больший ущерб Берлину, чем нацисты – Лондону. Но что сделали простые немцы простым англичанам? За все плохое отвечают немецкие лидеры. Повесьте их во что бы то ни стало, но зачем разрушать немецкие дома и убивать мирных немецких жителей?⁴⁴

Ужасающая методичность нацистского способа ведения войны заставляет народы думать, что ничто, кроме встречного насилия, не сможет остановить этот ужас. Я полагаю, такое встречное насилие приведет лишь к одичанию человеческой природы. Думаю, что ничто, кроме ненасилия, не способно вылечить нацистское насилие⁴⁵.

Я пока не уверен, что демократии сделают мир лучше, после того как нанесут поражение фашизму. Возможно, демократы сами станут такими же, как фашисты⁴⁶.

Война

Жуткая вспышка насилия, бушующего сейчас в Европе [Вторая мировая война], возможно, показывает, что Европа плохо поняла учение Иисуса из Назарета, сына мира, и что свет к ней, наверное, придет с Востока⁴⁷.

Возможно, пройдет немало времени, прежде чем закон любви восторжествует в международных отношениях. Машина государственного управления, словно преграда, стоит между душами народов⁴⁸.

Мы были обмануты временными, но блистательными результатами, достигнутыми в некоторых войнах⁴⁹.

Все мы сознаем аморальность войны. Если я не готов преследовать моего противника, то еще меньше готов я участвовать в войне, особенно если я ничего не знаю об оправдании или о причине, толкнувшей людей к ней... Мне всегда было предельно ясно, что участие в войне неизбежно противоречит *ахимсе*⁵⁰.

Война – это ошибка, война – это непоправимое зло... Она должна исчезнуть... Свобода, завоеванная кровопролитием или обманом, – это не свобода⁵¹.

Безудержно растущий милитаризм, под гнетом которого стонут погибающие в войне народы Запада... грозит распространиться и на восточные народы⁵².

Если продолжится безумная гонка вооружений, то она в конце концов приведет к такой бойне, какой до сих пор не ведала история. Если после бойни уцелеет какой-то победитель, то это будет означать смерть для победившего народа⁵³.

Как только в мире будет изжит дух эксплуатации человека человеком, гонка вооружений станет рассматриваться как невыносимое бремя. Реальное разоружение невозможно до тех пор, пока народы мира не перестанут эксплуатировать друг друга⁵⁴.

Ни одна причина, какой бы справедливой она ни была, не оправдывает бойни, ежеминутно происходящей сейчас в Европе. Я полагаю, что дело, требующее свирепствующей сегодня бесчеловечности, не может быть названо справедливым⁵⁵.

Победы мира приносят больше славы, чем победы в войнах⁵⁶.

Я уверен, что плоха всякая война. Однако если мы пристально рассмотрим мотивы противоборствующих сторон, то увидим, что одна из них права, а другая – нет. Я не верю в пользу военного насилия, но все же сторона, воюющая за справедливое дело, заслуживает моей моральной поддержки и благословения⁵⁷.

Какая разница для убитых, осиротевших и лишившихся крова людей, были ли убийства и разрушения причинены во имя тоталитаризма или во имя свободы и демократии?⁵⁸

Воин живет своей войной – наступательной или оборонительной. Он совершенно падет духом, если узнает, что его воинская доблесть никому не нужна⁵⁹.

Можем ли мы оставаться равнодушными или испытывать порыв храбрости и жертвенности от перспективы задержать наступление противника ценой выжженной индийской земли и невиданных разрушений? Я не вижу никакой храбрости в уничтожении во имя наступления или обороны жизни и собственности. Я бы предпочел оставить урожай и дома противнику, но не уничтожать их, чтобы помешать ему ими воспользоваться. Есть жертвенность и храбрость в таком оставлении домов и урожая, если оно совершается не из страха, а потому, что я отказываюсь видеть в людях моих врагов⁶⁰.

В военное время контролировать действия солдат должна гражданская власть, несмотря даже на то, что невоенные люди не так хорошо разбираются в стратегии, как генералы. Если британцы в Бирме хотят разрушить золотую пагоду, потому что она служит ориентиром для японских бомбардировщиков, то я скажу, что этого нельзя делать, ибо так будет разрушено что-то очень важное в душе бирманского народа⁶¹.

Я не могу равнодушно взирать на бойню, свирепствующую сегодня в мире. Я твердо верю в то, что взаимное уничтожение унижает достоинство человека⁶².

Сопротивление войне

Когда два народа воюют, долг поборника *ахимсы* остановить войну. Тот, кто не в силах исполнить долг, кто не имеет сил сопротивляться войне, может принять в ней участие, но при этом всем сердцем пытаться освободить себя, свой народ и весь мир от войны... С точки зрения *ахимсы* я не различаю военных и гражданских лиц⁶³.

Я не делаю разницы между теми, кто держит в руках разрушительное оружие, и теми, кто работает в войсках под прикрытием Красного Креста. И первые, и вторые участвуют в войне и тем самым поддерживают ее и раздувают ее пламя⁶⁴.

Каждый отдельно взятый подданный государства не может надеяться на то, что его частное мнение будет учтено во всех случаях. Власть не всегда права, но пока подданные доверяют государству, их долг – поддерживать его действия. Если же какой-то класс общества считает, что действия государства аморальны с религиозной точки зрения, то, прежде чем способствовать или препятствовать в их совершении, этот класс должен попытаться – даже рискуя жизнью – отговорить государство от его пагубного курса⁶⁵.

Если мы хотим добиться реального мира во всем мире, если мы хотим объявить войне настоящую войну, то начинать надо с детей; если они вырастут в своей естественной невинности, то нам не придется бороться, нам не придется принимать бесплодные резолюции, мы будем идти от любви к любви, от мира к миру до тех пор, пока вся земля не окажется затоплена любовью и миром, которых – осознанно или неосознанно – жаждет все человечество⁶⁶.

Если общество не хочет погибнуть в безумных столкновениях народов или в еще более безумных сражениях с нравственными основами жизни, то в борьбе с войнами большую роль должны сыграть женщины. Им следует делать это не по-мужски, как пытаются многие, а сугубо по-женски. Женщина не станет более гуманной, если начнет соперничать с мужчиной в его способности бесцельно уничтожать жизнь. Пусть привилегией женщины станет отучение заблуждающихся мужчин от их ошибок, которые могут уничтожить и женщин⁶⁷.

Вероятно, вам не удастся даже попытаться отучить людей от войны, но в своей личной жизни вы можете придерживаться ненасилия во всей его сложности и отказаться от участия в войне. Когда обе противоборствующие стороны прибегают к насилию, очень трудно судить о том, какая из них заслуживает победы. Вы можете, конечно, молиться за успех правой стороны. Если вы сумеете подняться над насилием, то перестанете уклоняться от опасностей⁶⁸.

Противник войны может судить о достоинствах воюющих сторон и желать успеха той из них, которая воюет за справедливость. Такие суждения будут способствовать установлению мира больше, чем позиция равнодушного стороннего наблюдателя⁶⁹.

Человек, сложивший оружие, не обязательно поборник ненасилия⁷⁰.

Мое сопротивление войне не заставляет меня мешать тем, кто желает в ней участвовать. Я очень хорошо понимаю этих людей разумом. Я показываю им лучший путь, но оставляю им свободу выбора⁷¹.

Я – противник всех войн⁷².

Солдат мира, в отличие от солдата, воюющего в окопе, должен посвящать все свое время борьбе за мир – как в военное, так и в мирное время⁷³.

Те, кто во время войны ограничиваются уходом за ранеными в госпиталях, не освобождаются от ответственности за участие в ней⁷⁴.

Мировое правительство

Настанет день, когда нам удастся распространить национальный закон на весь мир так же, как мы сумели распространить закон семьи на народ – большую семью⁷⁵.

Изолированная независимость не есть конечная цель государств мира. Эта цель – добровольная взаимозависимость. Лучшие умы человечества желают не появления абсолютно независимых, воюющих между собой государств, но создания федерации дружественных, взаимозависимых государств⁷⁶.

Всемирную федерацию можно создать только по всеобщему согласию⁷⁷.

Построить всемирную федерацию можно только на фундаменте ненасилия⁷⁸.

Глава 8

Политика

Демократия

Суеверием и безбожием является вера в то, что действия и решения большинства обязательны для меньшинства. Можно привести множество примеров, демонстрирующих, что действия большинства часто оказываются неверными, а действия меньшинства – верными. Все реформы обязаны своим проведением инициативам меньшинства, выступавшего против большинства¹.

Лучшая проверка общества на демократию – это возможность любого человека действовать по своему усмотрению до тех пор, пока он не задевает жизнь и имущество других людей².

Мудрая политика заключается в том, чтобы издавать как можно меньше классовых законов. Будет еще мудрее вообще не издавать их. После принятия закона очень непросто исправить его так, чтобы избавиться от трудностей, возникших после вступления его в силу. Для того чтобы в государстве существовала возможность отмены неудачных законов, в нем должно быть развитое общественное сознание. Конституцию, которая позволяет то и дело переделывать или отменять действующие законы, нельзя назвать стабильной или правильно подготовленной³.

Люди обычно даже не подозревают о том, что правительства зачастую намеренно и осознанно нарушают свои собственные законы. В каких-то неотложных и критических ситуациях просто нет времени на обновление законодательства. Потому правительство просто преступает закон и делает то, что хочет. После этого оно либо принимает новые законы, либо заставляет людей забыть о своих нарушениях⁴.

Государства, где развито общественное сознание, решают эту проблему, создавая комиссию, работу которой, правда, можно назвать чисто номинальной, так как она всегда выдает заранее подготовленные и предрешенные

рекомендации⁵.

По моим понятиям, демократия несовместима с применением физической силы для достижения своих благих целей⁶.

Законодательство в свободном государстве всегда есть выражение воли большинства. Всякое законодательство, игнорирующее общественное мнение, говорит о банкротстве миссионерства. Поэтому я всегда уделяю особое внимание миссионерским мероприятиям⁷.

Я с большим страхом наблюдаю за усилением государства, потому что, несмотря на очевидное уменьшение эксплуатации, государство как таковое причиняет человечеству огромный вред, уничтожая индивидуальность, которая лежит в основе всякого прогресса⁸.

Демократию нельзя насадить насильственными методами. Дух демократии невозможно привнести извне. Она должна прийти изнутри⁹.

Демократия и насилие плохо ладят друг с другом. Государства, считающиеся в наше время номинально демократическими, либо должны стать откровенно тоталитарными, либо, если они хотят быть по-настоящему демократическими, им придется найти в себе мужество отказаться от насилия. Кошунство – утверждать, будто идеи ненасилия может придерживаться только индивид, но не народ, как раз и состоящий из этих индивидов¹⁰.

Демократия по сути своей должна означать искусство и науку мобилизации всех физических, экономических и духовных ресурсов всех слоев населения ради общего блага¹¹.

Прирожденный демократ – это человек от природы дисциплинированный. Демократия естественна для тех, кто добровольно подчиняется всем законам – божественным и человеческим. Демократ должен быть в высшей степени бескорыстным. Ему надлежит мыслить и действовать на пользу не себе, не группе, а демократии¹².

Свобода и демократия теряют свою святость, если обагрят себя кровью невинных¹³.

Власть принадлежит народу, который на время доверяет ее тем, кого избирает своими представителями. Парламенты не имеют власти и даже просто права на существование, если они не зависят от народа¹⁴.

Демократия задохнется, если ее взнуздать. Она может существовать только на доверии¹⁵.

Парламентская демократия не имеет иммунитета к коррупции. Об этом знают те, кто помнит о Таммани-Холле или мэре Чикаго¹⁶.

Мое понимание демократии заключается в том, что при ней слабейший имеет те же возможности, что и сильнейший¹⁷.

Правление большинства имеет узкое приложение, то есть можно уступать большинству только в деталях. Но было бы настоящим рабством поддаваться большинству вне зависимости от его решений. Демократия – это не то государство, где люди поступают как овцы в стаде. При демократии следует ревностно защищать индивидуальную свободу мнения и действия. Поэтому я искренне убежден в том, что меньшинство имеет полное право поступать не так, как большинство¹⁸.

Любая секретность противоречит духу настоящей демократии¹⁹.

Свобода

Не может быть никакого закона большинства в вопросах совести²⁰.

Не получится никакого равенства до тех пор, пока одни люди чувствуют себя выше или ниже по положению, чем другие. Среди равных не может быть и речи о покровительстве²¹.

Нет такого понятия, как постепенная свобода. Свобода подобна рождению. Мы останемся рабами до тех пор, пока не завоюем полную свободу. Человек рождается сразу и целиком, а не по частям²².

Рабство торжествует, когда раб начинает испытывать гордость за свои цепи и радуется им, как драгоценному украшению²³.

Я высоко ценю индивидуальную свободу, но вы не должны забывать, что человек – существо сугубо общественное. Он поднялся до своего нынешнего положения, научившись приспособлять свой индивидуализм к требованиям общественного прогресса... Неограниченный индивидуализм – это закон зверей в джунглях. Мы же научились находить середину между индивидуальной свободой и общественными ограничениями. Добровольное подчинение социальным ограничениям во имя всеобщего благополучия обогащает как индивида, так и общество, членом которого он является²⁴.

Цепи раба разбиваются в тот момент, когда он начинает считать себя свободным человеком²⁵.

Свобода – капризная дама, требующая больших жертв от своих поклонников²⁶.

Рабовладелец, решивший освободить своих рабов, не спрашивает у них, хотят ли они получить свободу²⁷.

Гражданские свободы

Непременное условие успеха – это защита свободы мнений²⁸.

Свобода слова означает, что никого не наказывают даже за те речи, которые ранят. Свобода печати предполагает, что пресса может публиковать любые комментарии, даже не соответствующие истине. Защита от такого предполагает наказание виновных в клевете или искажении, но не должна проявляться в ограничениях, налагаемых на прессу. Свобода ассоциаций соблюдается по-настоящему, если люди имеют право собираться даже для обсуждения революционных идей и проектов. Государство в своей деятельности полагается на силу общественного мнения и гражданскую полицию, а не на грубую военную силу для сокрушения реальных попыток совершить революцию, направленную против общественного мнения и представляющего его государства²⁹.

Эволюция демократии невозможна, если мы не готовы выслушать и другую сторону. Мы захлопываем дверь перед разумом, если отказываемся воспринимать мнения оппонентов или, выслушав, начинаем их высмеивать. Когда нетерпимость входит в привычку, мы рискуем упустить из вида истину. Несмотря на ограничения, наложенные природой на нашу способность к пониманию, нам надлежит бесстрашно действовать в согласии с доступным нам светом, наш разум должен быть все время широко распахнут и нам следует приготовиться к тому, что истины, в которые мы до сих пор безоговорочно верили, могут оказаться ложными. Такая открытость ума усиливает в нас истину и очищает ее от ржавчины³⁰.

Расовая дискриминация

(См. также раздел «Дискриминация» в главе 13.) Принцип равенства рас, принятый законодательно, должен всегда и неукоснительно соблюдаться. Этому принципа надо придерживаться любой ценой. Очень важно, чтобы в законах, связывающих Империю воедино, не содержалось никакого расистского подтекста, не подчеркивалось расовое различие и не существовало поражения в правах в зависимости от цвета кожи³¹.

Нет на Земле такой страны и такой расы, которые не были бы способны на высочайшую человечность, если дать им соответствующие возможности и образование³².

У Британии и Америки нет и не будет морального права вести эту войну [Вторую мировую] до тех пор, пока они не наведут порядок в собственном доме, то есть не откажутся от своего насильственного влияния на Африку и Азию и не устранят расовые барьеры. Ни Британия, ни Америка не имеют права говорить о защите демократии, цивилизации и свободы до тех пор, пока не избавятся от разъедающей их язвы убеждения в превосходстве белой расы³³.

О цивилизации надо судить по ее отношению к меньшинствам³⁴.

Экономическая справедливость

О порядке в стране говорит не число тамошних миллионеров, а отсутствие голода и нищеты в массах³⁵.

Миллионы голодных просят об одном: о здоровом питании. Но никто не даст им его даром. Они должны в поте лица заработать свое пропитание³⁶.

Не говорите, что сможете изжить бедность за счет благотворительности. Чудовищная система наделения бесплатным хлебом праздных здоровых людей продолжает – к нашему унижительному стыду – существовать³⁷.

Для бедных справедливая экономика есть закон духовности³⁸.

Никому... нельзя страдать от недостатка еды и одежды... Эти вещи должны быть доступны каждому, как доступны всем божий воздух и вода. Наделение едой и одеждой не следует превращать в средство эксплуатации человека человеком. Монополизация распределения каким-либо народом, страной или группой людей есть вопиющая несправедливость³⁹.

Я отказываюсь проводить разграничение между экономикой и этикой. Экономика, подрывающая моральное благополучие индивида или народа, аморальна, а значит, грешна и порочна⁴⁰.

Я могу читать божьи заповеди собаке с тем же успехом, что и миллионам голодных с потухшими глазами, чей Бог – только и исключительно еда... Для них Бог способен явиться лишь в образе хлеба с маслом⁴¹.

Экономика, поклоняющаяся мамоне и позволяющая сильному увеличивать благосостояние за счет обнищания слабого, есть лживая и отвратительная наука. Она чревата смертью. Истинная экономика, напротив, зиждется на социальной справедливости, одинаково распределяет блага на всех, включая самых бедных, и обеспечивает всем достойную жизнь⁴².

Не стоит обманываться богатством и благополучием, какие мы наблюдаем в городах Индии. Это богатство приходит не из Англии или Америки, оно высосано из крови бедняков⁴³.

Экономическое равенство не предполагает владения всеми равными долями благ. Оно – равенство – гарантирует, что у каждого будет крыша над головой, здоровая пища и достаточно кхадди^{III}, для того чтобы прикрыть наготу. Помимо этого, экономическая справедливость требует ненасильственного уничтожения существующего ныне жестокого неравенства⁴⁴.

Труд

Трудящиеся не удовлетворены своей судьбой, и они имеют полное право на эту неудовлетворенность. Их научили – совершенно справедливо, – что они лишь орудия, обогащающие эксплуататоров⁴⁵.

Забастовки, отказ от работы и *хартал* – это, несомненно, превосходные средства борьбы, но ими очень легко злоупотреблять. Трудящиеся должны объединиться в сильные профессиональные союзы, и объявлять забастовки им следует только по согласованию с этими союзами. Не стоит начинать забастовку без предварительных переговоров с хозяевами⁴⁶.

Чтобы удовлетворительно решить проблему условий труда, нужно иметь в виду следующие положения: во-первых, продолжительность рабочего дня должна позволить трудящемуся иметь время на отдых; во-вторых, важно создать трудящимся условия для получения образования; в-третьих, дети трудящихся должны быть обеспечены молоком, одеждой и возможностью посещать школу; в-четвертых, жилищам рабочих надлежит соответствовать санитарным нормам; в-пятых, трудящиеся должны иметь возможность отложить достаточные средства на старость. На сегодня не выполняется ни одно из этих условий. Ответственны за это обе стороны⁴⁷.

Владельцы предприятий [Ахмедабада]... отказались признать решения арбитражного суда. Поэтому я посоветовал рабочим объявить забастовку. Предварительно я встретился с рабочими и их лидерами и разъяснил им условия успешной забастовки: во-первых, воздержание от насилия; во-вторых, никаких расправ над штрейкбрехерами; в-третьих, независимость от милости хозяина и, в-четвертых, готовность продолжать забастовку столько, сколько потребуется, зарабатывая деньги на пропитание другим честным трудом⁴⁸.

Рабочий класс никогда не почувствует себя в безопасности и не обретет чувства уверенности в своих силах, если трудящиеся не будут располагать системой вспомогательного обеспечения, позволяющей переживать трудные времена кризисов⁴⁹.

Владение несколькими профессиями для рабочего то же, что для предпринимателя – деньги. Квалификация рабочего – это его капитал. Так же, как капиталист не может заставить свой капитал приносить плоды без сотрудничества с рабочими, так и они не способны сделать свой труд плодотворным без взаимодействия с капиталом. Если же и трудящийся, и капиталист обладают одинаковым даром к взаимопониманию и уверены в способности к равноправной сделке, то они научатся уважать друг друга как равных партнеров, делающих одно общее дело. Им не стоит считать друг друга непримиримыми антагонистами... Мышление рабочего подавлено нудным механическим трудом, не оставляющим возможности развивать ум... Величайшее заблуждение рабочего человека – это убеждение в том, что он бессилён и беспомощен перед хозяином⁵⁰.

Если кто-то преградит мне дорогу домой, то это будет такое же насилие, как если бы он просто оттолкнул меня от крыльца... Забастовщики не должны преграждать путь тем, кто не желает бастовать, или применять в их отношении насилие и принуждение⁵¹.

Если рабочие окажутся достаточно разумны для того, чтобы организовать и действовать заодно, то эта способность будет стоить дороже любых денег⁵².

Классовая борьба

Безумие предполагать, что индийский Рокфеллер лучше Рокфеллера американского⁵³.

Говоря о борьбе между трудом и капиталом, часто утверждают, что в этом конфликте неправы капиталисты, но я знаю, что когда рабочий класс полностью осознает свою силу, он может стать еще большим тираном, чем капитал⁵⁴.

Я не в силах представить себе время, когда одни люди не будут богаче других. Но я способен вообразить время, когда богатые перестанут накапливать состояние за счет бедных, а те прекратят завидовать богатым. Даже в самом совершенном из миров мы не избавимся от неравенства, но мы можем и должны избегать раздоров и ненависти⁵⁵.

Я борюсь не с капиталом, а с капитализмом⁵⁶.

Мечта, которую я хочу воплотить в жизнь, – это не отъем собственности у частных владельцев, а лишь введение некоторых ограничений, направленных на ликвидацию нищеты, вызванного ею недовольства и отвратительного контраста между условиями жизни богатых и бедных, который мы сейчас наблюдаем⁵⁷.

Богатые так же недовольны жизнью, как и бедные. Лишенный средств человек хочет стать миллионером, а миллионер – мультимиллионером. Бедняк часто не удовлетворяется тем, что может досыта поесть; но он имеет на это полное право, и общество должно позаботиться о гарантии данного права⁵⁸.

Ненасильственными методами мы хотим уничтожить не капиталиста, а капитализм... Если силен капитал, то силен и рабочий класс. Каждую из этих сил можно использовать либо конструктивно, либо деструктивно. Капитал зависит от труда. Верно и обратное. Как только рабочий осознает свою силу, он станет равноправным партнером капиталиста, а не его рабом. Можно легко показать, что полное уничтожение капитала приведет и к уничтожению труда⁵⁹.

Я не учу массы видеть в капиталистах врагов, я учу их, что они враги сами себе... Надо уничтожить систему, а не людей⁶⁰.

Я употреблю все свое влияние, чтобы предотвратить классовую войну⁶¹.

Всякая эксплуатация держится на сотрудничестве – добровольном или принудительном – с эксплуатируемыми... Ее не будет, если люди откажутся подчиняться эксплуататорам. Но эгоизм побеждает, и мы радуемся опутывающим нас цепям... необходимо не вымирание землевладельцев и капиталистов, необходимо преобразование существующих отношений между ними и массами; эти отношения должны стать здоровее и чище⁶².

Эксплуатацию бедных можно уничтожить не убийством нескольких миллионеров, но устранением невежества бедных. Их надо научить отказу от сотрудничества с эксплуататорами. Это поможет направить последних на путь истинный⁶³.

Насильственная и кровавая революция неизбежно произойдет, если богатые не согласятся на добровольный отказ от роскоши и части власти, если не поделятся ими с остальными ради общего блага⁶⁴.

Не должно быть так, чтобы горстка богачей жила в украшенных драгоценностями дворцах, а миллионы обычных людей ютились в хибарах без элементарных удобств, солнечного света и вентиляции⁶⁵.

Я не завидую принцу, имеющему дворец, и миллионеру, имеющему просторный каменный дом, но я серьезно требую от них, чтобы они ликвидировали ту пропасть, которая отделяет их от крестьян. Пусть аристократы и богачи перебросят через эту пропасть мост, который сблизил бы их с бедными земледельцами. Пусть жизнь богачей станет скромнее и ближе к жизни окружающих их бедняков⁶⁶.

Народ способен прожить без миллионеров и капиталистов, но он не сможет обойтись без труда⁶⁷.

Машины и индустриализация

Я знаю, что среди моих друзей есть люди, которые смеются над этой попыткой возродить великое искусство [ручное прядение]. Они напоминают мне, что в наше время механизированных заводов, швейных и печатных машинок только сумасшедший может надеяться возродить деревенскую прялку. Эти мои друзья забывают, что иголка с ниткой пока не уступили свои позиции швейной машине, а рука еще не разучилась писать пером, несмотря на существование печатной машинки. Нет ни малейших оснований для того, чтобы ручная прялка не могла сосуществовать с прядильными фабриками точно так же, как домашняя кухня сосуществует с ресторанами в отелях. На самом деле, даже когда печатные и стиральные машины исчезнут, иголки, нитки и перья останутся⁶⁸.

У машин есть в мире свое место. Они пришли для того, чтобы остаться. Но нельзя допустить, чтобы они полностью вытеснили необходимый человеческий труд⁶⁹.

Меня отнюдь не ослепляет торжество механизации... Я всегда буду от души приветствовать как простые орудия и инструменты, так и сложные машины, которые позволяют уменьшить затраты труда и облегчают бремя миллионов работающих⁷⁰.

Самая хрупкая деталь любой машины – это человеческое тело. Колесо прялки тоже машина. Я возражаю не против машин, а против слепого поклонения им. Люди доходят до безумия, крича о «сбережении труда». Труд берегут до такой степени, что миллионы людей оказываются без работы, выброшенными на улицу, где им предоставляется полная свобода умирать от голода. Я хочу сберечь труд и время не для горстки людей, а для всех. Я хочу концентрации богатства не в руках немногих, а в руках всех. Сегодня машины помогают единицам избранных ехать на шее миллионов. Понятно, что поборниками всеобщей механизации движет не человеколюбие, а обычная жадность⁷¹.

Научные истины и открытия должны в первую очередь не быть орудиями алчности. Тогда трудящиеся перестанут переутомляться на работе, а машины окажутся их верными помощниками, а не врагами. Я ратую не за уничтожение

машин, а за разумное ограничение их применения... Высшей ценностью в мире есть человек. Машины не должны привести к атрофии человеческих рук⁷².

Швейная машинка «Зингер» – одно из немногих на самом деле полезных изобретений⁷³.

Я хочу добиться радикального изменения условий труда. Нужно прекратить эту безумную гонку за богатством. Рабочий должен чувствовать уверенность не только в том, что он получит достойную зарплату, но и в том, что его труд перестанет быть изматывающей каторгой. При таких условиях машины окажутся помощниками не только государству, но и трудящимся⁷⁴.

Машины останутся, ибо их наличие так же неизбежно, как наличие тела⁷⁵.

Индустриализация... станет проклятием человечества. Индустриализация прямо пропорциональна способности к эксплуатации, открытости внешних рынков и отсутствию конкуренции⁷⁶.

Когда я смотрю на Россию, где мы видим апофеоз индустриализации, жизнь в этой стране отнюдь не кажется мне привлекательной. Если прибегнуть к мудрости Библии, то можно сказать: «Что пользы человеку, если он приобретет мир, но потеряет душу?». Если прибегнуть к современной терминологии, то можно сказать, что превращение человека в простой винтик государственной машины ниже его достоинства. Мне же хочется, чтобы каждый стал полноправным и развитым членом общества⁷⁷.

Пандит Неру ратует за индустриализацию, так как считает, что если она будет социалистической, то освободится от зол капитализма. Мне же думается, что зло присуще самой индустриализации и никакой социализм не сможет его искоренить⁷⁸.

Америка стала самой развитой в промышленном отношении страной и тем не менее не смогла избавиться ни от нищеты, ни от деградации. Так случилось потому, что Америка пренебрегла силами народа и сконцентрировала власть в руках немногих, умножавших свои состояния за счет большинства. В результате американская индустриализация стала угрозой беднякам США и всему миру⁷⁹.

Я не пролил бы ни слезинки, если бы в Индии не стало железных дорог⁸⁰.

Механизация хороша, когда не хватает рук для исполнения нужной работы. Но механизация становится злом, когда рук больше, чем требуется, а именно такое положение сложилось у нас в Индии... Бездушные машины не должны вытеснить живые машины, обитающие в семистах тысячах индийских деревень. При добросовестном использовании машин они помогают людям, избавляя их от чрезмерных физических усилий. Но современный способ применения механизмов все в большей и большей степени приводит к концентрации богатств в руках немногих и к тотальной деградации миллионов мужчин и женщин, у которых машины буквально вырывают изо рта кусок хлеба⁸¹.

Социализм

Я социалист в достаточной мере для того, чтобы утверждать, что... заводы и фабрики следует национализировать или отдать под контроль государства. Там должны быть самые привлекательные и идеальные условия, и работать они должны не для получения прибыли, но ради блага человечества и любви, которая займет место алчности⁸².

Лично я предпочел бы не концентрацию и централизацию власти в руках государства, а распространение доверительных отношений. На мой взгляд, насилие частных собственников не так вредоносно, как насилие государства. Однако если это окажется неизбежным, то я поддержу необходимый минимум участия государства в собственности⁸³.

Я желаю уничтожения капитализма не меньше, чем самые продвинутые социалисты, а может, даже и коммунисты. Но у нас с ними разные методы, и говорим мы на разных языках⁸⁴.

Я объявил себя социалистом задолго до того, как известные мне люди в Индии заявили о своей приверженности социализму. Однако мой социализм был усвоен мною не из книг. Он проистекал из моей непоколебимой веры в ненасилие. Никто не может ратовать за ненасилие и не быть одновременно противником несправедливости, не важно, откуда она взялась. К несчастью, западные социалисты, насколько я могу об этом судить, убеждены в необходимости насилия во имя торжества социалистических доктрин⁸⁵.

В современном государственном управлении нет места божественному закону, так как в нынешних государствах царит чудовищное неравенство, при котором немногие купаются в роскоши, а массам элементарно не хватает еды. Теорию социализма я воспринял, находясь в Южной Африке⁸⁶.

Социализм – прекрасное слово. Насколько я знаю, при социализме все члены общества равны – нет высокопоставленных, нет угнетенных. В теле человека голова не является чем-то особым только потому, что она находится выше остальных частей тела, а пятки нельзя считать низкими только из-за того,

что они касаются земли. Как равноправны части человеческого тела, так равноправны и все члены общества. Это и есть социализм⁸⁷.

Сухой закон

Люди пьют алкоголь из-за скотских условий своего бытия. Это обычно фабричные рабочие и люди того же социального статуса. Они покинуты обществом, до них никому нет дела, и потому они пьют. Они не более порочны, чем святые люди, пьющие исключительно чай. Большинство живет так, как диктуют условия жизни⁸⁸.

Государственный запрет употребления алкоголя – сухой закон – это не конец великой антиалкогольной реформы, это лишь ее важное начало⁸⁹.

Индия не Америка. Американский пример [сухого закона] – это для нас скорее помеха, чем помощь. В США пьющий человек не испытывает стыда. Там модно пить. Заслуживает всяческого уважения решительное меньшинство американского общества, которое одним лишь весом своего морального авторитета смогло провести сухой закон, какой бы преходящей ни оказалась эта мера. Я не считаю данный эксперимент неудачным⁹⁰.

Сухой закон – это своего рода воспитание взрослых людей, а не просто закрытие винных лавок⁹¹.

Употребление алкоголя скорее болезнь, нежели порок⁹².

Глава 9

Семья

(См. также раздел «Семейные дела» в главе 12 и раздел «Семейные отношения» в главе 13.)

Женщины

Мужчины и женщины равноправны, но не одинаковы¹.

Женщина – спутница мужчины, обладающая такими же умственными способностями. Она имеет право участвовать во всех его делах, у нее равные с мужчиной права на свободу и независимость. Женщины имеют такое же полное право занимать высшее положение в своих видах деятельности, как мужчины – в своих².

Целомудрие – не тепличное растение. Его невозможно навязать извне... Оно должно вырастать изнутри, и только тогда оно чего-то стоит, когда способно противостоять любому неожиданному искушению³.

Я смотрю на женщину как на воплощение терпимости. Несправедливо подозреваемый слуга может уволиться, сын в подобных случаях может покинуть родительский кров, а друг – положить конец общению. Жена, подозревающая мужа, сохраняет покорность⁴.

Откажитесь от украшений, не пользуйтесь духами и лавандовой водой; если вы хотите источать приятный аромат, то он должен исходить от вашей души, и тогда вы сумеете пленить не только мужчину, но и все человечество⁵.

Женщина... должна трудиться без гнета юридического бесправия, от которого не страдает мужчина... Корень зла [юридического неравенства] лежит глубже, чем думает большинство людей. Он гнездится в свойственной мужчинам жажде

власти и славы и, если заглянуть еще глубже, во взаимной похоти. Мужчина всегда стремится к власти⁶.

Из всех зол, каким подвержен мужчина, нет более отвратительного, более отталкивающего, чем жестокое обращение с *лучшей* половиной человечества; эта половина – женщины, которых я не считаю слабым полом, ибо они благороднее мужчин. Даже в наши дни женщина – это воплощение жертвенности, молчаливого страдания, смирения, веры и знания⁷.

Интуиция женщины зачастую оказывается вернее высокомерного убеждения мужчины в обладании высшим знанием⁸.

Истинное украшение женщины – ее характер, ее чистота. Золото и самоцветы не могут быть таковым... Истинное украшение заключается не в навешивании на тело золотых цепей и драгоценных камней, а в очищении сердца и красоте души⁹.

Я считаю, что задача образования в нашей стране – это научить женщину говорить «нет» даже своему мужу, научить ее тому, что она не должна быть орудием или куклой в руках мужа¹⁰.

Я сторонник равного образования для женщин. Однако при этом я считаю, что женщина не сможет внести свой вклад в дела мира, если будет копировать мужчину или соревноваться с ним. Она, конечно, вправе так поступать, но на этом пути никогда не достигнет высот, каких достигла бы, не подражай она противоположному полу. Женщина должна дополнять мужчину¹¹.

Равенство полов не предполагает равенства в профессиональной деятельности... Природа создала разделение полов, для того чтобы они дополняли друг друга¹².

По самой глубинной сути мужчина и женщина одинаковы. У них на самом деле одни и те же проблемы. У них одна душа. Они проживают одну жизнь, обладают одинаковыми чувствами, дополняя друг друга. Они не могут жить порознь, без активной взаимопомощи¹³.

Женщине дано научить мирной жизни склонный к вражде мир, который в действительности жаждет нектара любви¹⁴.

Не позволяйте женщинам, среди которых насчитывается множество настоящих героинь, презирать свой пол или сожалеть о том, что они не родились мужчинами... У мужчин ровно столько же оснований хотеть родиться женщинами, сколько у женщин – родиться мужчинами. Эти желания бесплодны. Давайте же радоваться тому состоянию, в каком мы были рождены, и исполнять долг, назначенный нам природой¹⁵.

Кухонное рабство – сегодня главный пережиток прежнего варварства. Давно пора избавить женщину от этого гнета. Домашняя работа не должна отнимать у женщины все время¹⁶.

До тех пор пока рождение девочки не станут встречать с такой же радостью, как рождение мальчика, мы будем знать, что Индия не очнулась от своего частичного паралича¹⁷.

Брак

Брак – изгородь, защищающая религию. Если изгородь разрушить, та разлетится на куски. Основа религии – воздержание, а брак – это не что иное, как воздержание¹⁸.

Жена не обязана быть соучастницей в преступлениях мужа. Если она считает что-либо неправильным, ей надо набраться смелости поступить, как должно¹⁹.

Мир в доме очень желателен, но он не может быть самоцелью²⁰.

Жена – не рабыня и не служанка мужа, она его спутница и помощница, равный партнер во всех его радостях и горестях, она, как и муж, вольна выбирать в жизни собственную дорогу²¹.

Если есть союз сердец, то не стоит откладывать брак из одних только финансовых соображений. Если считать бедность преградой, то бедный человек не сможет жениться никогда²².

Духовные отношения намного ценнее и важнее отношений физических. Физические отношения вне духовных – это то же самое, что тело, лишённое души²³.

Единственные достойные качества брака – взаимная любовь и согласие²⁴.

Брак – это священное таинство, он не должен влечь за собой больших расходов. Если богатые люди не умерят свое желание тратить деньги на угощение и пир, то бедняки будут стараться копировать их поведение и станут влезать в долги. Если у вас достанет храбрости, то вы должны восстать против лишних расходов, когда соберетесь вступить в брак²⁵.

Если жена должна доказывать свою верность и преданность мужу, то и муж

должен доказывать ей то же самое. Нельзя, чтобы у одной стороны были одни права и обязанности, а у второй стороны – другие²⁶.

Брак вне своей религии зиждется на иных основаниях [нежели брак вне своей варны]. Но даже в этом случае, если каждая из сторон вольна соблюдать свою религию, я не вижу моральных препятствий к созданию такого союза²⁷.

Брак, заключенный ради удовлетворения полового влечения, – не брак, а потворство похоти²⁸.

Истинная цель брака – воздержание и сублимация половой страсти. Если цели брака иные, то брак перестает быть священным таинством²⁹.

При вступлении в брак первое место следует отдать духовному развитию. На втором месте должно стоять служение друг другу, третье место отводится семейным соображениям и интересам социального порядка. Четвертое, и последнее, место отведено для взаимного влечения, или «любви». Это означает, что «любовь», если не приняты во внимание остальные три условия, не может считаться достаточным основанием для брака. В то же время, если нет любви, то брак исключается, даже если соблюдены остальные условия³⁰.

Нет никакого сомнения, что девушкам, если они хотят посвятить себя служению, лучше вовсе не вступать в брак, однако на такое способна лишь одна женщина из миллиона. Брак – это естественная вещь, и считать его унижительным совершенно неверно... Идеал – это смотреть на него как на священное таинство и вести в браке воздержанную и целомудренную жизнь³¹.

Контроль рождаемости

Надо ли рожать четвертого ребенка в столь унижительной атмосфере? Мы лишь увеличиваем число рабов и слабых людей, если продолжаем размножаться, чувствуя, что остаемся беспомощными, больными и голодающими. Только тогда, когда Индия станет свободной страной, способной противостоять голоду, страной, обладающей знаниями, которые позволят победить малярию, холеру, грипп и другие болезни, будем мы иметь право давать жизнь следующим поколениям... Я с удовлетворением воспринимаю перспективу ограничения рождаемости за счет осознанного воздержания... Ограничения рождаемости надо достигать не с помощью аморальных и искусственных средств контроля, как это принято в Европе, но образом жизни, самоограничением и внутренней дисциплиной³².

Супружеская пара должна допускать половое совокупление не ради похоти, но только ради какой-то цели. Полагаю, что верх невежества думать, будто половой акт есть независимая функция организма, такая как сон или еда. Мир существует только благодаря акту зачатия, а так как мир есть ристалище Бога и отражение Его славы, то акт зачатия должен быть под строгим контролем и направляться на рост и развитие мира. Тот, кто это понимает, станет любой ценой ограничивать свою похоть и вооружит себя знанием, необходимым для физического, умственного и духовного благополучия своего потомства³³.

Ограничение рождаемости с помощью противозачаточных и подобных средств есть глубокое заблуждение... Ограничение рождаемости путем самоконтроля и воздержания – трудная задача. Но я не знаю людей, которые могли бы всерьез оспорить их эффективность и даже превосходство над использованием противозачаточных средств³⁴.

Внедрение противозачаточных средств под маской науки и с санкции авторитетных общественных деятелей приводит лишь к осложнениям и делает задачу реформаторов, пытающихся очистить общественную жизнь, почти невыполнимой... невозможно ограничить применение противозачаточных средств только кругом замужних женщин. Брак теряет свою святость, если его цель и высший смысл сводятся к удовлетворению животной страсти без раздумий о естественном результате такого удовлетворения. Но самый большой вред распространения противозачаточных средств заключается в отказе от старого идеала и в замене его другим, который, если будет достигнут, приведет к моральному и физическому вырождению народа³⁵.

Половое влечение – красивое и благородное влечение. В нем нет ничего постыдного. Но половой акт – это акт творения. Любое другое его толкование есть грех против Бога и человечества³⁶.

Кроличье размножение народа, несомненно, должно быть остановлено, но не теми способами, которые влекут за собой еще большее зло. Остановить неумеренную рождаемость надо способами, которые облагораживают народ³⁷.

Проституция

Мы, мужчины, не смеем поднять опущенную от стыда голову до тех пор, пока хоть одна женщина будет оставаться орудием нашей похоти. Я бы предпочел, чтобы мы вымерли, нежели опустились ниже животных, превратив благороднейшее из божественных творений в платный объект наших домогательств³⁸.

Это нестерпимый стыд и печаль, это глубочайшее унижение, что многие женщины вынуждены продавать свое целомудрие ради удовлетворения мужской похоти. Мужчина, законодатель, должен заплатить за разложение, которому он подвергает так называемый слабый пол... Это зло не может продолжаться ни дня после того, как мы, мужчины Индии, осознаем, в чем заключается наше истинное достоинство³⁹.

Прежде чем наши несчастные сестры будут избавлены от деградации и разложения, требуется выполнить два условия. Нам, мужчинам, следует научиться контролировать свои страсти, а женщины должны получить поприща, на которых они смогут достойно зарабатывать себе на жизнь⁴⁰.

Родительский долг

Каждый дом – это университет, а все родители – учителя⁴¹.

Родители не должны привязывать жернова к шеям своих детей, заставляя их вступать в брак в подростковом возрасте. Родителям следует заботиться о благополучии сыновей, а не только о собственных корыстных интересах⁴².

Родители... думают, что их дети должны получить образование, для того чтобы стать богатыми и высокопоставленными людьми. Это протитуирование образования и знания, и при таком подходе мы тщетно будем искать мира, невинности и благословения, каковыми должна полниться жизнь студента⁴³.

Напрасно надеяться, что наши дети и домочадцы пойдут по жизни той же дорогой, что и мы⁴⁴.

Какая это тяжкая ответственность – быть родителем!⁴⁵

В хорошо устроенной семье отношения подчиняются раз и навсегда установленным правилам. Отец дает своим детям блага не по заключенной сделке, а из любви и из чувства справедливости, не надеясь что-либо получить взамен. Это не значит, что он ничего не получит. Но отдача должна быть естественной, а не вынужденной. Ничего нельзя делать из страха или недоверия. То, что верно для хорошо устроенной семьи, верно и для целого общества, которое есть не что иное, как большая семья⁴⁶.

Нет школы, которая могла бы сравниться с достойным домом, и нет учителей, равных честным и добродетельным родителям⁴⁷.

Глава 10

Образование

Теория

Образование... – это просто знание букв. Оно есть инструмент, который можно употребить как во благо, так и во зло¹.

Для того чтобы стать всеобщим, образование должно быть бесплатным².

Учение без практики, подобно набальзамированному трупу. Выглядит на первый взгляд пристойно, но пользы от него никакой³.

Чем выше по ступеням учения поднимается учащийся, тем больше он отдаляется от дома, и в конце курса обучения он становится чужим своему окружению. Он перестает чувствовать поэзию родительского дома. Родная цивилизация кажется ему глупой, варварской, суеверной и бесполезной... образование задумано так, чтобы отлучить студента от его традиционной культуры⁴.

Знание без характера – это самая подходящая питательная среда для зла. Мы видим в мире множество примеров «талантливых воров» и «воспитанных негодяев»⁵.

Ни одна система образования не будет эффективной, если она не придает обучению взрослых такое же значение, как и обучению детей⁶.

Что-то неправильное есть в системе образования, которое не может вооружить учащихся навыками борьбы с социальным и иным злом. Образование только тогда чего-то стоит, когда раскрывает все способности человека и позволяет ему решать жизненные проблемы на любом рабочем месте⁷.

Человек – не один лишь чистый интеллект, или тело животного, или только душа и сердце. Пропорциональное и гармоничное соединение этих качеств делает человека человеком, и именно к такому соединению должно стремиться настоящее образование⁸.

До сих пор мы уделяли главное внимание тому, чтобы напичкать головы детей информацией, но даже не думали об их гармоничном развитии⁹.

Не только грамотность или ученость формируют человека, но и воспитание, готовящее к реальной жизни. Какой смысл в том, что человек знает все на свете, но не умеет поддерживать братские отношения с соседом?¹⁰

Ребенок

Признак вырождения нации – маленькие дети, которые, вместо того чтобы ходить в школу, зарабатывают деньги. Ни один народ, заслуживающий этого названия, не может позволить себе так бездарно обращаться со своими детьми. Дети должны посещать школу по меньшей мере до шестнадцатилетнего возраста¹¹.

Истинное образование ребенка начинается сразу после его рождения. Начатки знаний отлично усваиваются во время игр¹².

Наказание не очищает, оно лишь ожесточает детей¹³.

Среди нас господствует ложное убеждение в том, что ребенок ничему не учится в течение первых пяти лет своей жизни. На самом деле все обстоит как раз наоборот: ребенок учится жизни именно в первые пять лет после рождения¹⁴.

В идеале настоящее воспитание ребенку могут дать только родители при минимуме посторонней помощи¹⁵.

Если хороших детей учить и воспитывать вместе с плохими, то первые ничего не потеряют при условии, что будут находиться под бдительным оком родителей и воспитателей. Дети, взращенные в тепличных условиях, не всегда могут противостоять искушениям и дурным влияниям¹⁶.

Ненасильственное сопротивление самое благородное и самое лучшее образование... Нельзя отрицать, что ребенок, прежде чем начать писать буквы и овладевать материальными знаниями, должен понять, что такое душа, что такое истина, что такое любовь и какие силы дремлют в душе. В процессе настоящего образования ребенок должен узнать прежде всего это, и тогда в жизненной борьбе он сможет легко победить ненависть любовью, ложь истиной, насилие самопожертвованием¹⁷.

Дети – невинные, любящие и добродушные создания. Зло приходит к ним, когда они становятся старше¹⁸.

Студент

Студенты должны стать первопроходцами в проведении полезных реформ, сохраняя в стране все хорошее и бесстрашно избавляя общество от бесчисленных злоупотреблений, пронизавших все его существование¹⁹.

Для подавляющего большинства студентов характерно то, что благородные побуждения владеют их умами только во время учебы и исчезают после ее окончания. Тогда большинство бывших студентов бросаются за хлебами и рыбами²⁰.

Школьное образование – это не просто строительный материал. Образовательные учреждения изо дня в день заполняют живые мальчики и девочки. Я знаю, что есть огромные, архитектурно безупречные здания, называемые образовательными учреждениями, но на деле это всего лишь «гробы повапленные». Напротив, мне известны некоторые учреждения, вынужденные изо дня в день бороться за материальное выживание, но именно в них – возможно, благодаря нужде – так же изо дня в день происходит замечательный духовный рост²¹.

Можно с тем же успехом надеяться обуздать ветер, как и подавить воодушевленный энтузиазм студентов²².

Каникулы надо использовать для отдыха, а не для зубрежки книг²³.

Я хочу предостеречь молодежь страны: не пренебрегайте тем, что говорят старые люди, лишь на основании того, что они старые. Истина глаголет не только устами младенцев, но часто и устами старцев²⁴.

Моральным и умственным качествам студента противостоят ложные представления о достоинстве, внушенные в школе и колледже. Студенты часто думают, что будут зарабатывать на жизнь исключительно за письменным столом²⁵.

Студент не способен активно заниматься политикой и одновременно учиться... Он тем не менее должен иметь право свободно высказывать любое свое мнение и может симпатизировать любой политической партии по собственному выбору²⁶.

Учитель

Книги не помогут воспитанию и образованию души и сердца. Такое воспитание возможно лишь в тесном общении с учителем²⁷.

Долг педагога – учить разборчивости. Если мы будем усваивать то, что нам говорят, без размышлений, то превратимся в машины. Мы мыслящие, познающие существа и должны... отделять правду от лжи, краснобайство от искренности, чистое от нечистого и т. д.²⁸

На Толстовской ферме мы взяли за правило не предлагать молодым делать то, чего не делали учителя, и поэтому, если молодых просили что-то исполнить, то вместе с ними работал и их учитель²⁹.

Я никогда не испытывал недостатка в учебниках. Я вовсе не считаю необходимым нагружать мальчиков горами книг. Я всегда понимал, что настоящим учебником может быть только учитель. Я усвоил очень мало из того, что объясняли мне учителя по книгам, но я весьма хорошо помню, чему они учили меня помимо книг³⁰.

Религиозные наставления, если мне не изменяет память, внушили мне учителя, которые сами живо воспринимали религию. Я обнаружил, что мальчики впитывают религию на примере жизни учителя, а не в результате чтения рекомендованных им книг или слушания его лекций. К своей великой радости, я обнаружил, что мальчики и девочки обладают поразительной способностью подсознательно читать сокровенные мысли учителей. Горе тому педагогу, который на словах наставляет одному, а в душе следует совершенно другому³¹.

Работа учителя проходит главным образом не в классе, а вне его стен³².

Учебный план

Обучение литературе ничего не прибавляет нравственному росту, а формирование характера не зависит от литературной грамотности³³.

Изучение других культур должно следовать за изучением и усвоением собственной, а не предшествовать ему³⁴.

Физическое воспитание должно занимать в учебном плане такое же место, как и науки³⁵.

Плохой почерк можно считать признаком несовершенного образования... выработка хорошего почерка необходимая часть образования³⁶.

Продуманное трудовое обучение нередко лучше совершенствует интеллект, чем бессистемное чтение литературы³⁷.

Овладение грамотой – это не цель и даже не начало образования. Это всего лишь одно из средств, с помощью которых человек может получить образование. Обучение грамоте само по себе это не образование³⁸.

Большое внимание, которое в наших колледжах уделяют так называемому образованию в области искусств, просто пустая трата времени, приводящая к безработице в среде образованных классов общества. Более того, такое образование причинило страшный вред как умственному, так и физическому здоровью детей, имевших несчастье попасть в жернова наших колледжей³⁹.

Религиозное воспитание и образование

Если Индия не хочет в ближайшее время объявить себя духовным банкротом, то религиозное воспитание молодежи должно считаться таким же необходимым, как и светское образование⁴⁰.

Я всегда отдавал пальму первенства культуре души и формированию характера, и, более того, я считаю, что нравственное воспитание должно касаться в равной мере всех, независимо от возраста и уровня образования⁴¹.

Я считаю, что каждый учащийся должен быть знаком с элементами своей родной религии и иметь общее представление о ее священных текстах... Закалка и воспитание духа – это отдельная, ценная сама по себе задача. Развивать дух, значит формировать характер и учить человека находить путь к Богу и самореализации. Всякое обучение без культуры духа бесполезно и может даже принести вред. Тренировка духа не осуществима по книгам. Точно так же, как тренированности тела достигают физическими упражнениями, интеллектуального совершенства – упражнениями умственными, так и духовное совершенство возможно только в результате упражнений духовных. Они целиком и полностью зависят от образа жизни и характера учителя. Я увидел, что должен всегда служить образцом для мальчиков и девочек, живших со мной. Таким образом, они стали моими учителями, у них я научился тому, что надо быть добрым и жить честно – хотя бы ради них⁴².

В учебном плане религиозного образования должно быть предусмотрено ознакомление с доктринами иных религий. Для этого учащиеся должны выработать у себя привычку понимать и оценивать учения великих мировых религий в духе преклонения и терпимости. Если сделать это правильно, то такой подход позволит учащимся лучше понять свою собственную религию и обрести уверенность в своих духовных силах⁴³.

Культура ума должна быть подчинена культуре сердца⁴⁴.

Я не верю в то, что государство может справиться с религиозным обучением и воспитанием. Я убежден, что этим должны заниматься религиозные объединения. Не надо путать религию с этикой. Полагаю, что в своих основах этика едина для всех религий. Преподавание основ этики – это, без сомнения, прерогатива государства. Под религией я понимаю не фундаментальную этику, а то, что называют исповеданием веры. Мы уже достаточно пострадали от поддерживаемой государством религии и государственной церкви. Общество или группа лиц, частично или полностью зависящие в своей вере от помощи государства, не заслуживают, а лучше сказать, не имеют никакой религиозной ценности и не могут называться религиозными⁴⁵.

Преступление

(См. также раздел «Тюремное заключение» в главе 6.) Когда порок становится модой или даже доблестью, бороться с ним приходится очень и очень долго⁴⁶.

Слово «преступник» должно стать табуированным в нашем лексиконе. В противном случае мы все окажемся таковыми... Как заявил некогда один тюремщик, все мы втайне преступники. В этом высказывании, хотя оно и было сделано в полушутливом тоне, содержится большая доля истины⁴⁷.

Обязанность общества – не проявлять бессердечия мачехи к тем, кто презирает или нарушает его установления⁴⁸.

По совести, я не могу согласиться с оправданием смертных приговоров... Если человек убит, то никакое наказание уже не способно его вернуть или воскресить. Только Бог может отнимать жизнь, ибо Он один ее дает⁴⁹.

Лично я не верю в тюремное заключение как в адекватное наказание даже для лиц, совершивших преступления с применением насилия⁵⁰.

Если бы это было в моей власти, я б открыл двери тюрем и выпустил на волю всех заключенных, даже убийц⁵¹.

Всякое преступление – своего рода болезнь, и реформаторам придется эти болезни лечить. Отсюда не следует, что мы однажды сможем отправить в отставку всю полицию и перестанем считать случаи нарушения законов преступлениями, но полицейские меры не устраняют причин такого социального бедствия, как преступность⁵².

Всех преступников надо рассматривать как больных, а тюрьмы надо превратить в госпитали, куда эти больные поступали бы для лечения и исцеления⁵³.

Глава 11

Культура и профессии

Восток и Запад

(См. также раздел «Машины и индустриализация» в главе 8.) Тенденция индийской цивилизации – возвышение нравственного бытия, тенденция западной – пропаганда безнравственности. Последняя тенденция безбожна, первая – основана на вере в Бога¹.

Современная [западная] цивилизация главным образом материалистична, наша же главным образом духовна. Современная цивилизация исследует законы материи и использует человеческие дарования для изобретения или открытия средств производства и орудий разрушения; наша цивилизация занимается исследованием духовных законов².

То адское безумие, которое творится сейчас в Европе, показывает, что современная цивилизация представляет силы зла и тьмы, а древняя, то есть индийская цивилизация, – это по своей сущности божественная сила³.

Систематическое изучение азиатской культуры не менее важно, чем освоение западных наук⁴.

Мне от всего сердца отвратительно желание уничтожить пространство и время, разжигание животных appetitov и путешествия на край света ради удовлетворения таковых. Если окажется, что современная цивилизация стоит за все это, и если я увижу, что все действительно так, то я назову ее сатанинской⁵.

Я не считаю, что все древнее хорошее только потому, что оно древнее. Я не призываю к отказу от божественной способности трезво мыслить перед лицом традиции. Если любая традиция, какой бы древней она ни была, противоречит нравственности, ее следует изгнать из страны⁶.

Многие из тех, кто призывает возродить древнюю культуру, не колеблясь, оживят под ее маской старые суеверия и предрассудки⁷.

Меня отнюдь нельзя назвать неразборчивым, суеверным почитателем всего того, что проникает к нам под видом древней традиции. Я без колебаний готов уничтожить все зло и безнравственность, какими бы древними они ни были, но я отнесусь к этой задаче очень и очень осмотрительно. Признаюсь вам, что я обожаю древние учреждения и мне больно думать, что люди в своем стремлении ко всему современному отказываются от своих древних традиций и пренебрегают ими в повседневной жизни⁸.

Всем, что я сделал полезного моей стране, я обязан – целиком и полностью – своей приверженности восточной культуре в той мере, в какой это было возможно. В противном случае массы смотрели бы на меня как на бесполезное, англазированное, лишенное национальности существо, ничего не понимающее в реальности и, более того, возможно, презиращее их образ жизни, привычки, обычаи, думы и чаяния⁹.

Ни один восточный мыслитель не боится, что если западные страны придут в близкое соприкосновение с Востоком, здешняя культура будет сметена, как песок, мощным приливом чужой цивилизации... Восточная цивилизация не только не боится, но и положительно приветствует контакт с цивилизацией западной¹⁰.

Зачем нам быть грязным бельем западной цивилизации?¹¹

Я хочу, чтобы культуры всех стран свободно оевали мой дом. Но я не хочу, чтобы эти ветры сбивали меня с ног¹².

Западная культура

Цивилизация грызет нас, подобно мыши, но одновременно и одурманивает. Когда мы осознаем все ее последствия, мы поймем, что религиозные суеверия безвредны и невинны в сравнении с современной цивилизацией¹³.

Я был и остаюсь убежденным противником современной цивилизации¹⁴.

Современная цивилизация в том виде, в каком она представлена на Западе, уделяет материи место, которое по праву должен занимать дух. Цивилизация возвела на трон насилие и подавляет истину и невинность¹⁵.

Мне многое не нравится в западном образе жизни, но есть вещи, перед которыми я испытываю искреннее восхищение. Увлечения западного человека исполнены глубокого смысла¹⁶.

Западные мыслители утверждают, что основа их цивилизации – это преимущество силы перед правом. Следовательно, поборники такой цивилизации посвящают почти все свое время пестованию грубой силы¹⁷.

Хочу разуверить тех, кто считает, будто я без разбора отрицаю все, что приходит с Запада. Я и сам усвоил множество западных новшеств¹⁸.

Запад всегда вызывал у меня восхищение своими достижениями в области хирургии и вообще прогрессом в медицине¹⁹.

Я всегда очень прилежно изучал устройство западного общества и открыл, что под лихорадочным смятением, владеющим душой западного человека, скрывается неистребимая жажда познания истины. Я очень высоко ценю ее²⁰.

Ничто не мешает мне получать пользу от света, приходящего к нам с Запада. Самое главное при этом – не дать блеску его достижений ошеломить себя. Надо отделять блеск от истинного света²¹.

Западные народы ныне стонут под игом чудовищного бога материализма. Этот материализм замедляет их нравственный рост. Свой прогресс западные народы измеряют фунтами, шиллингами и пенсами. Образцом стало богатство Америки. Все другие нации завидуют американцам. От моих соотечественников я часто слышу, что нам надо достичь американского уровня процветания, но избежать применения американских методов его достижения. Я осмелюсь предположить, что такая попытка, даже если бы она состоялась, была бы обречена на неудачу. Мы не можем в одно и то же время оставаться мудрыми, умеренными и яростными²².

Языки

(См. также раздел «Национальные языки Индии и английский язык» в главе 12.)
Мир полон драгоценностей невиданной красоты, но не все эти перлы выражены английским языком²³.

Ни одна страна не сможет стать настоящей, если все будут сами себе переводчиками. Подумайте, что бы произошло с англичанами, если бы у них не оказалось авторизованной версии Библии²⁴.

Дети страны, где образование получают на чужом языке, совершают самоубийство. Обучение на иностранном языке лишает их природных прав. Чужая среда непомерным бременем ложится на плечи молодых людей и лишает их оригинальности. Она замедляет развитие учащихся и изолирует их от родины²⁵.

Не было в мире большего заблуждения, чем уверенность в том, что какой-то определенный язык не в состоянии выразить отвлеченные понятия или научные идеи. Язык есть точное отражение характера и уровня развития его носителей²⁶.

Как смеем мы стирать из памяти годы нашего раннего детства? Но именно это и происходит, когда мы начинаем познавать жизнь посредством чужого языка²⁷.

Различия в алфавитах – это досадное препятствие, мешающее людям из одной провинции понимать язык жителей других провинций²⁸.

Искусство

Музыка – это ритм, порядок. Она оказывает на людей магическое влияние. Она быстро успокаивает. Будучи в Европе, я видел, как один изобретательный полицейский начальник заводил в громкоговорителе популярные песни, чтобы успокоить готовую разбушеваться толпу. К сожалению, музыка... остается уделом немногих – либо приманкой проституток от искусства, либо собственностью приверженцев религии из высших классов. Она никогда не была национализированной в современном смысле этого слова²⁹.

Истинное искусство заботится не только о форме, но и о том, что за ней скрывается. Есть искусство убивающее и искусство, дарящее жизнь... Истинное искусство – это свидетельство счастья, умеренности и чистоты автора³⁰.

В конечном счете все прекрасное заключается в чистоте сердца³¹.

Музыка подарила мне душевный мир. Я помню моменты, когда музыка приводила мой ум в созерцательно-безмятежное состояние, когда что-то сильно меня возбуждало. Музыка помогала мне преодолевать гнев³².

Всякое истинное искусство – это выражение души. Внешние формы имеют ценность только до тех пор, пока они передают внутренний дух человека... Я знаю, что очень многие называют себя художниками, но в них не заметно и следа рвущейся ввысь души... Всякое истинное искусство должно помогать душе понять ее внутреннюю сущность³³.

Я вижу и нахожу красоту через истину. Все истины – не только истинные идеи, но и истинные лица, истинные картины, истинные песни – в высшей степени прекрасны. Искусство расцветает там, где люди начинают видеть красоту в истине. С другой стороны, искусство может проявляться в формах, внешне далеко не прекрасных. Говорят, что Сократ – самый правдивый человек своего времени – считался самым безобразным из греков. Но, на мой взгляд, он был прекрасен, потому что всю жизнь стремился к истине³⁴.

Чистота жизни – это высшее и самое правдивое из искусств. Искусство пения хороших мелодий красивым голосом постигают многие, но искусство создавать музыку из гармонии чистой жизни доступно очень малому числу людей³⁵.

В моей комнате голые стены. Если бы я мог, то отказался бы от потолка, чтобы ночами созерцать звездное небо, простирающееся над нами в своей несравненной красоте. Какое рукотворное человеческое искусство может дать такую панораму, какую я вижу, когда смотрю ввысь на сияние звезд? Все, что мешает полету души, есть обман и мошенничество³⁶.

Человечество не может жить одной лишь логикой, ему необходима и поэзия³⁷.

Пресса

Одна из задач газеты – это понять чувство народа и выразить его; другая задача состоит в возбуждении в людях желательных чувств; третья задача – бесстрашно обнажать общественные пороки³⁸.

Какую финансовую прибыль могла бы получить страна, если б в каждой провинции было только одно рекламное издание – не газета, – содержащее правдивые, неприкрашенные сведения о предметах, полезных людям! Но из-за нашего преступного равнодушия мы платим огромные косвенные налоги на вредную рекламу³⁹.

Я не верю, что можно вечно издавать газету с убытком или только за счет рекламы. Если газета кому-то нужна, то она окупается уже самим этим фактом⁴⁰.

Многие из вас [студентов] читают газеты. Не думаю, что смею призывать вас отказаться от этого занятия; но я все же хотел бы попросить вас избегать всего, что представляет эфемерный интерес, а я могу с полной уверенностью сказать вам, что в газете нет ничего, представляющего постоянный интерес. В газетах не содержится ничего полезного для формирования характера, но тем не менее я понимаю страсть людей к чтению периодики⁴¹.

Я всегда стремился установить тесные и чистые отношения между издателем и читателями... Единственная цель журналистики – служение народу. Газета – великая сила, но как вырвавшаяся на волю вода затопляет целые города и уничтожает урожай, так и необузданное перо служит только разрушению. Если контроль осуществляют извне, то он оказывается еще более вредным, чем отсутствие всякого контроля. Контроль может быть эффективным и полезным, только когда он осуществляется изнутри. Если это верно, то много ли найдется в мире журналистов, по-настоящему достойных своего звания? И кто остановит тех, кто ему не соответствует? Кто будет судьей? Полезное и бесполезное – как добро и зло – должны идти по жизни рука об руку, а выбирать между ними придется самим людям, то есть читателям⁴².

Человек, с которым считают нужным общаться по телеграфу, надувается от важности, которой он по своей сути вовсе не обладает⁴³.

Газетчики стали чумой нашего времени⁴⁴.

Закон и юристы

Железные дороги, адвокаты и врачи настолько разорили страну, что если мы не проснемся, то они разрушат ее до конца⁴⁵.

Юристы – тоже люди, а в каждом человеке можно найти что-то хорошее. В тех случаях, когда благодаря адвокату побеждало добро, часто это происходило из-за человечности, а не по причине профессионализма⁴⁶.

Адвокаты обычно провоцируют конфликты, вместо того чтобы их улаживать. Более того, люди выбирают профессию адвоката не для того, чтобы помочь другим справиться с несчастьями, а чтобы озолотиться самим. Адвокатура – превосходный путь к богатству, и в интересах адвокатов множить конфликты. Насколько я знаю, они бывают просто счастливы, когда между людьми возникают ссоры⁴⁷.

Истинной целью адвоката должно быть сближение тяжущихся сторон. Это правило настолько сильно отпечаталось у меня в душе, что большую часть тех двадцати лет, когда я практиковал как адвокат, я посвятил нахождению компромиссов в сотнях случаев. При этом я ничего не потерял – ни денег, ни души... Я научился истинному применению законов, научился апеллировать к лучшим сторонам человеческой души и взывать к сердцам людей⁴⁸.

Это вполне реально – заниматься адвокатской практикой и не исказить истину. Но даже придерживаясь истины, адвокат не может избавить свою профессию от фундаментальных изъянов, которые делают ее в целом порочной⁴⁹.

Если вы хотите привнести духовность в юридическую практику, то не подчиняйте свое призвание интересам кошелька, как это, к несчастью, часто случается в наше время, а употребите профессию на служение стране... Адвокаты везде заламывают бесовестные цены на услуги... В своей практике эти люди часто идут на сознательный или бессознательный обман ради интересов своих клиентов... Долг адвоката тем не менее – свидетельствовать перед судом и помогать ему прийти к истине, а не доказывать невиновность виновного⁵⁰.

Адвокаты и люди с английским образованием не обладают монополией на педантизм⁵¹.

Наука

Я всей душой отвергаю вивисекцию. Мне отвратительно непростительное уничтожение жизни во имя науки и так называемой гуманности, а все открытия, сделанные за счет пролитой крови невинных, я полагаю никчемными. Если теорию кровообращения не представлялось возможным создать без вивисекции, то человечество могло бы прекрасно без нее [теории] обойтись⁵².

Я не противник прогресса науки как такового. Мало того, научный дух Запада вызывает у меня неподдельное восхищение, и если это восхищение имеет пределы, то только потому, что ученые Запада пренебрегают интересами малых божьих тварей⁵³.

Все во Вселенной, включая солнце, луну и звезды, подчиняется определенным законам. Без их ограничивающего влияния мир не смог бы просуществовать и единого мгновения⁵⁴.

Как же мало знает наука! В жизни есть вещи куда важнее, и в Боге мы найдем больше великого, чем в химии⁵⁵.

История

Сотни народов живут в мире. История не отмечает и не может отметить данный факт. История – это запись о каждом насильственном вмешательстве в мирный ход событий, управляемых силами любви и души... История – это регистрация возмущений в спокойных процессах природы⁵⁶.

История, как нам известно, представляет собой записи о войнах в мире... она напоминает нам, как поступали цари и короли, как они становились врагами и как пытались убить друг друга – все вещи такого рода очень точно и тщательно отображены в истории. Однако если бы все это было единственным, что происходило в мире, то он давно бы окончил свои дни⁵⁷.

Прогресс народов и стран осуществляется как эволюционно, так и революционно... История есть перечень чудесных революций, а не описание упорядоченного прогресса, и больше прочих этим отличается английская история⁵⁸.

Если мы хотим прогресса, то нам следует не повторять историю, а творить ее заново. Мы должны приумножить наследие, оставленное нашими предками⁵⁹.

Индийская история, написанная на основании оригинальных источников индийским патриотом, будет отличаться от истории, написанной английским бюрократом, несмотря на то что при написании оба могут быть максимально честными. Мы совершаем роковую ошибку, принимая за правду английские оценки событий нашей национальной жизни⁶⁰.

Я верю: то, что кажется нам утопией сегодня, станет явью завтра. История изобилует такими примерами... Разве это не трагично, что духовные деяния и вечные истины наша молодежь считает утопией, а ходульные и недолговечные – пользуются неподдельным уважением и считаются полезными и практичными?⁶¹

Глава 12

Индийские проблемы

Индия

Индия должна научиться жить, прежде чем она сможет претендовать на гибель во имя человечества¹.

Я никогда не подпишусь под суеверием, согласно которому все древнее по определению хорошее. Я также не верю, что любая вещь прекрасна, если она индийская².

Свободная Индия не будет замкнутой, угрюмой и недовольной. Она станет сильной державой и использует свою мощь на благо человечества³.

Индийская культура не может быть названа индуистской, или мусульманской, или какой-то еще. Индийская культура – это слияние всех религий, и, кроме того, индийская культура – восточная по самой своей сути⁴.

Свобода Индии должна революционизировать представления людей Земли о мире и войне... Пробудившаяся Индия обращается к стонущему человечеству с посланием мира и доброй воли⁵.

[Индия] только тогда станет по-настоящему духовной страной, когда мы сможем показать миру больше истины, чем золота, больше бесстрашия, чем помпезной властной гордыни, больше милосердия, чем эгоистической самовлюбленности. Если только мы очистим наши дома, дворцы и храмы от скверны богатства и украсим их атрибутами нравственности, то мы сможем выдержать любую борьбу с врагами, не отягощая себя мощной армией⁶.

Независимость (сварадж)

Как только человек поймет, что не по-человечески подчиняться несправедливым законам, никакая тирания не сможет его поработить. В этом ключ к самоуправлению и независимости⁷.

Сварадж навеки останется недостижимой мечтой, если не будет создан неразрывный союз между индуистами и мусульманами Индии. Временное перемирие не годится для данной цели. Это должно быть сотрудничеством равных людей, уважающих чужую религию⁸.

Сварадж... означает полную свободу мнений и действий без вмешательства в право других на такую же свободу мнений и действий. Следовательно, он означает полный контроль самой Индией источников ее доходов и расходов без вмешательства любой другой страны⁹.

Сварадж – это свобода для всех, включая самых малых среди нас, делать все, что они считают нужным, безо всякого физического посягательства на их свободы¹⁰.

Сварадж заключается не в смене правительства... Он требует реального изменения души народа¹¹.

Сварадж не может стать даром одного народа другому. Это сокровище должно быть добыто ценой лучшей крови народа. *Сварадж* станет плодом непрерывного труда и безмерных страданий¹².

Под *свараджем* я имею в виду управление Индией с согласия народа, подавляющего большинства ее взрослого населения, мужчин и женщин, рожденных в стране или выбравших ее своим домом, людей, отдающих свой физический труд служению государству и зарегистрировавшихся в качестве избирателей... *Сварадж* будет достигнут просвещением масс и убеждением в их способности контролировать и направлять власть¹³.

На пути к *свараджу* нас ждет долгое и болезненно трудное восхождение... Оно невозможно без просвещения народа, то есть без просвещения масс, без пробуждения в них национального самосознания. Оно не произойдет мгновенно, как по мановению волшебной палочки. Оно будет осуществляться медленно и почти незаметно, как растет дуб¹⁴.

Самоуправление означает непрерывность усилий по сохранению независимости от правительства – будь оно иностранное или национальное¹⁵.

Откладывать социальные реформы до достижения *свараджа* – это значит не понимать его сути¹⁶.

Оскорбление любого порядочного представителя народа – еще одна капля в чаше оскорбления всего народа как целого¹⁷.

Одно лишь выведение английского языка из обихода – это еще не завоевание независимости. Она будет достигнута тогда, когда обычные деревенские жители осознают, что они сами творцы собственной судьбы и законодатели, принимающие законы через своих свободно избранных представителей¹⁸.

Обращение народа, который осознанно или невольно угнетал другой, более многочисленный, более древний и, без сомнения, не менее культурный народ, – это предприятие, ради которого можно пойти на любой риск. Я намеренно употребил слово «обращение», ибо претендую ни много ни мало на ненасильственное обращение британского народа, чтобы он увидел и осознал зло, причиненное им Индии¹⁹.

Отечественная промышленность (свадеши)

Свадеши – это тот присущий нам дух, который заставляет нас использовать для производства внутренние ресурсы, а не чужеземные²⁰.

Если бы никакие товары не поступали в Индию извне, она давно бы уже стала страной, где текут молоко и мед... Индия может получить настоящую самостоятельность только тогда, когда все необходимое будет производиться внутри страны²¹.

Свадеши не сводится к надеванию по праздникам произведенных в Индии предметов туалета. Конечно, мы нарушаем дух *свадеши*, если носим импортную одежду, но мы нарушаем его и в том случае, когда просто сохраняем иностранный покров²².

Индия – это страна, готовая жить и умереть за прялку. Всякая женщина может рассказать любопытному, что с исчезновением прялки ушло также счастье и процветание Индии²³.

Мы ограничиваем себя в еде, чтобы больше тратить на одежду, и, таким образом, скатываемся во все более и более глубокую нищету. Мы погибнем, если такие промыслы, как прядение вкупе с ткачеством, идущие рука об руку с сельским хозяйством, исчезнут из наших деревень²⁴.

Я бы использовал прялку как фундамент, на котором можно и должно построить процветающую деревенскую жизнь; я бы сделал прялку центром, вокруг которого вращались бы все остальные виды деятельности²⁵.

В широком толковании *свадеши* – это использование только отечественных изделий, за исключением тех иностранных товаров, которые необходимы для защиты отечественной промышленности²⁶.

Ручное прядение... предлагает немедленное, практичное и непреходящее

решение ключевой проблемы, терзающей Индию, а именно вынужденного безделья подавляющего большинства населения страны в течение полугода из-за отсутствия какого-либо занятия, дополняющего сельское хозяйство, что, в свою очередь, приводит к хроническому голоданию масс²⁷.

Чаркха – это не величайшее благо для наибольшего числа людей, это величайшее благо для всех²⁸.

Я считаю, что надо любой ценой добиться производства большого количества домашней пряжи... Прялка с некоторых пор весело жужжит в моей комнате, и я могу без преувеличения сказать, что этот звук немало содействовал восстановлению моего здоровья. Правда, я готов признать, что эффект был скорее психологическим, чем физическим. Я с нетерпением жду того момента, когда весь мой наряд будет состоять исключительно из *кхади*. Моя задача – организовать производство домотканой одежды и найти способ широко продавать изготовленную таким образом *кхади*. Я ратую за эту форму *свадешти*, потому что так я смогу гарантированно занять полуголодных и наполовину безработных индийских женщин. Моя идея заключается в том, чтобы эти женщины пряли пряжу, из которой потом можно наткать полотна и сшить *кхади* – в нее мы оденем народ Индии²⁹.

Я никогда не был сторонником запрещения иностранных товаров только лишь из-за того, что они иностранные. Мое экономическое кредо заключается в том, что полный запрет должен касаться импорта вещей, которые могут принести вред нашей отечественной промышленности. Это означает, что мы ни в коем случае не должны ввозить товары, которые способны в достаточном количестве производить дома. Я никогда не стану добиваться запрета на ввоз каких-либо товаров из-за злой воли или ненависти³⁰.

Ручное прядение никоим образом не может конкурировать с промышленным и тем более не способно его вытеснить. Оно не имеет целью лишить работы ни одного человека, который может найти себе более прибыльную профессию, чем ручное прядение³¹.

Чаркха – это не новое изобретение, подобное автомобилю Форда; это новое открытие давно забытого. Так беспризорный ребенок находит свою потерянную

мать³².

Мне грешно носить последний крик моды с Риджент-стрит, если я понимаю, что надевая созданное моими соседями – прядильщиками и ткачами, я не только удовлетворяю свои потребности, но и даю этим людям возможность покупать одежду и еду³³.

Каждый ярд иностранного полотна, ввезенный в Индию, вырывает кусок хлеба изо рта наших бедняков³⁴.

На мой взгляд, свадеши – это не бойкот импорта, объявленный из мести. Я рассматриваю его как достойный следования религиозный принцип³⁵.

Национальные языки Индии и английский язык

(См. также раздел «Языки» в главе 11.) Английский – язык международной торговли; кроме того, это язык дипломатии. Английский – богатая литературная сокровищница, он позволяет нам проникнуть в западное мышление, познакомиться с западной культурой. Таким образом, некоторым из нас он действительно необходим. Такие люди должны заниматься торговлей, дипломатией и обеспечивать народ знаниями о лучших достижениях Запада в литературе, культуре и науке. Это вполне оправданное употребление английского языка. Но сегодня в Индии английский узурпировал то место, которое должны занимать в нашем сердце родные языки³⁶.

Наивысшее развитие индийского ума и сознания должно стать возможным без английского языка. Это настоящее насилие над мужчинами и в особенности над женщинами Индии – укреплять и поощрять нашу молодежь в убеждении, будто попасть в высшее общество невозможно без знания английского. Это невыносимо унижительная мысль. Избавление от безумного увлечения английским – вот одна из главных целей *свараджа*³⁷.

Из всех поразивших Индию предрассудков самым нелепым является мнение о том, что знание английского необходимо для усвоения идеи свободы и для обретения привычки к строгому и точному мышлению³⁸.

Для меня невыносима сама мысль о том, что наши родные языки будут и впредь подавляться и вытесняться. Я не могу смириться с тем, что родители пишут детям, а мужья – женам не на своем родном языке, а по-английски. Я не хочу, чтобы хоть один индиец забыл родной язык, пренебрегал бы им или стыдился его; я желаю, чтобы ни один индиец не думал, будто не способен выразить свои сокровенные чувства и самые лучшие мысли на родном языке³⁹.

Индийцы, которые учат своих детей с младенчества говорить и думать по-английски, предают себя и свою страну. Такие родители лишают детей их духовного и социального наследия, делают их неспособными к служению родине⁴⁰.

Молодежь нации, чтобы остаться частью народа, должна получать образование, в том числе и высшее, на одном или нескольких местных языках. Юноши и девушки не сумеют установить живой контакт с массами, если свои знания получают посредством языка, чуждого народу. Кто сможет подсчитать неизмеримый вред, причиненный стране из-за того, что тысячи молодых людей были вынуждены потратить лучшие годы на совершенное освоение иностранного языка, которым им почти не придется пользоваться в обыденной жизни, – при том что, изучая его, они были вынуждены пренебрегать своим языком и своей литературой?⁴¹

Деревни и сельское хозяйство

Каждый раз, когда я слышу о возведении очередного дворца в каком-либо большом индийском городе, будь то в Британской Индии или в части страны, управляемой нашими местными вождями, я с горечью думаю: «О, эти деньги были отняты у земледельцев»⁴².

Нашего спасения можно ожидать только от крестьянина. Ни адвокаты, ни врачи, ни богатые землевладельцы не сумеют этого сделать⁴³.

Крестьяне и рабочие воплощают собой Индию. Их бедность – проклятие и преступление Индии. Только их благополучие может сделать ее страной, пригодной для жизни⁴⁴.

Движение молодых образованных людей в деревни есть попытка установления здорового контакта с деревенским людом тех, кто, воспламенившись духом служения, захотел поселиться в деревне и служить своими знаниями народу⁴⁵.

Настоящая Индия живет не в нескольких крупных городах, а в 700 000 деревень⁴⁶.

Если вы начнете искренне говорить с индийскими крестьянами, то, несомненно, сразу заметите, насколько мудры их речи. За грубой наружностью вы обнаружите кладезь духовности⁴⁷.

Землевладельцы должны воспользоваться шансом. Надо дать им возможность прекратить быть праздными рантье. Они должны стать доверенными лицами и преданными друзьями своих арендаторов⁴⁸.

Неприкасаемость

Мы никогда не достигнем *свараджа*, если не избавимся от яда неприкасаемости, отравляющего индуистскую часть индийского общества. *Сварадж* останется пустым словом, если мы будем и дальше держать во тьме пятую часть населения страны, сознательно отказывая этим людям в плодах культуры⁴⁹.

Я никогда не мог примириться с неприкасаемостью и всегда считал ее уродливым наростом... Неприкасаемость противна разуму и инстинкту милосердия, жалости и любви. Религия, требующая уважения к корове, не может настаивать на жестоком отношении к человеческим существам, на бойкоте целого угнетенного класса. Индуисты никогда не заслужат свободы и никогда ее не получат, если не освободят свою благородную религию от позорного пятна неприкасаемости. Так не станем же отрицать Бога, отказывая одной пятой нашего племени в правах равного участия в его жизни!⁵⁰

То, что неприкасаемость существует даже среди самих неприкасаемых, демонстрирует факт, что зло невозможно ограничить какими-то рамками, его смертельный яд беспрепятственно распространяется повсюду. Существование неприкасаемости среди неприкасаемых – еще одна причина для культурного сообщества индуистов как можно скорее избавиться от этого проклятия⁵¹.

Мне очень больно сознавать, что даже теперь, спустя пять лет после начала активной пропаганды против неприкасаемости, находятся образованные люди, поддерживающие этот безнравственный и злой обычай. То, что уверенность в справедливости неприкасаемости может гнездиться в голове образованного человека, не добавляет истинности такому убеждению, но лишний раз приводит в отчаяние, ибо укрепляет нас во мнении, что сам факт получения образования ничего не прибавляет ни характеру, ни способности здраво мыслить⁵².

Если бы мне пришлось родиться заново, я желал бы стать неприкасаемым, чтобы на своей шкуре ощутить беды, страдания и притеснения этих людей и чтобы затем я изо всех сил старался освободить себя и их от жалкой доли. Вот почему я всегда молился о том, что если мне суждено родиться заново, то пусть я буду рожден не *брамином*, не *киатрием*, не *вайшьей* или *шудрой*, а именно

неприкасаемым⁵³.

Некоторые толкуют об отмене физической неприкасаемости, другие говорят о праве неприкасаемых пользоваться общественными колодцами, посещать школы и храмы. Но на самом деле надо идти еще дальше. Надо полюбить неприкасаемых как самих себя, чтобы каждый раз, когда вы их видите, вы могли бы почувствовать себя одним из них⁵⁴.

Для меня неприкасаемый в сравнении с нами есть на самом деле *хариджан* – человек Бога, в то время как мы – *дуриджаны*, люди зла. Мы получаем огромную радость от того, что неприкасаемые, занимаясь тяжким трудом и пачкая руки в нечистотах, позволяют нам комфортно жить в «чистоте». Только мы, и никто больше, ответственны за все недостатки и пороки, в которых обвиняем неприкасаемых. Мы тем не менее тоже можем еще стать *хариджанами*, но это случится только тогда, когда мы покаемся в своих прегрешениях против них⁵⁵.

Мы находимся слишком близко к сцене, на которой разыгрывается трагедия, и поэтому не понимаем, что язва неприкасаемости давно переползла предписанные ей границы и теперь подрывает моральные устои всей нации. Общественную атмосферу пропитывает девиз «Не прикасайтесь ко мне!». Я уверен, что если мы разберемся в сути, в источниках этого явления, то очень скоро забудем о кастовых и религиозных различиях и уверуем в то, что неделимы не только индуисты, что то же самое относится ко всем ветвям религии – к мусульманам, сикхам, парсам, иудеям и христианам, веры которых суть не что иное, как побеги одного и того же дерева, ибо религий много, а Религия – одна. Я хочу, чтобы мы извлекли именно такой урок из нашей борьбы с неприкасаемостью. И мы извлечем его, если проникнемся истинным религиозным духом и непреклонной решимостью⁵⁶.

Храмы и другие культовые сооружения собственность не только ортодоксов, но и всех индусов. Следовательно, сама идея запретить части индуистов посещать храмы есть проявление насилия. Потому требуется вмешательство законодателей, для того чтобы защитить фундаментальные права этих людей⁵⁷.

В глазах Бога, создавшего всё в мире, все Его создания абсолютно равны. Если бы Он хотел неравенства высших и низших, мужчин и женщин, Он бы сделал это неравенство видимым, как сделал видимым неравенство между, скажем, слоном и муравьем. Но Бог беспристрастно наделил всех людей одним и тем же строением тела и одними и теми же естественными потребностями. У нас нет никакого права смотреть свысока на других людей, которых мы почему-то считаем ниже себя⁵⁸.

Неприкасаемости не должно быть не только в отношениях среди индуистов; не должно быть никакой неприкасаемости между индуистами, христианами, мусульманами, парсами и остальными... именно неприкасаемость со всеми ее скрытыми формами разделяет нас и делает жизнь неприятной и трудной⁵⁹.

Отношение «Не прикасайтесь ко мне!», которое уродует в настоящее время индуизм, я считаю болезненным наростом на нем. Оно выдает в его носителях твердолобость и слепое высокомерие. Такое отношение отвратительно как духу религии, так и светской морали⁶⁰.

Смысл борьбы с неприкасаемостью заключается не только в том, чтобы мы начали прикасаться к таким людям. На самом деле у этой борьбы намного более глубокий смысл⁶¹.

У меня нет никакого желания родиться заново, но если мне все же суждено появиться на свет еще раз, то я хотел бы оказаться среди неприкасаемых, чтобы разделить их тяготы и получить возможность бороться за их освобождение⁶².

Каста (варна)

Варнашрама [кастовая система], по моему мнению, искони присущ человеческой природе, индуизм просто придал ей научный вид. Принадлежность к *варне* не привязана к рождению. Человек не может произвольно изменить свою *варну*. Не подчиняться требованиям *варны* – это значит нарушить закон наследования. Однако разделение на бесчисленное множество каст есть вольность, допущенная доктринерами. Вполне достаточно четырех каст. Четыре класса определяют призвания людей, но ни в коей мере не ограничивают и не регулируют социальные взаимоотношения между ними. Все рождаются на служение Богу: *брамины* служат Ему своими знаниями, *кшатрии* – доблестью, *вайшьи* – торговлей, а *шудры* – физическим трудом. *Варнашрама* призывает к самоограничению, сохранению традиций и сбережению сил⁶³.

Варна не имеет ничего общего с кастой. Каста – это уродливый нарост, подобный неприкасаемости, на теле индуизма. Но разве не видим мы таких же уродливых наростов на теле христианства и ислама? Боритесь с кастовостью всеми силами и любыми средствами. Покончим с чудовищем касты, рядящимся в одежды *варны*!⁶⁴

Допущение превосходства одного человека над другим – грех против Бога и человечества. Так, каста, если она обозначает различие в социальном статусе, есть зло⁶⁵.

Я не верю в пользу каст в современном смысле данного понятия. Это все равно нарост, препятствие прогрессу⁶⁶.

На самом деле никаких *варн* не существует, так как принцип деления на *варны* давно перестал работать. Современное состояние индийского общества можно охарактеризовать как анархию, а четыре *варны* присутствуют в нем лишь номинально. Если уж говорить о *варнах*, то сейчас в Индии на самом деле существует только одна *варна* на всех, на мужчин и женщин: мы все стали *шудрами*⁶⁷.

Варна – это не набор прав и привилегий; *варна* предписывает только обязанности и долг. Никто не может освободить нас от нашего долга, если только мы сами не уклоняемся от его исполнения⁶⁸.

Я убежден в том, что каждый человек рождается с определенными природными наклонностями. Каждый рождается с определенными ограничениями, которые он не в силах преодолеть. Исходя из этих ограничений и был выведен закон *варны*. Он устанавливает сферы деятельности для людей с теми или иными склонностями⁶⁹.

Каста не имеет ничего общего с религией. *Кастовость* вредна также для духовного и национального роста и развития⁷⁰.

Семейные дела

(См. также раздел «Семья» в главе 9 и раздел «Семейные отношения» в главе 13.) Индуизм не считает матримониальный статус важным для спасения. Брак – это такая же случайность, как и рождение⁷¹.

Помощь престарелым и больным родителям первый долг взрослых сыновей. Они не должны жениться, если это помешает им содержать родителей... Молодым людям не следует тем не менее потакать всем капризам неумных и невежественных родителей. Известно, что те могут требовать деньги на показные вещи, вовсе не нужные для поддержания жизни, или на неуместные траты по случаю свадеб дочерей⁷².

Мы не должны расходовать не единой *пайсы* на соблюдение бессмысленных и суеверных обычаев – таких как, например, кастовые обеды или престижные браки. Каждая свадьба и каждые похороны становятся непомерным финансовым бременем, ложащимся на плечи семьи. Мы должны отказаться от привычки считать такие действия актами самоотречения и самопожертвования. Это зло, которому надо противостоять мужественно и решительно⁷³.

Обычай заключения чрезвычайно ранних браков есть нравственное и физическое зло. Он подрывает нашу мораль и ведет к вырождению нации⁷⁴.

Бог индуизма скорее простит молодому человеку женитьбу вне его касты, нежели изнасилование двенадцатилетней девочки⁷⁵.

Всякий молодой человек, делающий величину приданого условием заключения брака, дискредитирует свое образование, позорит страну и оскорбляет женщин... Надо сформировать активное общественное мнение, порицающее разлагающее влияние приданого, а также молодых людей, пачкающих руки его золотом. Этот обычай подлежит полному искоренению. У родителей невест должна перестать кружиться голова от ученых степеней, полученных в английских университетах. Отцы и матери не должны жалеть усилий на то, чтобы вырваться из узкого мирка своей касты, отречься от провинциальности и найти действительно достойных женихов для своих дочерей⁷⁶.

Культура индуизма заблудилась в дебрях чрезмерного подчинения жены мужу и требует полного растворения личности женщины в личности ее супруга. В результате мужья подчас узурпируют в семье власть и злоупотребляют ею, что низводит их до уровня животных⁷⁷.

Я страстно желаю полной свободы для наших женщин. Мне отвратительны ранние браки. Я дрожу от негодования, когда вижу девочку-вдову, я прихожу в ярость, когда наблюдаю, как овдовевший муж с животным безразличием заключает следующий брак. Я осуждаю преступное равнодушие родителей, которые воспитывают неграмотных и невежественных дочерей с единственной целью – выдать их замуж за какого-нибудь богатого жениха⁷⁸.

Девочка десяти-пятнадцати лет, не бывшая полноценным партнером в так называемом браке, не видевшая в глаза своего так называемого мужа, вдруг объявляется вдовой. Но на самом деле она не вдова. Это злоупотребление понятием, это святотатство... Индуизм не считает такие случаи вдовством⁷⁹.

Вдова имеет точно такое же право на повторный брак, что и вдовец. Осознанное вдовство считается в индуизме бесценной добродетелью, а вынужденное – проклятием⁸⁰.

Девочек учат английскому языку, чтобы выгоднее выдать их замуж⁸¹.

Гуру

Я верю в институт *гуру*, но в наши дни миллионам людей приходится обходиться без них, потому что очень трудно найти сейчас в одном человеке сочетание совершенной чистоты и совершенной учености⁸².

Лучше блуждать во тьме и на ощупь, продираться сквозь ошибки, искать путь к Истине, чем довериться человеку, который «не знает, что он ничего не знает»⁸³.

Я верю в индуистское понятие о *гуру* и в его важность для духовной самореализации. Думаю, что есть большая доля правды в утверждении, что получить истинное знание нельзя без *гуру*. Несовершенного учителя можно терпеть в мирских делах, но не в делах духовных. Только совершенный провидец заслуживает почетного звания *гуру*. Следовательно, этот человек должен непрерывно стремиться к совершенству. Становиться *гуру* должны только достойные. Право каждого – постоянно стремиться к совершенству. В этом стремлении уже содержится награда. Все остальное – в руках Бога⁸⁴.

*Думай о Боге как о своем гуру*⁸⁵.

Объединение общин

Если индуист считает, что Индия должна быть населена исключительно его единоверцами, то он живет в стране снов. Индуист, мусульманин, парс и христианин, выбравший Индию своей родиной, – все они соотечественники, и они будут жить в единстве, хотя бы даже в своих корыстных интересах. Нигде в мире религиозная принадлежность не может быть синонимом национальности, такого никогда не было и в Индии⁸⁶.

Я не вижу пути достичь чего-либо важного в нашей больной стране без сердечного единства между индуистами и мусульманами. Я убежден в непосредственной возможности такого единства, потому что оно естественно, потому что оно необходимо обеим общинам и потому еще, что я верю в доброту человеческой природы⁸⁷.

Истинное индуистско-мусульманское единство требует, чтобы мусульмане не просто из политических соображений, не по необходимости терпели индуизм, но чтобы частью их религии стало уважение к тем, кто считает свою религию истинной. Того же самого мы вправе ожидать и от индуистов, которым следует с почтением относиться к религиозным убеждениям других, какими бы отталкивающими ни казались эти воззрения самим индуистам⁸⁸.

Я искал дружбы с добрыми мусульманами и очень хотел постичь образ мыслей людей этой религии, завязывая контакты с самыми чистыми и патриотичными их представителями... В Южной Африке не было истинной дружбы между индуистами и мусульманами. Я никогда не упускал возможности устранять препятствия на пути объединения. Не в моем обыкновении улаживать людей лестью или за счет самоуничужения. Однако мой южноафриканский опыт продемонстрировал, что именно в вопросе единства индуистов и мусульман моя *ахимса* подвергнется самому суровому испытанию. Я до сих пор убежден в этом⁸⁹.

Уверенность в том, что совместные трапезы и межконфессиональные браки [между индуистами и мусульманами] необходимы для роста национального самосознания, есть предрассудок, заимствованный на Западе... Если братья и сестры могут жить в нежнейшей дружбе между собой, не помышляя о браке, то я не вижу препятствия к тому, чтобы моя дочь смотрела на мусульманина как на брата, а он на нее как на сестру... Я был бы в отчаянии и отказался бы от всякого культивирования дружеских отношений с миром, если б мне пришлось признать право каждого молодого человека в мире предложить руку и сердце моей дочери... Я считаю, что индуисты и мусульмане не могут заключать между собой браки и при этом продолжать исповедовать каждый свою религию⁹⁰.

Истинная красота единства индуистов и мусульман заключается в том, что каждый остается верным своей религии и при этом они вместе сохраняют верность друг другу... Единство индуистов и мусульман... зиждется на единстве их целей и на общности бед. Достичь этих общих целей можно, если разделить беды и проявить взаимную терпимость⁹¹.

Оскорблять чужую религию, делать необдуманные заявления, говорить неправду, разбивать головы невинным, осквернять храмы и мечети – это отрицание Бога... Истинным покаянием для мусульманина будет воздержание от причинения зла его индуистскому брату, а истинным покаянием для индуиста можно считать воздержание от причинения зла его брату-мусульманину. Я не прошу ни первых, ни вторых поступиться хотя бы йотой религиозных принципов, пусть их вера будет истинной⁹².

Пакистан

(См. также раздел «Терпимость» в главе 1 и раздел «Объединение общин» в этой главе.) Теория «двух народов» – лживая теория⁹³.

Как человек, проповедующий ненасилие, я не могу силой воспрепятствовать планируемому разделу страны, если на этом настаивают мусульмане Индии. Но я никогда не стану сторонником такой вивисекции. Я использую все методы ненасильственной борьбы, чтобы воспрепятствовать разделу. Он будет означать, что напрасным оказался труд многих поколений индуистов и мусульман, живших бок о бок в единой стране. Раздел – это неверный шаг. Вся моя душа восстает против признания того, что индуизм и ислам представляют собой антагонистические культуры и учения⁹⁴.

Пакистан не может быть хуже иностранного господства⁹⁵.

Разделение Индии на два государства хуже воцарения анархии. Это нетерпимая вивисекция, и не потому, что сам я индуист... Разрежьте меня заживо, прежде чем вы разрежете Индию⁹⁶.

Я считаю неверным шагом... разделять людей из-за их религии, которая склонна к изменениям⁹⁷.

Если можно разделить напололам живой организм, то можно разделить и Индию⁹⁸.

[Обращение к Джинне.] Разрежьте пополам меня, но не делайте этого с Индией⁹⁹.

Миссионерская деятельность

(См. также разделы «Обращение» и «Христианство» в главе 1.) Я не вижу благоразумия, смирения и доброй воли у миссионеров, отождествляющих себя с народными массами Индии¹⁰⁰.

Христианские миссионеры приходят в Индию в тени или, лучше сказать, под защитой временной власти, а это создает непреодолимый барьер между ними и народными массами¹⁰¹.

Один мой друг-миссионер, с которым я познакомился в Южной Африке, до сих пор пишет мне письма, в которых спрашивает, как мои дела. Я всегда отвечаю ему, что, насколько я могу судить, у меня все в порядке¹⁰².

Вы, миссионеры, являетесь в Индию, думая, что пришли в страну язычников, идолопоклонников, в страну людей, не знающих Бога... Вы являетесь сюда, чтобы найти причины несчастий индийцев и искоренить эти причины. Но я надеюсь, что вы способны трезво оценить увиденное, и если Индия может что-то вам дать, то вы не заткнете уши, не зажмурите глаза и не ожесточите свое сердце, а примете все хорошее¹⁰³.

Миссионерам следует изменить свое отношение. Сегодня они говорят людям, что у них нет иного спасения, нежели Библия и вера в Христа. Это обычная практика – опорочить чужую религию и предложить свою как единственную, способную принести спасение. Такое отношение надо в корне пересмотреть. Пусть они явятся к людям и примут их такими, каковы те есть, пусть попытаются сделать индуистов лучшими индуистами, а мусульман лучшими мусульманами. Пусть миссионеры работают в деревнях, пусть увидят все самое хорошее в жизни народа и перестанут предлагать что-либо, несовместимое с ней. Это сделает труд миссионеров более действенным, люди перестанут относиться к их словам с недоверием и враждебностью. Миссионерам следует идти к индуистам в качестве не снисходительных покровителей, но таких же людей; миссионерам не пристало делать одолжения, им надлежит служить народу и работать среди простых людей¹⁰⁴.

Пусть мои друзья-миссионеры помнят, что не кто иной, как один из самых христоролюбивых христиан, Альберт Швейцер, дал уникальное определение христианству, когда отказался «от проповеди и от лекций» и похоронил себя в Экваториальной Африке, чтобы искупить долги Европы перед этим континентом¹⁰⁵.

Христианские миссии небезупречны. Если бы я обладал законодательной властью, то официально запретил бы прозелитизм. Он представляет собой причину многих напрасных классовых конфликтов, которых можно было бы избежать, и изжоги и самих миссионеров. Но я готов от души приветствовать здесь людей любых национальностей, приехавших для того, чтобы бескорыстно служить Индии. В индусских домах приход миссионеров обычно рассматривают как нарушение спокойствия семьи, являющееся в облике новой одежды, манер, языка, еды и питья¹⁰⁶.

Большие и богатые христианские миссии в Индии сослужат ей хорошую службу, если смогут ограничить свою деятельность гуманитарной помощью и отказаться от конечной цели обратить всю страну или, по крайней мере, невежественных крестьян в христианство и разрушить социальный порядок, который, несмотря на многие его недостатки и пороки, с незапамятных времен выдерживает натиски враждебных сил как изнутри, так и извне. Хотим мы – и миссионеры – того или нет, но истинное в индуизме переживет века, а ложное рассыплется в прах. Всякая живая вера, если она желает уцелеть, должна иметь в себе силы для постоянного обновления¹⁰⁷.

Миссионерам я хочу сказать: забудьте, что вы пришли в страну язычников. Помните, что индийцы так же ищут Бога, как и вы. Просто почувствуйте, что не надо внушать им ваши духовные блага, и разделите с ними свое материальное богатство, которого у вас намного больше, чем у них¹⁰⁸.

Миссионеры в Индии подвержены двойному заблуждению. Во-первых, они полагают, что лучше других людей знают, как надо жить; а во-вторых, они думают, будто то, что они считают лучшим для себя, будет лучшим и для всего остального мира. Хочу попросить миссионеров проявить большее смирение¹⁰⁹.

Я уверен, что у американских миссионеров найдется много дел и в Америке¹¹⁰.

Американские и британские деньги, вложенные в миссионерские общества, принесли больше вреда, чем пользы. Нельзя одновременно служить Богу и мамоне. Я же боюсь, что служить Индии послали именно мамону, а Бог отстал где-то на полпути. Но отмщение все равно остается в Его руке¹¹¹.

Дар исцеления насквозь пропитался духом коммерции, потому что у исцеляющих появилось чувство, что в благодарность за такие услуги люди, принимающие их, примут и Христа. Но почему служение не может быть наградой само по себе?¹¹²

Прозелитизм под маской гуманитарной помощи – это, мягко говоря, весьма нездоровое явление. Народ очень им недоволен. Религия в конечном счете дело сугубо личное, оно касается души. Почему я должен менять веру, только потому, что врач, исповедующий христианство, вылечил меня от какой-то болезни, или почему доктор ожидает от меня отступничества, если я нахожусь под его влиянием? Разве оказание медицинской помощи само по себе не может быть наградой и источником удовлетворения? Почему я, занимаясь в учебном заведении христианской миссии, должен выслушивать христианские проповеди? По моему мнению, такая практика не возвышает, а наоборот, вызывает подозрения и даже скрытую враждебность. Методы обращения должны быть, как жена Цезаря, выше подозрений. Веру невозможно дать как материальную вещь. Она внушается языком сердца¹¹³.

Я не против обращения, я против его современных методов. Обращение в наши дни стало обычным бизнесом¹¹⁴.

Во-первых, я предложил бы вам, христианам, миссионерам и всем прочим, строить свою жизнь по образу Иисуса Христа. Во-вторых, практикуйте свою религию без фальсификаций и послаблений. В-третьих, проявляйте любовь, сделайте ее вашей главной силой, ибо любовь – это суть христианства. В-четвертых, изучайте нехристианские религии, проявляйте к ним больше сочувствия, ищите в них что-то хорошее, чтобы вообще лучше относиться к людям¹¹⁵.

Не говорите о нем [о христианстве]. Роза не нуждается в разговорах о ее аромате. Она просто источает его и этим привлекает к себе людей. Не говорите о своей вере, живите ею, и люди придут к вам, чтобы увидеть источник вашей силы¹¹⁶.

Глава 13

Ганди о себе

Религиозная вера

(См. главы 1 и 2, а также несколько разделов в главе 12.) Я не уступлю христианину в самозабвении, с каким я пою «Веди нас, добрый свет» и несколько других таких же вдохновенных гимнов¹.

Я могу описать свои чувства к индуизму не более внятно, чем свои чувства в отношении жены. Она дорога мне, как никакая другая женщина в мире, но это не значит, что у нее нет недостатков. Смее утверждать, что у нее их больше, чем я вижу. Но я чувствую свою неразрывную связь с нею. То же самое испытываю я и к индуизму со всеми его изъянами и ограниченностью².

Я люблю индуизм больше собственной жизни³.

Должен со всем смирением сказать вам, что индуизм, каким я его знаю, полностью удовлетворяет мою душу, наполняет благодатью все мое бытие, и в *Бхагавадгите* и *Упанишадах* я нахожу утешение, которого не могу найти даже в Нагорной проповеди. Это не значит, что я не ценю представленный в ней идеал, это не значит, что драгоценное учение, изложенное в Нагорной проповеди, не оставило глубокого отпечатка в моей душе, но я должен честно сказать, что когда меня одолевают сомнения, когда горизонт затягивают мрачные тучи, затмевающие солнце, я обращаюсь к *Бхагавадгите* и нахожу успокаивающий меня стих. Я сразу начинаю улыбаться, забыв о печалях. Моя жизнь была полна внешних трагедий, и если они не оставили в моей душе видимых и неизгладимых отпечатков, то этому я целиком и полностью обязан *Бхагавадгите*⁴.

Я читал Книгу Бытия и следующие за ней главы, и такое занятие неизменно погружало меня в сон. Но только ради того, чтобы иметь право сказать, что я это читал, я с трудом одолел Библию – хотя и без интереса и понимания. Книга Чисел мне просто не понравилась. Однако Новый Завет произвел на меня

совершенно иное впечатление, особенно Нагорная проповедь, которая сразу тронула мое сердце. Я могу сравнить ее с *Бхагавадгитой*... Мой юный ум пытался объединить учение Гиты и суть Нагорной проповеди⁵.

По воскресеньям я посещал веслианскую церковь... Она произвела на меня неблагоприятное впечатление. Проповеди никого не вдохновляли. Прихожане не показались мне особенно религиозными. Я не назвал бы их благочестивыми душами; скорее, это были миряне, пришедшие в церковь отдохнуть и подчиняясь принятому обычаю⁶.

Во время моего первого пребывания в Южной Африке именно христианское влияние позволило мне сохранить живое религиозное чувство⁷.

Если бы я познакомился с одной только Нагорной проповедью и сам ее истолковал, то без колебаний сказал бы: «Да, я христианин». Но я понимаю, что если бы сказал такое сейчас, то был бы неверно понят... К тому же в христианстве многое есть прямое отрицание Нагорной проповеди⁸.

Веря в наследственность и родившись в индуистской семье, я остался индуистом. Я бы отверг индуизм, если бы нашел его несовместимым с моим нравственным чувством и духовным ростом. Но по зрелом размышлении я обнаружил, что это самая терпимая из всех известных мне религий, так как предоставляет исповедующему ее полную свободу для самовыражения. Не будучи исключительной религией, индуизм позволяет своим последователям не только уважать чужую веру, но также восхищаться всем хорошим, что есть в других религиях и перенимать это⁹.

Сегодня *Гита* не только моя Библия и мой Коран, она нечто большее; она – моя мать. Я давно потерял свою земную мать, подарившую мне жизнь; но эта вечная мать целиком заменила мне ее. Эта мать ни разу мне не изменяла и ни разу меня не покидала. Когда мне трудно, когда я растерян и не знаю, что мне делать, я припадаю к ее груди¹⁰.

Мой патриотизм подчинен религии¹¹.

Нагорная проповедь тронула мое сердце. Меня привели в безмерное восхищение стихи: «А Я говорю вам, не противьтесь злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет... взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду». Такое самоотречение есть высшая форма религии, нашедшая отзвук в моей душе¹².

Семейные отношения

(См. главу 9, а также раздел «Семейные дела» в главе 12.) Я счастливо прожил в браке последние сорок лет жизни, невзирая на периодически случавшиеся споры¹³.

Мой неприятный долг напомнить здесь о моей женитьбе в возрасте тринадцати лет... Не думаю, что тогда эта свадьба означала для меня что-то иное, кроме праздничной одежды, грома барабанов, свадебной процессии, вкусного обеда и чужой девочки, с которой мне разрешили играть¹⁴.

Я был жестоким мужем, так как считал себя учителем жены и, руководствуясь слепой любовью, старался ее обуздать и воспитывать... Однажды, забывшись в гневе, я схватил за руку беспомощную женщину, потащил ее к воротам и раскрыл их, намереваясь прогнать ее прочь... Ссорились мы часто, но в конце концов всегда мирились. Моя бесконечно терпеливая жена каждый раз оказывалась победительницей. Сегодня я могу рассказывать об этом случае с позиции стороннего наблюдателя, так как сумел пережить тот период и выйти из него другим человеком. Я перестал быть безумным мужем, которым управляют слепые страсти¹⁵.

Она благословлена одним великим качеством, каким в той или иной мере наделены почти все индийские женщины. Вот в чем оно заключается: охотно или неохотно, осознанно или подсознательно, она всегда считала благословением возможность следовать за мной; она никогда не становилась на моем пути, никогда не выказывала недовольства моим стремлением к воздержанию. Таким образом, невзирая на мое большое интеллектуальное превосходство, я всегда чувствовал, что наша жизнь полна радости, гармонии и счастья¹⁶.

В самом деле я начал по-настоящему наслаждаться семейной жизнью только после того, как перестал смотреть на жену как на объект полового вожделения... Меня в какой-то миг озарило: я, как и все мы, был рожден на свет ради выполнения священной миссии. Я не знал этого, когда женился. Однако, повзрослев, я понял, что брак нужно подчинить миссии, ради которой я появился на свет¹⁷.

Я не могу представить себе жизнь без Ба [моей жены]... Ее уход оставил пустоту, которую я ничем не сумею заполнить... Мы прожили вместе шестьдесят два года¹⁸.

Западный образ жизни

Я обратил внимание и на другие мелочи, которые должны были сделать из меня английского джентльмена. Мне сказали, что для этого я должен научиться танцевать, освоить французский язык и овладеть ораторским искусством. Я записался в школу танцев, заплатив за обучение три фунта. За три недели я посетил занятия шесть раз, но так и не постиг ритмику танцевальных движений. Я не смог поспеть за пианистом и решил не тратить зря время¹⁹.

Я поверил в то, что если мы желаем выглядеть цивилизованными людьми, то должны в манерах и одежде подойти как можно ближе к европейским стандартам. Я искренне думал, что только таким путем сумею достичь какого-то влияния, без которого будет невозможно служить обществу²⁰.

Когда я поселился в Бомбее в новой квартире, ко мне явился американский страховой агент – приторно любезный и красноречивый человек... Я поддался соблазну, клюнул на его предложения... и получил страховой полис на десять тысяч рупий... Однако в Южной Африке, где образ моей жизни кардинально изменился, я отказался от страхования жизни, испытывая при этом стыд от того, что поддался на уговоры американского страхового агента. Я сказал себе, что если мой брат заменил мне отца, то он не сочтет слишком большим бременем содержать вдову в случае моей смерти. Да и почему, собственно, я должен думать, что умру во цвете лет? В конце концов, наш настоящий защитник и хранитель – не я и не мой брат, а всемогущий Бог. Заключив договор о страховании жизни, я лишил жену и детей уверенности в себе. Зачем я отнял у них возможность позаботиться о себе самим? Как живут неисчислимые семьи бедняков во всем мире? Почему я не должен считать себя одним из них?²¹

Здоровые привычки

(См. также разделы «Здоровье» и «Диета» в главе 3.) Мы пришли в уединенное место на берегу реки, и там я впервые в жизни увидел мясо... Козлятина была жесткой как подметка. Я просто физически не мог ее жевать. Я почувствовал себя плохо и перестал есть. После такого ужина я страдал всю ночь. Меня преследовали кошмары. Каждый раз я просыпался в холодном поту, чувствуя, как в моем желудке блеет живой козел. Я вскакивал с постели, мучимый угрызениями совести. Мне становилось легче всякий раз, когда я напоминал себе, что употребление мяса – мой долг²².

Я отказался от мяса, руководствуясь чистыми помыслами и не желая лгать родителям... С тех пор я никогда не прикасался к нему²³.

Никогда в жизни мне не хотелось закурить. Я всегда считал привычку к курению варварской, грязной и вредной. Я никогда не понимал, почему в мире так распространена неудержимая тяга к табаку. Я не могу ездить в вагонах, где почти все курят, я задыхаюсь от дыма²⁴.

Во мне постепенно, но неуклонно возрастало недовольство медициной... Я уверен, что человеку незачем травить себя лекарствами. В девятистах девяноста девяти случаях из тысячи вполне можно обойтись разумной диетой и простыми домашними средствами. Тот, кто ходит к врачу с любым – самым пустячным – недомоганием и глотает груды растительных и минеральных лекарств, не только укорачивает себе жизнь, но и, становясь рабом своего тела, теряет способность к самоконтролю и перестает быть человеком²⁵.

Я придерживаюсь строгого вегетарианства независимо от моих религиозных убеждений²⁶.

Молоко возбуждает животные страсти... К тому же оно вовсе не нужно для поддержания жизни... Я решил перейти на чисто растительную диету. При этом она должна была состоять из самых дешевых продуктов. Мы решили жить так, как живут беднейшие из людей. Растительная диета оказалась к тому же очень удобной, так как практически полностью избавила нас от готовки. Наш

обычный рацион состоял из сырого арахиса, бананов, фиников, лимонов и оливкового масла²⁷.

Я отказался от молока главным образом по религиозным соображениям. Однажды в Калькутте я видел, каким варварским способом *говалы* до капли выдавливали молоко из коров и буйволиц. Я всегда чувствовал, что, как и мясо, молоко животных не может быть пищей для человека. Я никогда не стану пить молоко, есть молочные продукты и мясо. Если отказ от этой пищи будет означать мою смерть, я без колебаний выберу смерть²⁸.

Я уверен, что если бы я не накладывал на себя определенных ограничений, то поставил бы людей, оказывающих мне гостеприимство, в неловкое положение, заставляя их обслуживать меня, вместо того чтобы мне самому служить им. Я дал себе зарок, находясь в Индии, не принимать пищу больше пяти раз в день и никогда не есть после наступления темноты. Его я соблюдаю уже тринадцать лет. Это стало для меня тяжким испытанием, но я могу засвидетельствовать, что такой образ жизни послужил мне и щитом. Я уверен, что воздержание прибавило мне несколько лет жизни и уберегло от многих болезней²⁹.

Лорд Сэнки однажды посоветовал мне беречь себя. Я ответил: «Вы полагаете, что я дожил бы до таких преклонных лет, если б не берег себя всю жизнь?». Этот ответ был одной из моих ошибок³⁰.

Опыт тюремного заключения

(См. также раздел «Тюремное заключение» в главе 6.) Моим друзьям не стоит за меня тревожиться. Я счастлив, как птица. Считаю, что в тюрьме могу достичь не меньше, чем на свободе. Пребывание в тюрьме – отличная школа. Разлука с соратниками покажет, действительно ли наше движение независимо развивающийся организм или это плод трудов одного человека. В последнем случае оно должно будет оказаться чем-то призрачным и скоропреходящим³¹.

После 1893 года большую часть книг я прочел в тюрьме³².

Я не рассчитывал, что вы [К. Ф. Эндрюс] навестите меня в тюрьме. Я счастлив, как птичка! Мой идеал тюремной жизни – как участника гражданского сопротивления – это полная оторванность от внешнего мира. Право на посещения – привилегия, но участник гражданского сопротивления не имеет морального права на привилегии. Религиозная ценность тюремного заключения подкрепляется отказом от привилегий. Предстоящее мне заключение станет чем-то большим, чем политическое преимущество. Если это окажется жертва, то я хочу, чтобы она была чистой³³.

Ненасилие предполагает добровольное принятие наказания за отказ от сотрудничества со злом. Я с радостью приму самое строгое наказание за то, что закон считает преступлением, а я – высшим долгом гражданина³⁴.

Тюрьма – это тюрьма для воров и разбойников. Для меня она дворец³⁵.

Дискриминация

(См. также раздел «Расовая дискриминация» в главе 8.) Я прожил в Южной Африке двадцать лет, но никогда не думал о посещении алмазных копей, отчасти потому, что не желал нарваться на отказ и оскорбление из-за моей расовой неприкасаемости³⁶.

Поезд прибыл в Марицбург, столицу Натала [Южная Африка], около 9 часов вечера... Один из пассажиров приблизился ко мне и смерил меня взглядом, заметив, что я «цветной». Затем ко мне подошел какой-то железнодорожный чин и сказал: «Идемте со мной. Вы должны ехать в общем вагоне». «Но у меня билет в первый класс», – возразил я. «Это не имеет значения, – ответил он. – Вы должны покинуть купе, в противном случае я вызову полицию». «Вызывайте. Я отказываюсь добровольно покинуть мое место». Явился полицейский. Взяв меня за руку, он вывел меня на перрон. Перейти в общий вагон я отказался, и поезд уехал без меня³⁷.

В тот вечер я благополучно добрался до Йоханнесбурга. Взяв такси, я попросил отвезти меня в отель «Гранд-Националь». Обратившись к управляющему, я попросил номер. Он некоторое время внимательно меня разглядывал, а затем вежливо сказал: «Прошу прощения, но у нас нет свободных номеров»³⁸.

Я подал заявление о приеме меня в коллегия адвокатов Верховного суда Натала... Общество юристов страшно меня удивило, прислав ответ, в котором мне было отказано в приеме. Главное возражение заключалось в том, что когда составляли правила приема в коллегия адвокатов, никто даже не рассматривал возможность вступления туда «цветных»³⁹.

Господин Эллерторп пригласил меня в бенгальский клуб [Калькутты], где он остановился. Он не знал, что индийца нельзя принять в клубном салоне... Господин Эллерторп выразил свое сожаление по поводу предрассудков местных англичан и извинился за то, что не может пригласить меня в салон клуба⁴⁰.

Однажды в Претории я пришел к парикмахеру-англичанину. Он презрительно отказался меня стричь. Естественно, это меня уязвило, но я сразу купил ножницы и, встав перед зеркалом, кое-как постригся сам. Спереди я смог подравнять волосы более или менее прилично, но полностью испортил затылок. Мои друзья, увидев меня, долго смеялись. «Что у тебя с волосами, Ганди? Тебе их погрызли крысы?» «Нет, – ответил я. – Просто белый парикмахер не отважился прикоснуться к моим черным волосам»⁴¹.

Титулы

Слово «святой» должно быть исключено из современного обихода. Это слишком священное понятие, чтобы легко применять его в отношении кого-либо из живых людей, тем более к такому человеку, как я, всего лишь смиренному искателю Истины, знающему свою ограниченность, совершающему ошибки и без колебаний признающему их. Я честно заявляю, что, подобно ученому, я экспериментирую с «вечными истинами» жизни. Но я не имею права претендовать и на звание ученого, ибо не могу с научной точностью доказать надежность моих методов и достоверность результатов, чего неукоснительно требует современная наука⁴².

Могу заверить моих почитателей и друзей, что они доставят мне большую радость, если забудут слово «*махатма*» и будут вспоминать обо мне как о Гандиджи... или просто как о Ганди⁴³.

Очень часто титул *махатма* причинял мне боль. Могу честно сказать, что он никогда не доставлял мне удовольствия и не щекотал мое самолюбие⁴⁴.

Муки *махатм* известны только *махатмам*⁴⁵.

Абдулла Шет придумал великолепное обращение *бхай*, то есть «брат». Другие последовали его примеру и обращались ко мне *бхай* вплоть до моего отъезда из Южной Африки. Я чувствовал удовольствие, когда слышал это обращение от моих бывших индийских учеников⁴⁶.

Толпа сразу же окружила меня и принялась выкрикивать: «Махатма Ганди ки джай!» [«Победу махатме Ганди!»] Этот крик резал мне слух⁴⁷.

Последовательность

Моя цель заключается не в том, чтобы быть последовательным в рассуждениях по тому или иному вопросу; моя цель – последовательность в истине в том ее виде, в каком она предстает передо мной в данный момент. В результате я расту от истины к истине. Тем самым я избавляю мою память от излишнего бремени, и, что еще важнее, когда мне приходится сравнивать мои сочинения, написанные пятьдесят лет назад, с созданным в самое последнее время, я не нахожу между ними никаких противоречий. Впрочем, друзья, склонные видеть непоследовательность, поступят здраво, воспользовавшись идеями, которые содержатся в моих недавних высказываниях, если, конечно, эти люди не предпочитают мои старые мысли. Однако прежде, чем сделать выбор, им стоит внимательно присмотреться к моим высказываниям и увидеть, нет ли согласованности там, где они видят кажущиеся противоречия⁴⁸.

Должен сознаться, что во многих случаях я действительно проявлял непоследовательность. С тех пор как меня стали прозывать *махатмой*, я часто вспоминаю высказывание Эмерсона о том, что глупая последовательность – это удел мелких умов⁴⁹.

Я никогда не делал фетиша из последовательности. Я поборник истины и должен говорить то, что думаю и чувствую в данный момент, не оглядываясь на то, что я говорил раньше по тому же поводу. По мере того как я начинаю видеть вещи острее и отчетливее, мои взгляды становятся другими. Если я меняю свое мнение по поводу того или иного вопроса, то я должен открыто и честно об этом заявить. Только наметанный глаз может заметить постепенную и неторопливую эволюцию. Я вовсе не озабочен необходимостью всегда и во всем быть последовательным. В поисках Истины я отбросил множество идей и научился многим прежде незнакомым мне вещам⁵⁰.

Сквозь мою кажущуюся непоследовательность проступает внутренняя последовательность, как в природе единство кроется под маской разнообразия⁵¹.

Ограниченность

Опыт сделал меня мудрее⁵².

Мне, слабому, хрупкому и жалкому созданию, не дано исправить все зло и остаться в стороне от всего зла, свидетелем которого мне приходилось и приходится быть⁵³.

Я и сам до сих пор подвержен страстям и другим слабостям человеческой натуры... Я непрестанно изо всех сил стараюсь преодолеть их. Я достиг, как мне думается, большой способности подавлять и ограничивать свою чувственность, но я все же по-прежнему могу грешить, то есть поддаваться власти чувств⁵⁴.

Я далек от того, чтобы считать свои умозаключения непогрешимыми истинами в последней инстанции⁵⁵.

Давайте не будем ни на йоту отклоняться от истины даже в суждениях о заблуждениях таких смертных, как я⁵⁶.

Моя застенчивость на самом деле служила мне щитом и укрытием. Она позволяла мне расти, она помогала мне в распознавании истины⁵⁷.

Медлительность моей речи, бывшая некогда причиной раздражения, стала теперь мне приятной. Главное эта медлительность научила меня экономить слова, помогла выработать привычку сдерживать бег мыслей. Теперь я могу быть уверенным в том, что пустое и бессодержательное слово никогда не сорвется ни с моих уст, ни с моего пера. До сих пор мне не пришлось пожалеть ни об одном своем высказывании – устном или письменном. Таким образом, мне удалось уберечься от множества недоразумений и пустой траты времени⁵⁸.

Я давно приучил себя к необходимости прислушиваться к внутреннему голосу. Мне нравится ему подчиняться. Мне болезненно тяжело ему противиться⁵⁹.

За всю мою жизнь неуклонное следование истине научило меня ценить красоту компромисса... Часто компромиссы были связаны с угрозой моей жизни и вызывали неудовольствие друзей. Но истина тверда как камень и одновременно нежна как цветок⁶⁰.

Я никогда не скрывал своего невежества от учеников⁶¹.

Я не претендую на непогрешимость. Я сознаю, что совершил массу серьезных ошибок, но я делал их непреднамеренно, не испытывая никакой вражды к людям и народам, не желая лишать жизни ни человека, ни животное⁶².

Я утверждаю, что я всего лишь средний человек, наделенный вполне заурядными способностями... У меня нет и тени сомнения в том, что любой мужчина, любая женщина способны достичь того, чего достиг я, если он или она приложат столько же усилий для культивирования в себе той же надежды и веры⁶³.

Мои сочинения надо кремировать вместе с моим телом. Останется жить то, что я сделал, а не то, что сказал и написал⁶⁴.

У меня нет достойного университетского образования. Мое образование не выше среднего. Всякий раз, сдавая экзамены, я надеялся лишь на чудо. Отличия в учебе всегда казались мне недостижимыми⁶⁵.

Во всех моих советах обязательно есть оговорка. Никто не должен им следовать, если они не трогают его ум и сердце. Никто не должен уклоняться от своего призвания из-за моих советов. Иными словами, они адресованы тем, кто пока не осознал своего призвания и верит в мой зрелый опыт и здравомыслие в суждениях⁶⁶.

Моя жизнь всегда состояла из компромиссов, но все они неизменно приближали меня к цели⁶⁷.

По натуре я склонен всегда становиться на сторону слабейшего⁶⁸.

Мое влияние, каким бы большим оно ни казалось стороннему наблюдателю, на самом деле весьма ограничено. Возможно, я обладаю определенным влиянием, для того чтобы провести кампанию в поддержку требования недовольного народа, но так происходит только потому, что люди готовы принять мою помощь и нуждаются в ней. Однако я не имею влияния, достаточного для того, чтобы направить энергию людей туда, куда они не желают ее направлять⁶⁹.

Я человек компромисса, потому никогда на сто процентов не уверен в своей правоте⁷⁰.

Жизнь была бы для меня невыносимым бременем, если б я взялся опровергать всю ложь, высказанную обо мне недоброжелателями, или неверные толкования моих писаний⁷¹.

Я очень болезненно сознаю мое несовершенство, и в этом заключается вся моя сила... В миллион раз лучше оказаться посмешищем для всего мира, чем быть неискренним в отношении самого себя. Я не претендую на какие-то сверхъестественные способности. Я соткан из такой же брэнной плоти, что и самые слабые из людей, и, следовательно, подвержен таким же ошибкам и заблуждениям, как и они⁷².

Каждая моя ошибка стала ступенькой в восхождении к Истине⁷³.

Никогда не принимай за истину в последней инстанции даже то, что исходит из уст махатмы, если это высказывание не вызывает отклика ни в твоём сердце, ни в твоей голове⁷⁴.

Миссия

Я не провидец, я всего лишь практикующий идеалист⁷⁵.

Я живу ради свободы Индии и готов умереть за нее, ибо это часть Истины⁷⁶.

Я не считаю, что во мне есть что-то божественное. Я не обладаю даром пророка. Я всего лишь смиренный искатель Истины, твердо решивший ее найти. Я считаю, что нет такой великой жертвы, которую нельзя было бы принести на алтарь Истины ради ее обретения. Именно к этой цели направлена вся моя деятельность, как бы ее ни называли: социальная, политическая, гуманитарная или этическая. Поскольку я знаю, что Бог пребывает в низших своих созданиях чаще, чем в высокопоставленных и могущественных, постольку я желаю вести жизнь бедных и униженных, стать их частью. Я не способен сделать это без их помощи. И я не могу получить помощь, не вмешиваясь в политику – в их политику. Таким образом, я не хозяин, я всего лишь борющийся, заблуждающийся и смиренный слуга Индии, а значит, и всего человечества⁷⁷.

Один дотошный корреспондент из Симлы спрашивает, не собираюсь ли я основать секту или объявить себя богом... Он хочет знать, не сделаю ли я по этому поводу публичное заявление для потомства. Мне казалось, что я всем своим поведением отвергаю саму идею собственной божественности. Я всего лишь смиренный слуга Индии и человечества и желал бы умереть, исполняя такое служение. У меня нет ни малейшего желания учреждать секту. Я слишком честолюбив для этого – одна секта меня ни в коем случае не удовлетворит⁷⁸.

Я не могу считать окончательными выводы из моего текущего жизненного опыта, хотя высоко его ценю. Я не знаю, удастся ли мне его обосновать и оправдать⁷⁹.

Я без усталости прилагаю усилия к тому, чтобы описывать истину такой, какой я ее вижу, точно определять путь, каким я ее постигаю⁸⁰.

Я смиренный слуга Индии, и, стараясь служить ей, я служу одновременно и всему человечеству. Еще в молодости я обнаружил, что служение Индии не противоречит служению человечеству... Служение одному народу не мешает служению миру⁸¹.

Я на самом деле практичный мечтатель. Мои мечты – не воздушные замки. Я хочу претворить их в жизнь, насколько это будет возможно⁸².

Я очень нетерпеливый реформатор. Я всецело на стороне полного, радикального перестроения всего социального порядка; но это переустройство должно стать результатом органического роста, а не насильственного переворота⁸³.

В серьезных вопросах нельзя отвергать мои аргументы на том лишь основании, что меня считают *махатмой*⁸⁴.

Неверно называть меня аскетом. Идеалы, которыми я руководствуюсь в своей жизни, предназначены для всего человечества. Я пришел к ним в результате долгой и постепенной эволюции. На этом пути я обдумывал каждый свой шаг, взвешивал его, а затем очень осмотрительно его предпринимал⁸⁵.

Если гандизм лишь еще один синоним сектантства, то он заслуживает уничтожения. Я был бы глубоко уязвлен, если б мог знать, что после моей смерти то, за что я стоял, выродится в сектантство. Пусть никто и никогда не скажет о себе: «Я последователь Ганди». Всех, кто разделяет мои взгляды, я считаю своими учениками, спутниками в странствии, вместе со мной ищущими истину⁸⁶.

Порой человек живет не в реальном мире, а в мечтах. Я живу в мире своих фантазий и вижу его как место, населенное добрыми людьми, но отнюдь не сусальными их образами... Если вы постараетесь мечтать так же, то и вы будете чувствовать себя столь же возвышенно⁸⁷.

Я не считаю свою миссию в чем-то похожей на жизнь странствующего рыцаря, который постоянно выручает людей из трудных ситуаций. Мое смиренное служение заключается в том, чтобы показать людям, как они могут самостоятельно разбираться со своими трудностями⁸⁸.

Я всего лишь бедная мятущаяся душа, желающая быть по-настоящему доброй – правдивой и чуждой в мыслях, словах и делах всякому насилию. Но я не могу достичь идеала, который считаю истинным. Я признаю... что это очень болезненное восхождение, но оно доставляет мне истинную и неподдельную радость. Каждый очередной шаг делает меня сильнее и готовит опору для следующего шага⁸⁹.

Я совершенно искренне признал множество своих грехов, но я не несу их бремя на плечах. Если я странствующий слуга божий, каковым я себя чувствую, то мне нечего опасаться. Я ощущаю тепло и свет Его присутствия. Мое самоограничение, голодовки и молитвы ничего не стоят, если они лишь орудия моего преображения. Но они имеют неоценимое значение, если представляют – а я искренне на это надеюсь – достижения души, желающей преклонить свою голову на колени Творца⁹⁰.

Я жажду истины и красоты; я живу ради них и ради них умру⁹¹.

Многие знакомые мне религиозные люди – скрытые политики; я же, напротив, играя роль политика, на самом деле всего лишь глубоко религиозный человек⁹².

Я старательно ухаживаю за своим телом, чувствуя за него такую же ответственность, как беременная женщина. Бог в своей бесконечной милости, как мне кажется, избрал меня орудием, с помощью которого Индия добудет себе свободу. Поэтому я не имею права сейчас умереть⁹³.

Я прирожденный борец, не знающий неудач⁹⁴.

Убийство

Нельзя призывать к убийству другого человека именем Высшего существа... Смерть – это естественное окончание любой жизни. Смерть от руки брата может быть предметом сожаления не больше, чем смерть от болезни или какой-либо подобной причины. Даже в случае убийства я не стану испытывать гнев и ненависть в отношении убийцы, так как я знаю, что оно послужит моему вечному блаженству, и даже сам убийца позже непременно убедится в моей полной невинности⁹⁵.

Давайте просто предположим, что Миру Аламу и его друзьям удалось не просто меня ранить, но и убить. Предположим также, что общество сохранило спокойствие и простило покушавшихся, приняв, что, согласно своим принципам, они не могли повести себя иначе. Такое отношение не повредит обществу, а напротив, окажется для него весьма благотворным. Все недоразумения рассеются, у Мира Алама и членов его партии откроются глаза, и они поймут порочность своих методов. Что касается меня, то я считаю, что для *сатьяграхи* не может быть ничего лучшего, чем смерть как результат его служения. Смерть борца, тем более выдающегося, приводит не к ослаблению, а к усилению борьбы⁹⁶.

Истина заключается в том, что Бог бережет меня в моем брэнном теле до тех пор, пока это Ему угодно. С того момента, когда Бог сочтет, что нужды во мне больше нет, никакие меры предосторожности не спасут меня⁹⁷.

Тысячи людей, подобных мне, могут умереть за идею, но *ахимса* не умрет никогда⁹⁸.

Мы все должны иметь достаточно храбрости, чтобы принять мученическую смерть, но нельзя жаждать мученичества как такового⁹⁹.

Если мне суждено пасть от пули безумца, то я должен умереть с улыбкой. Я не стану испытывать гнев. В этот миг в моем сердце и на моих устах будет Бог. Ты же [Раджкумари Амрит Каур] должен пообещать мне, что ни одна слеза не прольется из твоих глаз¹⁰⁰.

У меня нет телохранителей. Моя грудь открыта и беззащитна¹⁰¹.

Если мне доведется умереть под градом пуль с улыбкой на устах, то это будет поистине героическая смерть¹⁰².

Последние слова Ганди после покушения: «*Хе, Рам! Хе, Рам!*» [«О Боже! О Боже!»]¹⁰³.

Хронология жизни Ганди

1869 год: Родился 2 октября в Порбандаре (индийская провинция Катхиавад) в семье Карамчанда (Каба) и Путлибай Ганди. 1876 год: Пошел в начальную школу в Раджкоте, куда к тому времени переехала семья, когда отец получил место судьи. Обручился с Кастурбай (Ганди в старости стал называть ее Кастурба), дочерью купца Гокулдаса Маканджи. 1881 год: Поступил в среднюю школу в Раджкоте. 1883 год: Женился на Кастурбай. 1885 год: Отец Ганди умер в возрасте 65 лет. 1887 год: Ганди сдал вступительные экзамены в Ахмедабаде и поступил в Самалдасский колледж в Бхавангаре, однако учеба показалась ему слишком трудной и он проучился в колледже всего один семестр. В том же году у Ганди родился первый из четырех сыновей. 1888 год, сентябрь: Ганди отправился из Бомбея в Англию, чтобы изучать право.

Третье десятилетие жизни Ганди

1891 год, лето: Ганди вернулся в Индию после получения диплома адвоката. Он начал практиковать в Бомбее и Раджкоте. 1893 год, апрель: Ганди отплыл в Южную Африку, чтобы занять место адвоката в одной из тамошних индийских фирм. В Африке Ганди на собственном опыте столкнулся с самыми отталкивающими проявлениями расовой дискриминации. 1894 год: Закончив очередное дело, Ганди собрался было вернуться в Индию, но индийская колония настояла на том, чтобы он остался в Южной Африке и занялся общественной работой, зарабатывая на жизнь адвокатской практикой. Ганди написал первую петицию, направленную индийцами законодательной власти Южной Африки. В мае он стал ведущим организатором Индийского конгресса в Натале. 1896 год: Ганди на шесть месяцев вернулся в Индию, чтобы затем с женой и двумя детьми снова отправиться в Натал. В декабре Ганди отплыл с семьей в Южную Африку. Оказавшись в Дурбане, он подвергся нападению толпы – причиной стали тексты, написанные им о Южной Африке во время пребывания в Индии.

Четвертое десятилетие жизни Ганди

1899 год: Ганди организовал индийский санитарный отряд в помощь британцам во время англо-бурской войны. 1901 год: Ганди с семьей отбыл на родину, пообещав вернуться в Южную Африку, если индийской общине снова потребуется его помощь. 1901–1902 годы: Ганди много путешествовал по Индии, посещал собрания Индийского национального конгресса в Калькутте. В

*Бомбее он открыл адвокатскую контору. 1902 год: Ганди вернулся в Южную Африку по срочному требованию индийской общины. 1903 год, лето: Ганди открыл адвокатскую контору в Йоханнесбурге. 1904 год: Ганди учредил еженедельный журнал *Indian Opinion*. После прочтения книги Джона Рёскина «Последнему, что и первому» он организовал близ Дурбана ферму «Феникс». 1906 год, март: Ганди создал медицинский индийский отряд для мятежной армии зулусов. В это же время он дал обет пожизненного воздержания. Сентябрь: Первая кампания сатьяграхи началась с митинга в Йоханнесбурге в знак протеста против принятия закона об азиатах, ограничившего въезд индийцев в Трансвааль. Октябрь: Ганди отплыл в Англию, чтобы представить министру колоний прошение индийцев. В декабре он вернулся в Южную Африку. 1907 год, июнь: Ганди организовал кампанию гражданского неповиновения в знак протеста против принятия Черного Акта – закона о принудительной регистрации азиатов. 1908 год, январь: В Йоханнесбурге Ганди предстал перед судом по обвинению в организации сатьяграхи и был приговорен к лишению свободы на два месяца (его первое тюремное заключение). Январь: Ганди привезли в Преторию на переговоры с генералом Смутсом. Стороны достигли компромисса, и Ганди освободили из тюрьмы. Февраль: Индийский экстремист Мир Алам ранил Ганди, причиной стало соглашение последнего со Смутсом. Август: После того как Смутс нарушил соглашение, с сожжения регистрационных сертификатов началась вторая кампания сатьяграхи.*

Пятое десятилетие жизни Ганди

1908 год, октябрь: Ганди снова попал под арест из-за отсутствия сертификата и был приговорен к двум месяцам тюремного заключения в тюрьме Фольксруста. 1909 год, февраль: Ганди приговорили к трем месяцам заключения в Фольксрусте и Претории. Июнь: Ганди отплыл в Англию, для того чтобы еще раз подать правительству жалобы индийцев. В Англии Ганди пробыл до ноября, изучая организацию движения английских суффражисток. 1910 год, май: Ганди основывал Толстовскую ферму близ Йоханнесбурга. 1913 год: Ганди начал искушительную голодовку (один прием пищи в день в течение четырех месяцев) из-за аморального поведения двух членов общины на ферме «Феникс». Сентябрь: Ганди оказал помощь в организации кампании против аннулирования браков, заключенных не по христианскому ритуалу. Вместе с Кастурбай и другими женищинами был осужден за пересечение границы Трансвааля без разрешения властей. Ноябрь: Начало третьей кампании сатьяграхи – «большого марша» индийских шахтеров из Ньюкасла через границы Трансвааля. Ноябрь: В Данди Ганди был арестован в третий раз за четыре дня (предыдущие аресты были произведены в Палмфорде, Станертоне

и Тескворте) и приговорен к девяти месяцам тюремного заключения; второй суд состоялся в Фольксрусте. Ганди был приговорен к трем месяцам тюрьмы вместе со своими белыми соратниками Полаком и Калленбахом. После того как Ганди пробыл в Фольксрусте несколько дней, его перевели в тюрьму Блумфонтейна в Оранжевом Свободном Государстве. Декабрь: В преддверии заключения компромиссного соглашения Ганди был выпущен из тюрьмы безо всяких условий. Для проведения переговоров индийцы отправили в Индию Эндрюса и Пирсона. 1914 год, январь: Ганди провел двухнедельную голодовку из-за аморального поведения членов общины на ферме «Феникс». 1914 год, январь: Кампания сатьяграхи прекратилась в связи с началом переговоров между Смутсом, Эндрюсом и Ганди и с принятием акта об облегчении положения индийцев. Июль: Ганди навсегда покидает Южную Африку, отплыв из Кейптауна в Лондон вместе с Кастурбай и Калленбахом. В Англию они прибыли одновременно с началом Первой мировой войны. Ганди организовал индийский санитарный отряд в составе британской армии, но из-за плеврита вынужден был покинуть Англию и отправиться в Индию. 1915 год: Ганди добился отмены таможенного досмотра пассажиров в Вирамгаме. Это была первая кампания сатьяграхи в Индии. Май: Ганди организовал в Кочрабе (близ Ахмедабада) Сатьяграха Ашрам и вскоре начал принимать туда неприкасаемых. В 1917 году Ганди перенес ашрам на берег реки Сабармати. 1917 год: Ганди помог добиться отмены приглашения по контракту рабочих из Южной Африки в Индию. Кроме того, он провел успешную кампанию сатьяграхи за права крестьян с плантациями индиго в Чампаране. Проиригнорировав распоряжение покинуть эту область, он был арестован в апреле и предстал перед судом в Мотихари, но затем обвинения с Ганди сняли. В Чампаране к Ганди присоединился Махадев Десаи. 1918 год, февраль: Ганди возглавил забастовку металлистов в Ахмедабаде. Владельцы завода согласились на переговоры с бастующими после трехдневной голодовки Ганди (его первая голодовка в Индии). Март: Ганди провел кампанию сатьяграхи в защиту крестьян Кхеды. Также в этом году он присутствовал на дельйском совещании у вице-короля по вопросу участия Индии в Первой мировой войне. Ганди согласился на призыв индийцев в армию и отправку их на фронт. Он было начал проводить кампанию по вербовке в армию, но тяжело заболел. Во время болезни по настоянию врачей согласился пить козье молоко. Выздоровливая, учился прясть. 1919 год, весна: Был принят закон Роулатта (о продлении чрезвычайного положения с ограничением гражданских свобод для противодействия мятежам), и Ганди в связи с этим начал всеиндийскую кампанию сатьяграхи. Апрель: Ганди организовал всеиндийскую однодневную забастовку – хартал – в знак протеста против принятия закона Роулатта. В Кози, близ Дели, направлявшийся в Пенджаб Ганди был арестован. Его доставили в Бомбей, но суд не состоялся. В том же месяце Ганди объявил в

Сабармати трехдневную голодовку в знак протеста против актов насилия и прекратил кампанию сатьяграхи, назвав ее «громадным просчетом», так как участники оказались недостаточно дисциплинированными. В 1919 году Ганди стал редактором двух газет: *Young India* (на английском языке) и «Навадживан» (на гуджарати).

Шестое десятилетие жизни Ганди

1919 год, октябрь: после пятимесячных проволочек власти наконец разрешили Ганди посетить места происшедших в апреле в Пенджабе беспорядков. Ганди работал совместно с Мотилалом Неру, расследуя случаи насилия в пенджабских деревнях. 1920 год, апрель: Ганди был избран председателем Всеиндийской лиги самоуправления. Июнь: Ганди добился принятия резолюции по проведению кампании сатьяграхи и отказа от сотрудничества на мусульманской конференции в Аллахабаде и на сессиях Индийского национального конгресса в Калькутте (сентябрь) и Нагпуре (декабрь). Август: Вторая всеиндийская кампания сатьяграхи началась, когда Ганди отказался принять медаль «Император Индии». 1921 год: Ганди председательствовал на открытии первого магазина по продаже домотканой одежды (кхади) в Бомбее. Август: Присутствовал на публичном сожжении импортной одежды. Сентябрь: Ганди отказался от европейских рубашек и головных уборов, решив носить набедренную повязку как символ приверженности к домотканой одежде и простоте. Ноябрь: Пятидневная голодовка в Бомбее в знак протеста против вспышек насилия, последовавших за визитом принца Уэльского (будущего короля Эдуарда VIII и герцога Виндзорского). Декабрь: Массовая акция гражданского неповиновения. Тысячи людей оказались в застенках. От имени Индийского национального конгресса Ганди был наделен единоличной исполнительной властью. 1922 год, февраль: Прекращение акции массового неповиновения из-за вспышки насилия в Чаури-Чауре. Пятидневная искупительная голодовка Ганди в Бардоли. Март: Ганди был арестован в Сабармати по обвинению в подстрекательстве к бунту в статьях, опубликованных в *Young India*. Его признали виновным по решению суда во главе с судьей Брумфилдом и приговорили к шести годам заключения в тюрьме Еравды. 1923 год: Находясь за решеткой, Ганди написал «Сатьяграха в Южной Африке» и часть автобиографии. 1924 год, январь: Перенес операцию аппендэктомии; в феврале Ганди был без условий выпущен из тюрьмы. Сентябрь: Провел трехнедельную «большую голодовку» в доме Мухаммеда Али близ Дели в знак протеста против кровавых столкновений между мусульманами и индуистами в Кохате и других населенных пунктах. Декабрь: Ганди председательствовал на сессии Индийского национального конгресса в Белгауме. 1925 год, ноябрь: Недельная голодовка в Сабармати из-за плохого

поведения членов ашрама. Декабрь: На сессии Индийского национального конгресса в Кавупоре Ганди объявил о своем уходе из политики и из Конгресса на один год. 1927 год: Кампания сатьяграхи против выплаты налогов в Бардоли. Движение возглавил Сардар Патель. 1928 год, декабрь: Ганди провел на сессии Индийского национального конгресса в Калькутте компромиссную резолюцию, призывающую к предоставлению независимости в течение одного года. В противном случае резолюция угрожала началом всеиндийской кампании сатьяграхи. 1929 год, март: Ганди был арестован за сожжение импортной одежды в Калькутте и оштрафован на одну рупию.

Седьмое десятилетие жизни Ганди

1929 год, декабрь: Сессия Индийского национального конгресса провозгласила полную независимость Индии и бойкот британского законодательства. 26 января было объявлено днем национальной независимости. Началась третья всеиндийская кампания сатьяграхи. 1930 год, 12 марта: Вместе с 79 добровольцами Ганди совершил исторический «соляной поход» длиной в 200 миль от Сабармати до Данди. 6 апреля: Ганди нарушил соляной закон, начав на глазах у всего мира собирать соль на морском берегу. Май: Ганди был арестован полицией в Каради и без суда заключен в тюрьму Еравды. Под арестом оказались 100 000 человек. Очередная сессия Индийского национального конгресса не состоялась, так как все его лидеры находились в тюрьме. 1931 год, январь: Ганди без всяких условий был освобожден из тюрьмы вместе с 30 другими лидерами Индийского национального конгресса. Март: Подписание пакта «Ганди – Ирвин» (вице-король). Этот документ положил конец кампании гражданского неповиновения. Август: Вместе с Десаи, Найду, Мирой и другими отплыл из Бомбея на вторую конференцию за круглым столом, прибыв в Лондон с заходом в Марсель, где к делегации присоединился К. Эндрюс. Осень: Поселившись в гостинице «Кингсли-холл» в лондонских трущобах, Ганди выступал с радиообращениями к американцам, посещал университеты, встречался со знаменитостями и присутствовал на заседаниях конференции за круглым столом. Декабрь: Покинув Англию, Ганди посетил Швейцарию, где встретился с Роменом Ролланом, и Италию – там он пообщался с Муссолини. В конце года Ганди прибыл в Индию. Конгресс уполномочил его начать новую кампанию сатьяграхи (четвертую общенациональную кампанию). 1932 год, январь: Вместе с сардаром Пателем Ганди был арестован в Бомбее и без суда брошен в тюрьму Еравды. 20 сентября: Ганди объявил в тюрьме бессрочную голодовку в знак протеста против предоставления британскими властями особых избирательных прав неприкасаемым. 26 сентября: Ганди прекратил историческую голодовку знаменитой сценой в камере в присутствии Рабиндраната Тагора, после того

как британцы приняли условия «пакта Еравды». Декабрь: Ганди присоединился к голодовке, объявленной другим заключенным, Аппасахибом Патвардханом, в знак протеста против неприкасаемости. Голодовка, однако, закончилась через два дня. 1933 год: Ганди начал еженедельно публиковать статьи в «Хариджане», а не в *Young India*, как это было ранее. 8 мая: Ганди начал трехнедельную очищающую голодовку в знак протеста против неприкасаемости, но в первый же день голодовки его освободили. Он завершил голодовку в Пуне через двадцать один день. Июль: Ганди распустил ашрам в Сабрамати, который отныне стал центром борьбы против неприкасаемости. Август: Вместе с 34 членами ашрама Ганди был арестован и на четыре дня заключен в Еравду. После отказа выехать из деревни Еравда в Пуну он был приговорен к году заключения в тюрьме Еравды. 16 августа: Ганди начал голодовку в знак протеста против отказа правительства позволить ему бороться за права неприкасаемых, не покидая тюрьмы; на пятый день голодовки его перевезли в больницу. Здоровье Ганди ухудшилось, и он был освобожден без всяких условий на восьмой день голодовки. Ноябрь: Ганди начал десятимесячную поездку, в ходе которой посетил все провинции Индии, чтобы развернуть широкую кампанию против неприкасаемости. Тем временем Кастурба была арестована и заключена в тюрьму в шестой раз за два года. 1934 год, лето: На жизнь Ганди было совершено три покушения. Июль: Ганди провел в Вардхе семидневную искупительную голодовку, протестуя против нетерпимости оппонентов в вопросе о неприкасаемости. Октябрь: Ганди создал Всеиндийскую ассоциацию деревенских ремесленников. 1935 год: Здоровье Ганди ухудшилось. Для лечения он уехал в Бомбей. 1936 год. Посетив деревню Сегаон близ Вардхи, Ганди решил там поселиться. (В 1940 году деревня была переименована в Севаграм, и стала ашрамом для учеников Ганди.) 1937 год, январь: Ганди приехал в Траванкор, чтобы помочь в борьбе с неприкасаемостью. 1939 год, март: Ганди начал бессрочную голодовку как часть кампании сатьяграхи в Раджкоте; голодовка продлилась всего четыре дня, так как вице-король назначил посредника для переговоров.

Восьмое десятилетие жизни Ганди

1940 год, октябрь: Ганди начал ограниченную индивидуальную кампанию гражданского неповиновения в знак протеста против отказа Британии разрешить индийцам свободно высказывать свое мнение о Второй мировой войне. В течение года в тюрьмы были отправлены 23 000 человек. 1942 год: После пятнадцатимесячного закрытия снова начал выходить еженедельник «Хариджан». Март: Ганди встретился с сэром Стаффордом Криппсом в Нью-Дели, но назвал его предложения «просроченным чеком». Эти предложения в конце концов были отвергнуты Индийским национальным конгрессом. Август:

Конгресс принял резолюцию «Покиньте Индию» – решение о начале завершающей общенациональной кампании *сатьяграхи* во главе с Ганди. 9 августа: Вместе с другими лидерами Индийского национального конгресса и женой Кастурбой Ганди был арестован и заключен во дворец Ага-Хана в Пуне. По всей стране тут же вспыхнули стихийные бунты. В том же месяце в тюрьме умер Махадев Десаи, секретарь и верный соратник Ганди. 1943 год, 10 февраля: Ганди начал трехнедельную голодовку, для того чтобы сдвинуть с мертвой точки переговоры между вице-королем и индийскими лидерами. 1944 год, 22 февраля: Во дворце Ага-Хана в возрасте 74 лет умерла Кастурба. 6 мая: По причине ухудшения состояния здоровья Ганди был без всяких условий освобожден из тюрьмы (это оказалось его последнее заключение; всего он просидел в неволе 2 338 дней). Сентябрь: Ганди провел важные переговоры с Джинной, руководителем Лиги мусульман Бомбея, о достижении единства между индийцами, исповедующими индуизм и ислам. 1946 год, март: Переговоры с миссией британского кабинета министров в Нью-Дели. Ноябрь: Ганди начал четырехмесячную поездку по 49 деревням Восточной Бенгалии, чтобы погасить недовольство, вызванное допуском мусульман во временное правительство. 1947 год, март: Ганди отправился в Бихар для сглаживания напряженности между индуистами и мусульманами. В том же месяце в Нью-Дели начались переговоры между лордом Маунтбеттеном, Ганди и Джинной. Май: Ганди возразил против одобрительного решения Индийского национального конгресса относительно разделения страны на Индию и Пакистан. 15 августа: Ганди объявил голодовку и начал молиться о прекращении вспышек насилия в Калькутте после разделения Индии и предоставления ей независимости. Сентябрь: Трехдневная голодовка в попытке остановить общинные распри в Калькутте. Ганди приехал в Дели, чтобы остановить беспорядки и посетить лагеря беженцев (индусов и сикхов) из Пенджаба. 1948 год, 13 января: Пятидневная голодовка в Дели в поддержку восстановления единства общин. 20 января: Во время молитвенного собрания в Бирле недалеко от Ганди была взорвана бомба. 30 января: На 78 году жизни Ганди был убит Винаяком Годзе.

Сноски

1

Молодая Индия (англ.). *Прим. пер.*

2

В русском переводе: Ганди М. К. Моя жизнь. – СПб.: Азбука, 2014.

3

Цифровые надстрочные сноски указывают на источники, список которых приведен на сайте издательства: http://www.mann-ivanov-ferber.ru/books/pravila_gandi/. *Прим. ред.*

4

Ирвинг В. Жизнь пророка Мухаммеда. – М.: Ломоносов, 2012.

5

Эта информация была актуальна на момент выхода книги в 1951 году. Манилал Ганди скончался в 1956-м, и изданием газеты после его смерти недолгое время занималась его вдова. *Прим. ред.*

6

Джеймс Босуэлл (1740–1795) – выдающийся шотландский мемуарист; его двухтомник «Жизнь Сэмюэла Джонсона» считается вершиной биографического жанра, по крайней мере, в англоязычной части мира. *Прим. ред.*

7

Информация была актуальна на момент написания книги. Пьярелал Найяр скончался в 1982 году, его сочинения на русском языке не издавались. *Прим. ред.*

8

Справедливости ради следует заметить, что использование латинского эквивалента этого высказывания, «*Vox populi vox Dei*», прослеживается в Европе до VIII–XII вв. *Прим. ред.*

9

Шейлок – персонаж пьесы Уильяма Шекспира «Венецианский купец», еврей-ростовщик. *Прим. ред.*

10

Толстой Л. Н. Царство Божие внутри вас. – Берлин: Изд-во Ладыжникова, 1909.

11

Кхади – разновидность домотканой одежды. *Прим. ред.*

**После ознакомления с книгой не забудьте купить ее
бумажную версию!**

Все книги на сайте представлены исключительно в ознакомительных целях.

После скачивания книги и ознакомления с ее содержанием Вы должны незамедлительно ее удалить.

Копируя и сохраняя текст книги, Вы принимаете на себя всю ответственность, согласно действующему законодательству об авторских и смежных правах.

Администрация сайта призывает своих посетителей приобретать книги только легальным путем.